

Парус

ISSN 0235—2737

2/1991

*Время
по Горбачёву*

СОЮЗ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК
1:8000000

 Парус

Александр БАШЛАЧЕВ

Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

Отечество. Добро. Справедливость.

Парус

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

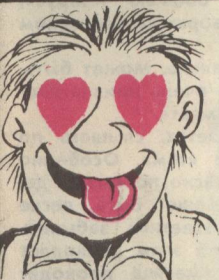
Издается с июля 1972 г.

Содержание

<i>Время по Горбачеву</i>		
Инга СОЛОВЬЕВА. Между нами, «утюгами»...	2	2
Василий ДРАГОВЕЦ. Ищите истину!	3	3
ФИТ		
Ольга СОКОЛ. Все на «пять»	6	6
<i>Уроки любви в письмах</i>		
Свеча на ветру	8	8
<i>Свободная территория</i>		
<i>Раздевалка</i>		
Жить как?	12	12
Я самый последний подонок и вор	13	13
<i>Восьмерка</i>		
Ирина МУСИК. Прозрение	16	16
Яша КЛЕВЫЙ, Артем ГОЛИЦЫН. Хроника	18	18
Кафе-шантан	20	20
Дайте мне приколоться!		
Александр ЛАЗАРЕВ. Ништяк	22	22
Ищу друга	23	23
Вы-нам-мы-вам		
А вот так!	24	24
<i>Самсоздат</i>		
Записки мадемуазель Портос	26	26
Два шага вперед!		
Нина ПРОКОПЧИК. Адресок вместо брачного объявления	28	28
<i>Час приема по вечным вопросам</i>		
Тамара САХАЩИК. Тренажер для позвоночника	30	30
<i>Рукописи не возвращаются</i>		
Владимир БОЖЕНОВ. Вокзал целомудрия. Новелла	32	32
<i>Служить бы рад...</i>		
Старшина ФАСТ. «Холоднокровней, парни, щетильней, ребята...»	38	38
<i>Так жить нельзя</i>		
Марина БИРЮКОВА. Общага	40	40
<i>И вспоминая старину...</i>	44	44
<i>Азбука для двоих</i>		
Д-р Счастливы. Тайна первой любви	46	46
Конкурс «Деловые надежды»	48	48
<i>Мужской разговор</i>		
Владимир ХАЧИРАШВИЛИ. Не седлайте обнаженный нерв	50	50
<i>Долой стереотипы!</i>		
Шире окна, джентльмены	54	54
Борис СЫТКОВ. 10 уроков большого тенниса	56	56
z00	56	56
Плейер «Триумф»	58	58
Рок-тусовка	60	60
Игротека	62	62

Здесь, на поле, напротив названий публикаций номера, по десятибалльной шкале поставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале — оценки за оформление публикации. Спасибо вам!

2 / 1991

На 1 стр. обложки фото Андрея ГАВРОНА

№ 2, 1991

МЕЖДУ НАМИ, «УТЮГАМИ»...

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

имя и фамилию [это — если считаете нужным];

возраст;

где учитесь или работаете.

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

Здравствуй, друг «Парус»!

Решила поделиться наблюдениями с любимым журналом. Немного о себе: мне 17 лет, зовут Инга, обожаю «Парус», слушаю музыку от Баха до «новой волны», говорю на испанском свободно. Но это так — общие сведения.

Проблема, о которой пишу, далеко не глобальна. Может быть, она не стоит журнального листа, но я была бы очень признательна, если бы ты, «Парус», уделил ей чуть-чуть места.

Знаешь, надоело читать в журналах и газетах, слышать по ТВ и радио о той далекой и сладкой жизни «там». Особенно часто говорит и пишет молодежь. Я все прекрасно понимаю: да, там действительно лучше, в какой-то мере, может быть, легче жить, но все это не повод, чтобы так «беззаветно» забывать и обливать грязью все наше. А судить мне об этом позволяет опыт моих родителей, которые в год 2—3 месяца проводят за рубежом, в капстранах (за последние 3 года: Франция, Бельгия, Нидерланды, США), — чисто деловые, рабочие контакты, но и туризм, конечно. Меня раздражает, когда люди, ни разу «там» не бывавшие, судят о том, как «там» все отлично. Да, отлично! Но какой ценой это достается! Копните вы глубже, люди! Отец рассказывает: в Бельгии каждый житель утром моет улицу у своего дома щетками с мылом, урны все закрыты крышками и стоят нормально (а не валяются, распинатые нашими парнями, а то и девочками), один раз в неделю жители своими силами убирают парк, в подъездах — коврики и цветы, на улицах — ни одного плевка. В США все подростки работают вне учебы, брать деньги у родителей вообще не принято.

А как работают они! «От и до» — без всяких idiotских «перекуров» и «передыхов», отдыхают только в воскресенье, пьянство на производстве исключено полностью, а за опоздание на работу — огромный штраф вплоть до увольнения. Вот почему у «них» столько товаров и полный достаток — от нормального труда, а не от того, что на работе халявят (как мы), складывая денежки в карман.

Так почему же мы перенимаем только внешние стороны, бездумно, глупо — как попугаи! И не хотим, нет, совсем не хочется нам перенять ту добросовестность, любовь к порядку и трудолюбие, свойственные Западу. Нацепив кооперативную тряпку с «лейблом», уже считаем себя на 100 % иностранцем, обливая грязью все советское и оставаясь в душе обычными советскими «утюгами». Надо перенять психологию людей, а не навешивать на себя тряпье, которое, кстати, у молодежи США ценится довольно низко. Это для них — необходимость, обычная необходимость, без которой нельзя обойтись. Для нас — предмет культа и поклонения. Вот так! А потом, не надо говорить о том, как «там» легко. Недавно в КВН слышала фразочку: «Прожить жизнь надо «там», чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы». Да поймите вы, что вы бы «там» загнулись! Кстати, знаменитая кинозвезда Джейн Фонда сказала, что США — спортивная держава именно из-за своего труда (т. е. чтобы выбиться в люди и иметь деньги, в Штатах нужно работать «запредельно», и, чтобы организм выдерживал нагрузки, они занимаются спортом). Большинству из нас этого не понять. Поэтому и думаем, что «там» манна с неба падает, поэтому и нет у нас в магазинах ни шиша — работать-то некому, да и неохота.

Вот так. А хватать с «загранки» вершки, не копая глубже, может, простите, и обезьяна.

Инга СОЛОВЬЕВА

**ИЩИТЕ
ИСТИНУ!**

Честно признаюсь, без обиняков и эмоциональных всхлипований, — порой мне становится просто боязно за тебя, читатель! Я не представляю, как можно сохранить нормальное состояние души и мысли в наше время, т. е. в «наиболее трудный и драматичный период революционной перестройки», по определению официальных лиц.

Нет, я не буду говорить и вовсе даже не имею в виду пустые прилавки, голод в городах, жуткую преступность и происходящий развал государства. Не буду, потому что уверен: вы скажете — надоело, сколько можно!! Ничего не меняется, наоборот, становится хуже и хуже...

Ведь действительно надоело, соглашаюсь я мысленно с вашими предполагаемыми аргументами, а потом вдруг спохватываюсь, будто разбуженный громким колоколом, и чуть ли не кричу: но ведь это нон-

сенс — государство разваливается, а мы: надоело, хватит, что толку!!

Государство, которое созидалось веками, крепилось талантом и умом наших великих предков. С нами, в нашей истории Дмитрий Донской и Сергей Радонежский, Петр I и Иван Грозный, А. Суворов и М. Кутузов, Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин, Г. К. Жуков и С. С. Королев... Кем и чем были бы мы без них, без тысяч миллионов патриотов и хранителей земли русской!! И вот — надоело...

Откуда это в нас — равнодушные, беспечность, неверие и разочарование! Что лежит в основе этого страшного по своей сути явления — безразличия к судьбе Отечества!

Я погружаюсь в тягостные раздумья. Какие удивительные, однако, происходят взаимопревращения понятий и вещей в природе и обществе. Как часто

благородное по замыслу дело на практике, в жизни оборачивается абсолютно непредсказуемыми, тяжелыми и драматичными для всех последствиями. Может быть, таков универсальный принцип развития вообще и тут ничего нельзя поделать!

В некоторой степени, конечно, так. Предсказать ход того или иного начинания, особенно, если в него включаются огромные массы людей, чрезвычайно трудно. Нужны колоссальная интуиция, огромный философско-исторический интеллект, непревзойденный политический опыт. Но и этого мало. Ведь, в конечном счете, важно не только обладать интуицией, интеллектом, опытом, но и суметь применить их в реальной, наполненной противоречиями и драмами, быстротекущей жизни.

Политические лидеры нашего времени, благодаря достижениям цивилизации, располагают одним неоспоримым преимуществом

ществом перед своими историческими предшественниками. В их руках сегодня уникальный инструмент воздействия на умы и сердца сограждан — средства массовой информации: телевидение, радио, пресса. Слово тысячи кровеносных сосудов, пронзают они огромный общественный организм, непрерывно перекачивая через него немислимый поток информации, определяя его самочувствие, движение, вообще здоровье.

Сегодня здоровье общества, состояние страны исключительно тяжелое. В смертных конвульсиях задыхается экономикка, в трясине цинизма и деячества тонут нравственность и мораль, воздух пропитан невежественной злобой, разрушением и тотальным дофенизмом. Пожалуй, никогда ранее, даже в самые грозные и смертельно опасные моменты своей истории, наш народ не был столь духовно подавлен, морально унижен и оскорблен, как ныне, во времена перестройки и гласности.

Перестройка начиналась под флагом гуманизма, демократии, отрицания абсурдных порождений узкогруппового партийного абсолютизма. Ни раньше, ни теперь я нисколько не сомневаюсь в том, что архитекторы перемен руководствовались самыми благородными порывами: вывести страну в лоно цивилизованных держав, открыть ее миру, покончить с абсолютизмом. Почему же по прошествии стольких лет результаты перемен так горьки, а благородные цели в чем-то вроде бы и достигнуты, но в главном — так бесконечно удалились от нас! Почему так обзидались люди: старики не понимают молодежь, а молодежь, словно ненужный хлам, отбрасывает в сторону опыт и идеалы старших! Какая же кровь пульсирует в общественных наших капиллярах, что мы так безразличны к прошлому и будущему, что даже судьба Отечества, угроза его гибели, и те сегодня не способны воодушевить нас, возвысить суровый голос разума над интригами безумцев, расчетливых политиканов, фарисействующих купцов!

Я мучаюсь над сомнением этих нелегких вопросов, парализующих мое сердце, разум, волю, и понимаю, что я тоже обречен, отдан на закание великому разрушению духа. Никогда ра-

нее держава не была так духовно надломлена еще и потому, что никогда ранее так не растапывалось прошлое, не искажалась история, не распинались идеалы.

Я понимаю разумом и принимаю душой трагедию моего народа, пережившего насильственный захват власти, диктатуру, коллективизацию, жестокую войну, ночные бдения в очередях за кукурузной буханкой. Но мне не нужны сенсационные вердикты прошлому — я хочу знать подлинную историю своего народа. И как бы ни выглядели сегодня идеалы старшего поколения, я не могу зло смеяться над ними и втаптывать их в грязь уже лишь потому, что за эти идеалы поднимался в атаку мой отец. Он не сомневался, я это знаю, он верил искренне и свято, как может верить человек, у которого есть лишь одно право — право без устали, до седьмого пота добывать свой кусок хлеба на земле.

Историю нельзя рассматривать прищурившись, историю нельзя судить походя, у истории можно и должно учиться, всматриваясь в нее честным, беспристрастным взглядом.

Чего только за недавнее время мы ни читались о Сталине, его ближайших соратниках, вообще о 30-х годах! Интерес к этому времени огромен и понятен. Но как, скажите, составить о нем истинное представление, если в одной публикации утверждается, будто в эти годы экономикка страны была подорвана, а в другой — что нет, наоборот, были достигнуты невиданные темпы развития во всех отраслях, а страна вошла в число наиболее развитых государств!

Сталин изображается как патологический деспот, никчемный политик, физически неполноценный человек. У него находят шизофрению, паранойю, выискивают связи с царской охранкой, закулисную дружбу с Гитлером, утверждают, что он отравил В. И. Ленина, способствовал смерти Н. К. Крупской, дезорганизовал управление войсками в годы войны, мешал Г. К. Жукову, присвоил себе его заслуги...

Особая тема — недалекий умственный потенциал, узкий кругозор Сталина. Он только и мог плоско шутить, грубо обрывать собеседника, писать ошибочные теоретические статьи, неумело поучать писателей, ре-

жиссеров, художников. Одним словом, как выразился о нем Троцкий, «выдающаяся посредственность».

Но вот выходит в роман-газете книга известного ученого, авторитетного историка Д. Волкогонова «Триумф и трагедия», посвященная личности И. В. Сталина. И мы узнаем совершенно противоположное. Причем, автор отнюдь не благоволил своему герою, он объективно, на основании множества документов пытается составить более-менее точный портрет вождя.

«При огромной загруженности, — это удалось установить точно, — пишет Д. Волкогонов, — Сталин весьма много работал над повышением своего интеллектуального уровня.

В личном архиве Сталина сохранился один любопытный документ. В мае 1925 года Сталин поручил своему помощнику Товстухе создать для него хорошую личную библиотеку. Товстуха, немного растерявшись от неожиданной задачи, спросил Генсека:

— Какие книги должны быть в библиотеке!

Сталин, начавший было диктовать, внезапно остановился, сел за стол и в присутствии помощника на двух сторонах одного листа бумаги почти без раздумий за 20 минут написал записку библиотекарю, которую мы, несмотря на простоту, приведем полностью:

«Записка библиотекарю. Мой совет (и просьба)

1) Склассифицировать книги не по авторам, а по вопросам:

- а) философия;
- б) психология;
- в) социология;
- г) политэкономика;
- д) финансы;
- е) промышленность;
- ж) сельское хозяйство;
- з) кооперация;
- и) русская история;
- к) история других стран;
- л) дипломатия;
- м) внешняя и вн. торговля;
- н) военное дело;
- о) национальный вопрос;
- п) съезды и конференции (а также резолюции), партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов);
- р) положение рабочих;
- с) положение крестьян;
- т) комсомол [все, что имеется в отдельных изданиях о комсомоле];

у) история революций в других странах;

ф) о 1905 годе;

х) о Февральской революции 1917 г.;

ц) об Октябрьской революции 1917 г.;

ч) о Ленине и ленинизме;

ш) история РКП и Интернационала;

щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры);

щ¹) профсоюзы;

щ²) беллетристика;

щ³) худ. критика;

щ⁴) журналы политические;

щ⁵) журналы естественнонаучные;

щ⁶) словари всякие;

щ⁷) мемуары.

2) Из этой классификации изъять книги (расположить отдельно)

а) Ленина (отдельно)

б) Маркса (—)

в) Энгельса (—)

г) Каутского (—)

д) Плеханова (—)

е) Троцкого (—)

ж) Бухарина (—)

з) Зиновьева (—)

и) Каменева (—)

к) Лафарга (—)

л) Р. Люксембург (—)

м) Радека (—)

3) Все остальные классифицировать по авторам (исключив из классификации и отложив в сторону: учебники всякие, мелкие журналы, антирелигиозную макулатуру и т. п.)

29.V.25 г. И. Сталин

Учитывая, что это был фактически моментальный набросок, а также уровень «книжной цивилизации» того времени, нельзя не признать определенную широту взглядов Сталина. Если взять в качестве теста метод, невольно предложенный Сталиным, можно проверить себя на «энциклопедичность», степень универсальности, как и «специализации», — делает вывод Д. Волкогонов¹.

Может, попробуем, проверим себя по набору авторов и перечню литературы, указанной в записке!!

Я далек от мысли рисовать Сталина в положительных тонах. Нам, ныне живущим, и тем, кто будет жить после нас, нужно только одно — правда, нам нужен Сталин таким, каким он был в жизни. На «выжженной земле», как и на сусально-за-

чательном прошлом, нельзя обрести истину, устояться духу, сформировать принципы. А значит, нельзя с уверенностью жить, думать о будущем, строить это будущее. В чистых водах перестройки мы так хотели утолить огромную, нестерпимую порой жажду правды. Но воды замутились беспросветным хламом, деляческим мусором конъюнктуры, дешевых амбиций и жиденькой демагогии. А сколько появилось охотников половить рыбку в мутной воде!

Кому-то очень хочется — и вот, вопреки исторической правде, красится исключительно белыми красками образ еще одного политического деятеля — Н. С. Хрущева. Такой добрый, такой уважительный к людям, такой трудолюбивый... Умалчиваются всего лишь незначительные детали, как-то: приказная и жесткая кампания по ликвидации личного крестьянского подворья, что привело деревню к полной деградации и разрухе, голод в стране в начале 60-х, позорные пьяные выступления, страшные репрессии на Украине в бытность там первым секретарем ЦК КПУ и др.

В отношении Л. И. Брежнева, наоборот, все мажется только черным цветом и сопровождается шутовскими интермедиями на телевизионных и иных «вечерах смеха». Не говоря о том, что это крайне неэтично с точки зрения самоценности народа, который почти два десятилетия жил под именем Л. И. Брежнева, что это ставит в исключительно невыгодное положение нынешнее руководство страны, это, кроме всего, исторически неверно. Ибо люди знают другое: в конце 60-х и начале 70-х наши гастрономы ломились от изобилия продуктов, и я помню, как, студентами, мы свободно покупали «для пробы» охотничьи сосиски, которые своей дочке я, наверное, не смогу показать и в музее.

При том же Л. И. Брежневе, наконец, вздохнула деревня, непомерно усталая от нищеты и беспросветных перестроек.

Это тоже было, как были и всенародно транслируемые поцелуи, орден Победы, маршальский китель...

Мне скажут: что вы все о личностях, дело-то ведь в системе. Да, дело как раз в системе, которую в разные годы олицетворяли разные личности — и, не разобравшись в лицах, в их

политике и действиях, мыслимо ли разобраться в системе, понять, что в ней плохо, а что хорошо, приемлемо для дня нынешнего и завтрашнего.

Не отсюда ли проистекают наша всеобщая неразбериха в выборе экономического и политического курса, жалкая пошлость за продекларированный суверенитет районно-областного масштаба, некомпетентная маниловщина в «рыночной» агитации и пропаганде!

Не отсюда ли наше равнодушие к национальным святыням и культурным ценностям, попустительство невиданному разгулу пошлости, сексуально-порнографическому безбрежью, убогости на экране, примитивизму на сцене!

Что Сталин, Хрущев, Брежнев!! Ретивые толмачи от истории уже обсасывают косточки Пушкина, Достоевского, Толстого, Ленина, Шолохова.

Как же, разве не знаете! Ленин-то, оказывается, заболел сифилисом, не мог излечиться, потому и застрелился...

Пушкин!! Тот, еще отроком, девушек водил по ресторанам...

Шолохов!! Так он же ведь не сам писал «Тихий Дон»...

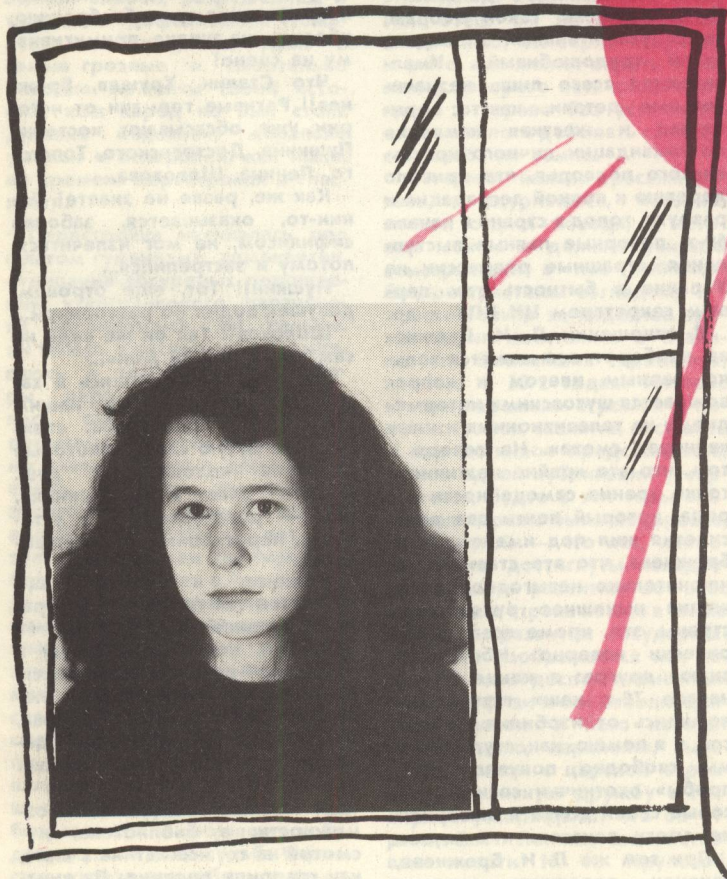
Вот так, зажмурившись и хамовато улыбаясь над нашим прошлым и настоящим, стригут себе дутую славу некоторые целители человеческих душ. Себе — славу и сребренники, нам — разочарование и усталость, перестройке — обреченность.

Скажите, в каком еще обществе так понимают плюрализм мнений! Аналогов нет. И, вероятно, не будет. Потому и нам, волей-неволей, приходится, прищурившись и подмигнув левым глазом, заметить: такова, читатель, социалистическая демократия времен перестройки. Так что терпи, а лучше — ищи истину сам, по возможности, в библиотеке, не смотря на то, что истина в вине, как говорили древние. Да вина-то все равно не достанешь...

Василий ДРАГОВЕЦ

¹ См.: Роман-газета, № 20, 1990 г., с. 30—31.

ВСЕ НА «ПЯТЬ»

Начну с того, как Таня, получив приглашение на второй тур конкурса, от него отказалась.

Она решила стать химиком, как мама. И выполнила задания первого тура. Но папа-физик «перевесил». И Таня начала готовиться к учебе в физтехе. Пришла в конкурсную комиссию и попросила перевести ее в группу физиков. Оказалось, что, по правилам конкурса, этого сделать нельзя.

— Тогда я пойду, — сказала Таня.

— Но вы же прошли на второй тур, — недоуменно произнес член конкурсной комиссии. — Закончите конкурс, и вам обеспечено место в МХТИ.

— Нет, — сказала Таня, — я буду готовиться в физтех. До свидания.

Ее догнали, вернули и... разрешили. В порядке исключения.

Но рассказ будет не о второй Марии Кюри. После встречи с Таней я поняла, что ее «гениальность» — совсем в другом. Ее жизненный путь на удивление прямой. Без ошибок. А ошибиться ведь так просто: шаг влево — шаг вправо, и соскочил, потерял время. Приходится потом начинать все сначала, заново.

Принято считать, что юность — это как бы жизненный черновик. Пробуй, ищи, ошибайся, есть время все переделать. А ведь можно и не успеть переписать все набело. Люди, которые это понимают, умеют не ошибаться. В этом — их талант.

С самого начала судьба Тани Новобранцевой складывалась по простой, правда, редко встречающейся в нашем обществе схеме: папа любит маму — мама любит папу — родители любят дочь — дочь любит родителей. Ее воспитанием специально не занимались, этот процесс проходил для нее самой как-то незаметно.

С четырех лет она ездила вместе с папой, кандидатом в мастера спорта по альпинизму, в горы. Там начала заниматься физикой. Для удовольствия. Потом пошла в английскую школу, потом, когда поменяли квартиру, стала учиться в физическом классе. Дальше — конкурс и институт. И никаких трагедий, страшных событий, проблем...

Так коротко, конспективно

Поводом для знакомства с Таней Новобранцевой, выпускницей 4-й московской школы, послужил конкурс «Абитуриент-90». Тридцать пять его лауреатов, и Таня в том числе, были зачислены без экзаменов в московские химико-технологический и физико-технический институты.

Для справки: в этом году конкурс предполагает расширить свои рамки. Кроме «физиков» и «химиков» на конкурс приглашаются знатоки экономических наук. В газете АН СССР «Поиск» вы сможете подробнее узнать об условиях «Абитуриента-91».

* См. «Парус» № 2, 1990 г.

рассказывала мне о себе Таня. Обыкновенная москвичка. Ее лицо на первый взгляд простое: небольшие глубокие карие глаза, крупноватый нос, нежные губы, чуть припухлый подбородок. Она — совсем не «московская красавица». Но в облике ее есть что-то от Анны Керн — спокойствие, достоинство, ум, сила, женственность...

И все-таки мне не верилось, что ее жизнь может быть настолько беспроблемной. Скорее всего, из-за того, что человеку свойственно помнить только хорошее, Таня не расстраивается о плохом. Поэтому я начала выискивать в ней привычную для нас неудовлетворенность жизнью.

— Все ненавидят школу. Ты тоже?

— Школу люблю. У нас был хороший класс, сильный. Мне нравится учиться. Приятно чувствовать себя образованным человеком. Я действительно много занимаюсь...

— Но не целый же день, или для тебя наука — вся жизнь?

— Нет, конечно. Когда настроение располагает к размышлениям, сажусь за пианино. Я закончила музыкальную школу. Но в этом году больше двух раз в неделю не получается, это мало. Скучно без Баха. Еще — в кино хожу. А на дискотеки не тянет...

Конечно, не потянет, если не с кем. Видимо, она — замкнутый, одинокий человек. Да и откуда взяться компании, если с утра до вечера либо учебники, либо Бах?

— У тебя, наверное, мало друзей?

— Друзей даже слишком много — иногда хочется одиночества. И так получилось, что среди них больше парней: в нашем классе было 22 мальчика и восемь девочек.

В дверь позвонили. «Это ко мне», — извинилась Таня и пошла открывать. Я же с интересом ждала, кто войдет: «мажоры» (Таня живет в престижном районе столицы), охламоны с Арбата или «хиппующие комсомольцы»... Вошли двое молодых людей весьма скромного и положительного вида: в отечественных брюках и домашней вязки свитерах. Поздновались и ушли в другую ком-

нату. Там что-то запикало-запиликало. На мой вопросительный взгляд Таня ответила: «Это компьютер. Папа на нем работает, мы учимся, иногда играем».

Говорят, в будущем компьютер заменит детям и общение с родителями, друзьями, и книги. Однако книгам в Таниной комнате отведено большое место: целая стена ими уставлена.

— Любимые авторы — Платонов и Айтматов. Из лирики — Маяковский, — предупредила мой вопрос Таня.

Однако... Выбор тонкий и взрослый. Обычно ее сверстницы запоминают из классики только хрестоматийный вариант письма Татьяны к Онегину, а чаще балдеют от текстов типа: «девочка моя синеглазая, ну, скажи, что любишь ты меня...» А чтобы оценить лирику Владимира Владимировича, надо уметь разбираться в литературе.

О бытовых проблемах спрашивать Таню было совершенно бессмысленно. Квартира, в которой она живет, поначалу даже пугает своим уютом и комфортабельностью, в ней не чувствуешь себя зверьком, как в клетке-хрущевке. Мебель представлена точно, красиво, со смыслом. Высокие потолки создают объем. Много воздуха — много воздуха. В такой квартире можно свободно двигаться, не боясь задеть собою предметы... Это чистый дом, в котором живут любовь и покой. Именно так должны жить все люди, но...

Рассказ о Тане выглядит неправдоподобно гладким, и я продолжала сомневаться, искать какие-то досадные мелочи. Она тоже ищет, старается, но — не находит. Все есть: любимое занятие, семья, дом, друзья, книги... Каждый ее шаг обречен на удачу. От этого неловко. Такого не может быть; но я вижу, что это так.

И все же мы докопались до ее проблемы.

— Вот: волосы. Что с ними делать? — Таня улыбнулась и безнадежно попыталась поправить рукой это строптивое пышное вьющееся чудо. — Не очень ли я лохматая?

Передо мной сидела со всех сторон положительная девушка. И это меня раздражало. Вместо

того, чтобы, как нормальные подростки, по подвалам шататься, она дома сидит, физикой занимается, на компьютере играет и книжки читает. Вместо несчастной любви — милые друзья и бардовские песни под гитару. С родителями — полное взаимопонимание и дружба. На каникулах — горы, в минуты отдыха — Бах. Ей хорошо в ее теплом гнездышке, уютно в своем мирке. Попробовала бы она выйти на улицу, в массы, так сказать. Да ее в первой же подворотне... Что, собственно, она сделала сама для своего благополучия? Ведь всю эту благодатную атмосферу жизни создали ее родители. А ей оставалось только воспользоваться тем, что дано.

Меня раздражали ее безмятежность и беспроблемность. Мне захотелось сказать ей, что жизнь — это жестокая борьба, что надо быть готовой к этой борьбе, что такие, как она, «тепличные детки», не имеют права владеть свое жалкое благополучное существование в то время, когда...

Но что же происходит с нами, не плохими людьми, если нормальная, по-настоящему нормальная, то есть радостная, счастливая жизнь другого человека раздражает до злости, когда на всю ее положительность хочется найти один большой, перечеркивающий все, аргумент против... Мы все долго боролись за что-то хорошее, и сейчас все боремся, а жить-то когда? А вот Таня живет и, представьте, радуется своей жизни. И такая ее жизнь приравнивается к гениальной, к исключительной только потому, что она — проста. Все, что нужно для радости, — в самой Тане. От этого — ни одного шага в сторону, ни одной ошибки. Все на «пять». Одним словом, жизнь набело.

Это зависит от Бога? Черта? Фортуны? Это зависит от человека. Только не надо считать, что такая жизнь — подвиг. Это и есть настоящая жизнь, которой мы пока почти не знаем.

Ольга СОКОЛ

СВЕЧА НА ВЕТРУ

УРОК ПЕРВЫЙ: любовь зависима, пуглива и слаба. Не надейтесь на «авось», на то, что «кривая вывезет». Раздуть робкий огонек в яркое пламя безмерно трудно — потому-то все первые любви так несчастливы...

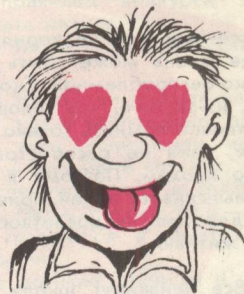
А ЛЮДИ-ТО ЗЛЫЕ...

Знаете, в свои пятнадцать лет я уже успела полюбить. Это выглядит так: в одном маленьком городе есть школа, в школе учится девочка, одаренная хорошей памятью, слухом, музыкальными способностями. И даже красивая немного. И учился в школе парень — ничем не отличавшийся от остальных, пока девочка его не полюбила. Поскольку ее глаза постоянно искали его, в близком кругу все, конечно, быстро догадались о бушующих чувствах. Так рядом с ней и с ним появилось третье лицо. Это — «общество». Точнее, группа мальчиков и девочек. Они сумели растравить, растоптать, преподать чувства несчастной девчонки так, что возлюбленный ушел... О, я никогда не забуду его слова: «Как общество относится к человеку (в частности, ко мне), так буду относиться и я!» Отлично сказано, да? Если бы подружки не удержали меня, я наверняка сделала бы что-то страшное. Теперь он уехал в большой город учиться. Приезжает на каникулы, и я, которая кляла его на чем свет стоит, бегу на улицу, на танцы, чтобы хоть глазком посмотреть на любимые черты... Губы проклинают, а сердце зовет и любит. Пожалуйста, большие и опытные люди, научите меня разлюбить его. Подружки-лицемерки говорят ложь, а я хочу правды. Один только раз я услышала про наше «общество»: «Они превратили любовь в гадость».

АЛЕНА

ПОСТЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Я человек очень влюбчивый. Но влюбленность не перерастает в любовь. Я не могу любить. Казалось бы, всё у знакомых парней есть: характер, ум, внешность, хорошее отношение ко мне. И тут, нате вам, — начинаются намеки, весьма недву-

смысленные... И мне очень горько и обидно; такое ощущение, что меня предали. Не хочу, чтобы любовь начиналась через постель!

Вот уже два года прошло, как я заметила одного парня. Нельзя сказать, что он красив, но есть нечто, делающее это лицо запоминающимся, — глаза. Мы улыбались друг другу около года, пока, наконец, познакомились. Он оказался мастером спорта, очень интересным человеком. Разговаривая с ним, нужно все время думать, следить за своей мыслью. Я же привыкла к невысокому умственному уровню своих собеседников и поэтому решила: вот мой человек. Как я была счастлива! Сегодня случайно встретила его (ехала купить билет отцу на автобус), а он не поверил, что я еду не на свидание, поехал со мной, попросил заехать к другу что-то отдать, а тот вдруг засобирался и ушел «по делам минут на двадцать», мой возлюбленный включил музыку, мы немного поговорили и ... я чудом осталась девчонкой. Вырвалась и ушла.

Плачу. Ведь он мне так нравился, я ему — тоже, я это видела. Ну неужели нельзя по-человечески? Неужели постель — священное звено между чувствами?! Торжествует принцип: «Зачем встречаться с девушкой, если она не хочет с тобой спать». Этот мой парень, он же не подонок, он же «вполне порядочный». Но если я поддамся, — стану только

одним из многочисленных «эпизодов», как они это определяют.

Во мне еще живет вера, что взаимная счастливая любовь существует. Но с каждым днем этой веры все меньше и меньше.

ОКСАНА

ДОМАШНЯЯ ДЕВОЧКА

Начиная с 14 лет, для меня все, как в бешеном сне. За этот год у меня было двенадцать парней. Кого я бросила, а кто и меня. Но вот я узнала одного парня. Ему 16 лет, зовут Олегом. Я с ним дружила два дня. Потом он стал просить близости, и я ему далась по большой любви. Из всех парней, кого я знала, всех забыла, а этого забыть не могу. Он стал просить еще больше, но теперь я отказывала и каялась. Мы поссорились. Я, назло ему, стала заводить все новые и новые знакомства и давалась парням, но все равно никого другого больше не могла полюбить так, как Олега. Никого!!! А ему наплевать. После близости он считает меня шлюхой. Но ведь он сам... Я очень несчастна. Да еще эта учеба поперек горла встала. Во всем мире у меня был один настоящий друг — это мой пёс Бимка. Но Бимка попал в аварию и я похоронила его. Все время ношу на его могилу разные сладости. Бимка, бедный мой, ты не знаешь, как мне тяжело. Сегодня мне мать сказала, что я дебильная и свинья. Мне так хочется отомстить кому-нибудь за сплетни, за Олега, за все. А раньше я была такая домашняя девочка.

ИРИША

ЛАВ СТОРИ

Придя 1 сентября в школу, я увидел человека, на которого прежде внимания не обращал. Увидел и влюбился. Это Сашенька. Вернее, Александра Николаевна. Ей 24, мне 17... Может быть, я бы не решился. Но вид у меня довольно приятный, здоровьем, умом, красотой бог не обидел. Подошел: «Александра Николаевна, мне надо с вами поговорить». И пригласил ее в кино. Но в кино мы не пошли, просто гуляли, разговаривали. Недели две все было о'кей. Я водил ее в бар «Мороженое», в кино. Потом был телефонный звонок: Саша в слезах просила прийти. Я прилетел за три минуты. У нее истерика. Оказывается, мою Сашеньку, моего зайчика, изнасиловали. Господи, что со мной было! Вышел на улицу, увидел эту толпу, все мои знакомые. Не знаю, как я не убил этого козла. Он в оправдание: «Мы не знали, что это твоя кукла». На следующий день пришел встречать Сашеньку после уроков. И опять эти ребята. Стали убеждать, что она сама дала. Вот так финиш! Попросил сигарету, хотя месяц как бросил курить. Когда Александра Николаевна вышла, на нее обрушился шквал отборного мата. Что я ей наговорил — не помню. Но мне будет стыдно за это до конца жизни. Через день пришел просить прощения. Она сказала: «Ты очень молод, давай не будем портить друг другу жизнь и расстанемся». Пришел домой, выпил несколько пачек какой-то гадости. Больница. Приходит мама и говорит: «Я была у твоей куклы». Потом и Сашенька прибежала. Стоим,

я ее обнял... Тут медсестра: «Травится из-за нее, а отпускать не хочет». А действительно, зачем я это делал?! Кому и что хотел доказать? Саше? Глупо. Значит, для того, чтобы она меня пожалела? Очень глупо! В школу явился с огромным букетом роз. Мы объяснились. Я сказал: «Люблю тебя и все, а что было — забудем». Да, я люблю ее такой, какая есть: в школе — сама уверенность, а за пределами школы — очень слабая девчонка. Это еще такой ребенок! Я боюсь неосторожным движением или словом обидеть ее, боюсь сделать ей больно. Не знаю, любит ли меня Сашенька. Но уважает, это точно. Если хочешь, чтобы у тебя было все хорошо с девчонкой, надо быть самим собой, не лезть из кожи.

Мне повезло. Саша меня поняла, и теперь у нас все отлично.

НИКИТА

Редакция сочла необходимым изменить в письмах некоторые имена.

В следующих номерах мы продолжим публикацию уроков любви в письмах.

Любовь —
НЕ ВЗДОХИ
ПОД ЛУНОЙ...

Оформление Александра КОРШАКЕВИЧА

Логограф

те р и та р

ИНФОРМАШКА К РАЗМЫШЛЕНЬЦАМ!

У нас в «Парусе» произошло вот что: некоторые наши малые редколлеги стали студентами журфаков и даже штатными сотрудниками журнала. И рвутся в бой.

Мы предоставили им сегодня Свободную территорию, чтобы проверить их профессиональные способности в конкретном деле.

Справились они с этим или нет — судите сами. Только не забывайте, что начинающих лучше поддержать, нежели «утопить». Пишите письма! А еще лучше — «впрягайтесь» сами: Свободная территория по-прежнему для вас!

Малый и Малая —
редакторы СТ

ЖИТЬ КАК?

«Я боюсь рожать»

Не уверена, что, дыша воздухом города нефтехимиков, не рожу урода или олигофрена. Боюсь, что из-за халатности врачей мое чадо не увидит свет. Боюсь, что мой единственный сын угонит «таксу» или станет насильником, а единственная дочь — проституткой (или выбросится из окна мужского общежития). Еще страшнее, если мои дети будут похожи на меня. ЖИТЬ КАК!»

«Чирик», г. Омск

«В этом году я поступала в институт (в какой — не важно). Поступила. Но как! Моим родителям пришлось «отблагодарить» приемную комиссию «за помощь». Эта благодарность стоила 1000 рублей. Спросите, почему так дешево! Потому, что в комиссии были знакомые. А без знакомства поступление стоит от 3 до 5 тысяч. На моих глазах «завалили» женщину с пятилетним стажем и девушку, окончившую с красным дипломом музыкальное училище. Подготовленные к будущей профессии люди оказались за бортом. Обидно за хороших людей. Ну почему у нас так! Я ненавижу этот институт! Ненавижу эту систему!»

Лея, Каз. ССР

«Никогда ничего не ^прошу своим предкам. Меня забрали от них в 5 лет, таскали по детдомам и интернатам. До 10 лет я училась неплохо, а потом... Научилась крыть матом и курить. Бросила. Начала опять. Год назад я пошла в хабзу, и тут все началось. Однажды сидела в компании пацанов, и один парень, с которым я гуляла, ввалился к нам пьяным. Сказал мне, что если не дамся, то «вилы будут». Я хотела от него убежать, но он меня догнал. Там же, в кустах у кинотеатра, и изнасиловал меня. Сначала мне сочувствовали, но через неделю он снова изнасиловал меня. И все. Я пошла по рукам. Пила, курила анашу, таскалась с пацанами. Вскоре пришлось делать аборт. После этого я решила завязать, думала, что мне это по силам. Но пацаны, узнав об этом, избили меня до полусмерти. Я едва доползла до общаги, написала до галюников. Потом все пошло по-старому. Второй аборт, опять анаша и водка, «Беломор» и «Космос». Только теперь я поняла, что я такое. Мне незачем продолжать жить. Я даже не хочу, чтобы кто-то помнил обо мне. Спасибо. Мне там это будет не нужно».

Лена

Так как же нам жить? Ежедневно жизнь подкидывает такие «вопросики на засыпку», что перед ними меркнет все, что тревожило нас еще вчера. И кажется, ни конца ни края им не видно. Но даже самый черный день — не последний, жизнь продолжается. Почему она именно такая? Как ее изменить? Как найти в ней свое место?

Приглашаем всех читателей к разговору «за жизнь». Давайте вместе поразмыслим над этими вопросами. Совместными усилиями мы обязательно придумаем что-нибудь стоящее. Ваши сочинения — не для оценки, не для учителей, а для себя. Самые искренние, самые толковые письма мы опубликуем на страницах «Паруса».

Я — САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ ПОДОНОК И ВОР

«Мне сейчас 16 лет. Несколько лет назад я начал вытаскивать у родителей деньги — хотелось хорошо, модно одеваться. Сначала таскал копейки, потом рубли. Родители начали ссориться, думая, что один из них ворует у другого. И не подозревали, что это делает их единственный сын, которого они обожали. Я стал нахальным, грубил на каждом шагу. Думал, что со временем это пройдет. А сейчас понял, что не могу и не хочу быть подонок, но у меня ничего не получается. Я и сейчас лезу в кошелек, а вечером буду нагло смотреть в глаза отцу, врать, грубить. Понимаю, что всем обязан родителям, но не могу ничего с собой сделать».

Андрей

Это письмо — исповедь? Конечно, она облегчает душу, но ведь не для того, чтобы снова и снова делать то, в чем недавно каялся. В исповеди главное — искреннее раскаяние, пусть даже позднее. А Андрей... «снова лезет в кошелек».

Хочет вызвать жалость к себе? А за что жалеть вора? За то, что не утруждает себя честной жизнью? «Ах, бедный мальчик! Ах, как ему не хочется воровать!»

А может быть, он ищет помощи?

Но ужасли, Андрей, ты думаешь, что перестанешь красть, если тебе еще раз скажут, что это нехорошо? Ты мужчина или слизняк бесхребетный? Плакаться «Парусу» в жилетку легко, а переделывать жизнь куда труднее. Что для тебя важнее — шмотки или честь?

Мне кажется, помочь Андрею могут только два человека. Первый — он сам (по себе знаю, насколько больше удовольствия приносит вещь, купленная на свои заработанные деньги). Второй, видимо, — участковый милиционер... Может быть, уже есть смысл изолировать его от общества, отправить туда, где не будет родительских кошельков и красть будет не у кого?

Мне очень хочется верить, что Андрей выберет в помощники себя.

Не жизнь, а зефир в шоколаде

«Почти все, кто знает меня, считают, что перед ними идеал. Один знакомый говорит про меня так: «И внешность «на 5», и умница, и просто классный человек». Со стороны все отлично. Живу так, что можно позавидовать. Компании, мальчики, бары, рестораны. Хочешь друзей-интеллектуалов! Пожалуйста. Хочешь с панками или хиппи пообщаться! Общайся. По вечерам книжки умные и хорошие читаю, изучаю два иностранных языка. Не жизнь, а зефир в шоколаде.

Что еще добавить! Карьеристка и прагматик. Все мое будущее по годам расписано.

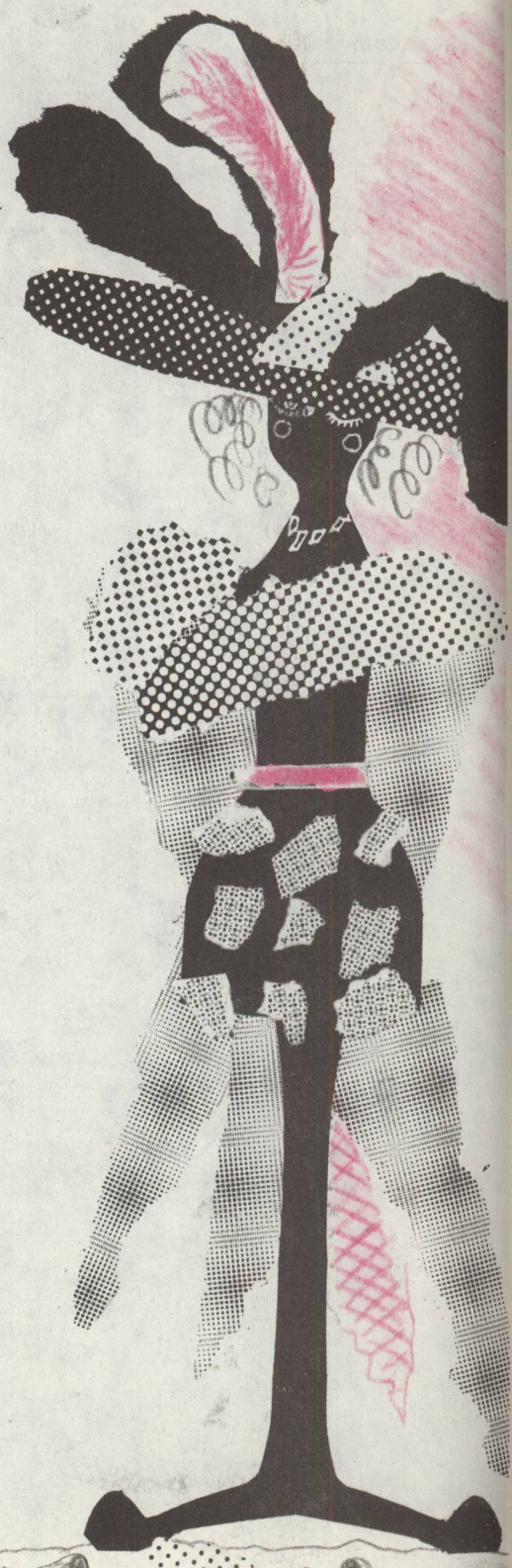
Наверное, думаете, что я рисуюсь! Нет, просто я поняла, что важнее всего, сколько ты платишь за жизнь. Только не надо о том, что и без денег можно прожить. Ведь если на тебе стоящая вещь, если ты с головы до пят выглядишь «на 100%», то и чувствуешь себя уверенно. А представляю, что было бы, если бы я появилась в своей компании в кофточке из «Богатыря». Никакая любовь не спасла бы меня. Кстати, о любви. «Я встретил Вас» — все это ложь! Особенно впечатляет, когда милый, хороший парень смотрит на тебя влюбленными глазами, клянется в вечности своих чувств, а в тот же вечер, но уже без тебя, гуляет «на мировую». На следующий день снова приходит к тебе и со словами «Да, я плохой, но я люблю только тебя!» рвет на себе волосы.

Вот, пожалуй, единственная сложность в моей жизни. А в остальном — «все схвачено, за все заплачено». Я получаю от жизни максимум удовольствия, знаю себе цену. И не понимаю, почему все так озлоблены на «мажоров»! По-моему, это просто зависть. Ведь с ними очень интересно беседовать, гораздо приятнее разговаривать с хорошо одетым и умным парнем, чем с представителем «вагонки».

Глупо. Если у человека есть голова, то он сможет жить так же. Моя жизнь не идеальна, но, во всяком случае, я знаю, зачем живу. А вы зачем живете? Чтобы выпить в компании какую-нибудь гадость, которую ни один приличный человек даже не понюхает! Или для того, чтобы раз в неделю сбежать в грязный видеозал и получить удовольствие на рубль! Или для тупой накачки мускулов!

Впрочем, видна птица по полету. Разве не так!»

Оксана, 17 лет

раздевалка

Любопытное письмо... Может быть, это первый ответ на вопрос, как же нам жить? Оказывается, все дело в деньгах, точнее, в их количестве. Есть зная сумма, и тебя, как Оксану, ждет безоблачная жизнь. Как все просто, даже не верится. А не верится, видимо, из-за ее оговорки «со стороны все нормально». Со стороны? Значит, все же что-то не дает Оксане покоя, не позволяет чувствовать себя полностью удовлетворенной жизнью. Что же это? А вот Оксана и сама говорит: единственная сложность в ее жизни — любовь. Ну да, сущий пустячок. И Оксана смело им жертвует, чтобы обеспечить себе «не жизнь, а зефир в шоколаде». Любви нет, зато есть множество мальчиков, дорогих подарков (уж, конечно, не из «Богатыря»).

Мне такая жизнь напоминает новогоднюю елку: нарядная, красивая, но праздник кончился, и елочку выбрасывают за ненадобностью.

Что произойдет, если Оксана появится в своей компании в кофточке «Made in Urjupinsk»? Ее популярность и уверенность в себе и в своей жизни резко упадут. Но она же и в этой кофточке не перестанет быть «классным человеком».

И потом, что это за «100 %»? Ведь для каждого человека они свои. Мне, для уверенности в себе, достаточно джинсов и любимого старого свитера, а кто-то уютно почувствует себя только в соболях... Дело ведь не в вещах и в процентах, а в нашем отношении к ним.

Равно как и в отношении к жизни... Зефир в шоколаде — вещь вкусная, не спорю. Но кушать его постоянно — извините! К тому же настоящая жизнь — не только сладкая, временами она горькая, кислая, пресная, наконец. Может быть, в этом многообразии и заключается ее прелесть...

**В «РАЗДЕВАЛКЕ»
дежурил Алексей Вороник,
студент химфака, член МР**

ПРОЗРЕНИЕ

Скажите, у вас есть Глаз, Замечающий Странное?
А в каком цвете вы смотрите кино из окна троллей-
буса? Но хоть конец света четко себе представляете?

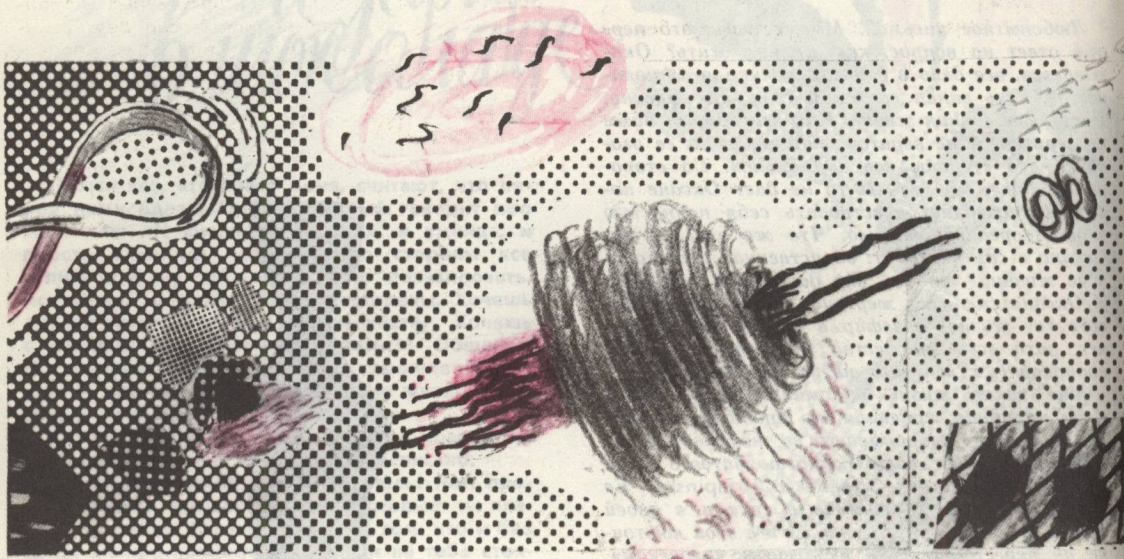
Не отчаивайтесь, если все это вам не слишком знако-
мо. Потеряно многое, но не безвозвратно. Никогда
не поздно открывать новые реальности: иногда для
этого достаточно окунуться в литературу «потока со-
знания».

От читателя требуется немного: капельку детской

...И вот он опять шел вослед своему будущему
и не знал, что с ним произойдет через один шаг.
Он шел, не ожидая и не томясь, шел уже очень
долго. Кончались вторые сумерки его нового бы-
тия...

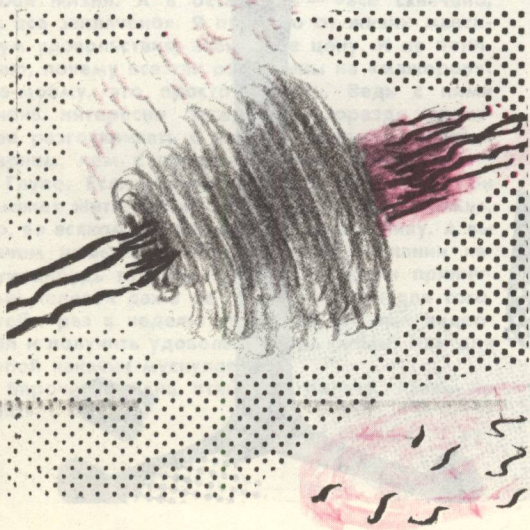
Два дня назад мой взгляд стал сер и я потерял-
ся в Городе.

Как долго мне идти этой бледной тропой? Ко-

наивности и чуточку юношеской «мудрости». От пи-
сателя еще меньше — заставить доверять себе. По-
этому «абсурдные» рассказы Иры Мусик, которые
кому-то покажутся в чем-то несовершенными, вы-
игрывают в другом, не менее важном для обитателей
«СТ» качеством — не поверить в искренность автора
невозможно.

Итак...

гда делаешь босиком осторожный шаг, кажется,
ступаешь по толстой белой змее, не зная ее язы-
ка, не зная, где она кончается и где начинается.
Я успокоился, так как достиг цели: я стал настоя-
щим горожанином, вечным жителем Города, Его
неотъемлемой частью.

Потеряв цветное зрение, я вынужден был по-
кинуть свой малый угол с настольной лампой и
гитарой, дабы, став одним из многочисленных
смыслов каменного пространства, бесконечно
блуждать по улицам, чуждым перспективе, ощу-
щая на себе гнет работы моего призрачного мозга.

Я могу лишь догадываться о теперешнем моем
предназначении, однако мне кажется, что я —
Его Будничный Глаз, смутный остов моего со-
знания — в созерцании, точнее, созерцание и есть
мое сознание. Но я не просто Будничный, я — Буд-
ничный, Замечающий Странное, и обрывки чужих
фраз, составляющих теперь мои мысли и чувства,
преобразовываются постепенно в понятие «зна-
чительность».

Нить, протянутая между полюсами моего оди-
ночества, оборвана, концы ее, закрутившись в спи-
рали, вникают все глубже, и их не вырвать уже
и не связать вновь никогда. Я важен сегодня: мне
разрешили вспоминания. Гипсовые руки моей
возлюбленной, ее блеклая улыбка и глаза, в ко-
торых я впервые улетел в бездну асимметричных
улиц. Теперь мне позволено понять: она была
воплощением Города, искушающим наваждением,
ласку которого нельзя было разоблачить реши-

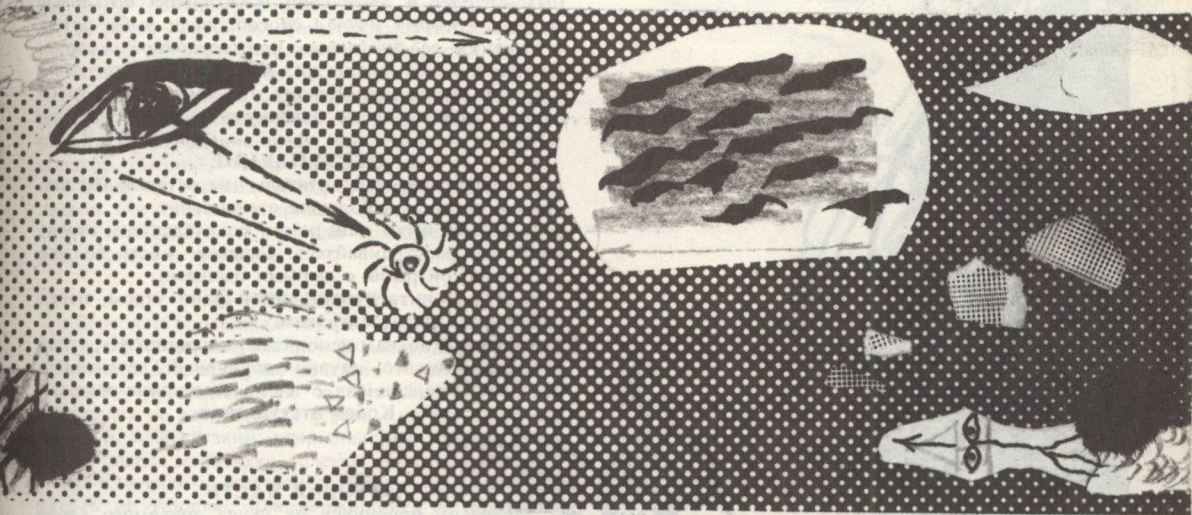
тельным ударом по старым отопительным батареям.

Я, Наблюдатель Странного, посещал городские свалки. Измученная поверхность, преющая под полиэтиленом, дышащая смогом, тяжко шевелилась в предчувствии нового, зарождающегося в ней. Чего только не вырастает из жалкой земли городских свалок! Там появляются тонкие металлические загогулины, вибрирующие и все более закручивающиеся при попытке приближения; вырастают, как грибы, жирные железные столбики; проступают затоптанные денежные знаки, а кое-где — запотевшие стекла очков моего душевнобольного собрата, совсем ненужного тому, что зовут «обществом». Не надо, не стоит слишком маленьким детям гулять в таких местах, их страсть

применения, бьется ветер головой (или чем-то другим — не знаю...). А стекло возьми да и тресни. Ветер надул в щеки много непонятного. Я лишен права присоединиться на ночь к стаду воющих мертвецов, просачивающихся сквозь влажные камни кладбищ. Люблю я засыпать под их немой нестройный вой.

Просыпаясь — опять в путь, мимо утренних фонарей с лицами василисков, покрытыми смертной испариной...

Но что это?! Беспричинность и бессмысленность взглядов, жестов и поступков, мимолетно захватывая, исчезает, стертая дикой скоростью, уже далеко позади в пространстве и почти сейчас во времени. Я врезаюсь лбом в стену, мозг разбрызгивается по асфальту. Уста-

искать секреты может увенчаться успехом, однако зачем же им видеть за стеклом мертвый человеческий глаз?

Я не могу знать, кого в первый раз приведет в ужас мой труп на окраине, и если гипсовые руки раскрошатся в мел, то кто будет после им писать и что писать? Я не знаю, кому послужит ловушкой моя опустевшая квартира, в окно которой с упорством, достойным лучшего

ло прислоняюсь к чьему-то хрупкому плечу...

Вокруг все ощущается наличие многочисленного, но единого «нечто», и все это лишь предчувствие маловероятного события.

День, как тихий помешанный, повернулся спиной ко мне и уходит прочь, чтобы где-то рядом спокойно принять смерть.

Понимание реальности для меня — утопия.

...Ко мне возвращается всеобщее цветное зрение. Кто-то прокладывает ко мне железную дорогу, кто-то строит мост...

Поздравте меня: Я ПЕРЕБОЛЕЛ ГОРОДОМ.

МИРНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Совершенно пустынный асфальт между лесными летними обрывами охватывал город неоконченным кольцом. С обильного яркими облаками неба, задевая полотно солнца, протянутые между сосен, падали невесомо обломки самолетов, птицы, люди, белые звезды и неспелые яблоки. На воображаемом перекрестке воздушных потоков обелиском возвышался умерший милиционер. Только пустыньность шершавого шоссе оставалась неприкосновенна (возможно, неприкасаема).

По пустынности к незавершенности с противоположных сторон приближались двое.

Он ощущал себя последним оставшимся и понимал это как божью кару за тяжкие грехи. Он стремился к Светилу, надеясь овладеть смыслом случившегося...

Она ощущала себя последней оставшейся и понимала это как милость Божью и свое высшее предназначение. Она стремилась к Светилу, чтобы отразить его лучи взглядом равной...

Светило тяжело и жарко нависало над неасфальтовым промежутком, над ничтожным Δx , всегда стремящимся к нулю. И два взгляда были направлены к нему: один — открытый, спокойно поглощающий золотой, плавающий воздух, другой — разбивающий этот воздух в мелкие брызги своей темнотой.

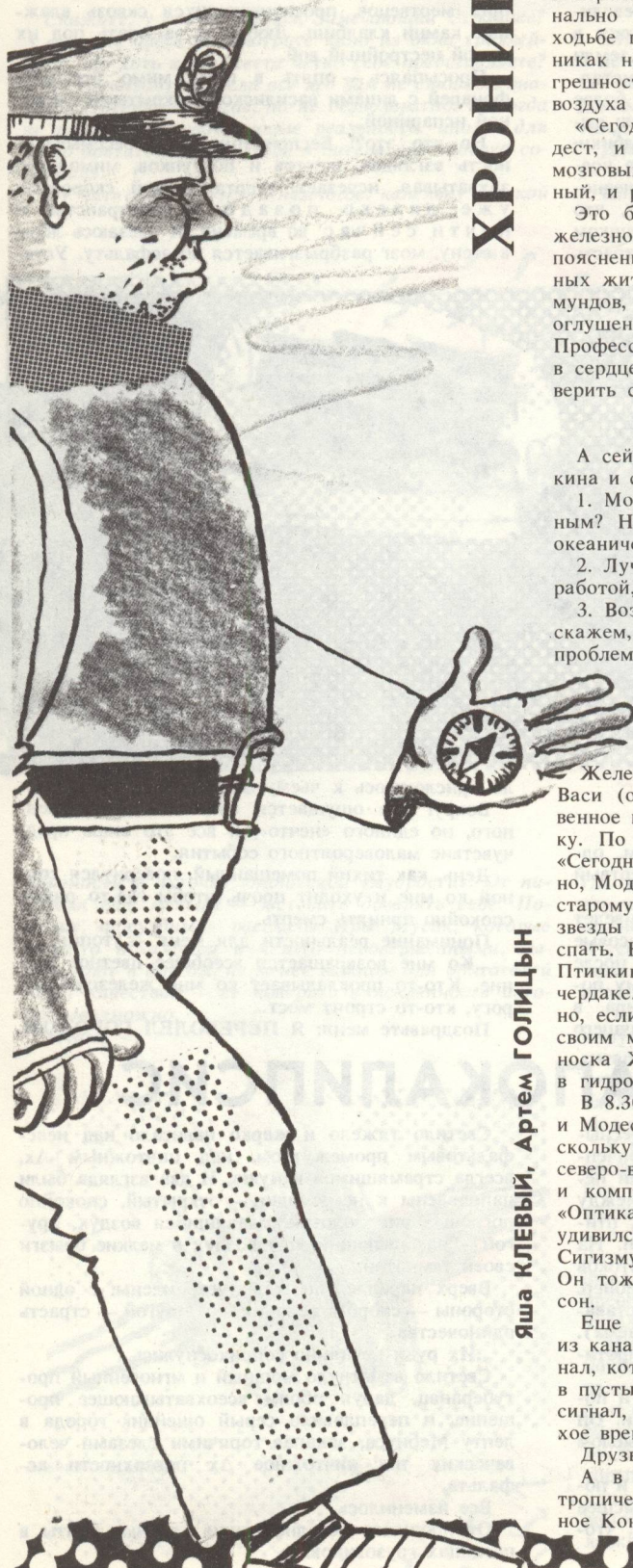
Вверх параллельно были устремлены: с одной стороны — скорбь величия, с другой — страсть одиночества.

...Их руки нечаянно соприкоснулись...

Светило взметнуло мощный и мгновенный протуберанец, даря обоим всеохватывающее прощение, и переплавил серый ошейник города в ленту Мебиуса, закапав горячими слезами человеческих тел ничтожное Δx поверхности асфальта.

Все изменилось.

От прошлого остались лишь красные банты в петлицах грузовиков.

Яша КЛЕВЫЙ, Артем ГОЛИЦЫН

Солнечной весенней ночью, которые так часто бывают в нашем городе в это время, Железкин шел возле «Авангарда», насвистывая «Песнь о соколе» в переложении для двух гитар и трубы и машинально высчитывая сопротивление воздуха при ходьбе по квадратному периметру кинотеатра. Но никак не удавалось вычислить относительную погрешность, т. к. он не мог вспомнить плотность воздуха по Шульцу.

«Сегодня 23 и к тому же марта», — подумал Модест, и великолепная мысль захлебнулась в его мозговых извилинах. Железкин стал, как вкопанный, и решил: «Надо ехать в Южное Конго».

Это был точный логический ход, свойственный железной логике Модеста Илларионовича. Но для пояснения можно сказать, что в Конго, среди местных жителей и жительниц, жил профессор Сигизмундов, который изучал способ ловли рыбы путем оглушения ее биотоками поджелудочной железы. Профессор всю жизнь жил в Африке и с трепетом в сердце вспоминал Европу, где ему удалось проверить свой метод на аквариумных скумбриях.

ОТСТУПЛЕНИЕ

А сейчас, дорогой читатель, мы оставим Железкина и сделаем небольшое отступление.

1. Может быть, наш роман показался вам странным? Не расстраивайтесь. Главное — есть больше океанической рыбы с сырыми овощами.

2. Лучше читать наш роман рано утром, перед работой, сидя за завтраком.

3. Возможно, вам непонятен наш жанр? Ну, тогда скажем, что это научно-популярный детектив о проблемах телекинеза с элементами панк-рока.

Конец отступления

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Железкин проснулся от укуса знакомого клопа Васи (он был завезен на пол-седьмого) в единственное незащищенное одеялом место — левую пятку. По привычке взглянул на часы — было 7.40. «Сегодня Вася неточен», — подумал он. Как обычно, Модест Илларионович прижег укус спичкой (по старому военному обычаю). Вставать не хотелось, звезды так приятно светились и манили еще поспать. Но Железкин твердо решил в 9.00 быть у Птичкина. Тот обещал собрать завтрак у себя на чердаке. Это было их любимым занятием, особенно, если луна светила в дырявую крышу и кошки своим мяуканьем улучшали пищеварение. Второго носка Железкин так и не нашел и решил идти в гидрокостюме завода «Красный треугольник».

В 8.30 он уже звал Птичкина, но тот еще спал, и Модест решил погулять по Новым Васюкам. Поскольку карты у него не было, он решил идти на северо-восток. Но тут он вспомнил, что у него нет и компаса, и пошел прямо. Напротив магазина «Оптика» он встретил Сигизмундова, чему очень удивился, и решил ехать в Южное Конго сегодня же. Сигизмундов сидел в плетеном кресле и загорал. Он тоже увидел Железкина, но подумал, что это сон.

Еще издали Модест заметил курящийся дымок из канализационного люка. Это был условный сигнал, которому Саша Птичкин научился, когда жил в пустыне Гоби, среди вымерших дикарей. Увидев сигнал, Модест перешел на галоп и показал неплохое время на 400-метровке.

Друзья завтракали аквариумной мойвой.

А в 19.00 с базы ВВС Н. Васюков вылетел тропический вертолет № 17 и взял курс на Южное Конго.

ТРЕТЬЯ

Персидский залив. Борт танкера под флагом.

(Разговор на иностранном языке)

Вахтенный: Капитан, я вижу НЛО!

Капитан: Не очкуй, парень, это шутки русских.

Вахтенный: Я вижу НЛО!

Дежурный корабля охраны (сонным голосом):
Пошел ты...

Вахтенный: Сэр, это могут быть русские!

Дежурный: ЧТО?! (по телефону внутренней связи)
О, Шеф, угроза нашей безопасности!

Шеф (меланхолично): Стреляйте!

...В салоне тропического вертолета запахло дымом. Молодая девушка, ехавшая к дедушке, который работал акушером у туземцев, упала в обморок. Железкин, вспомнив, как один наш писатель, будучи в Царицыне, делал искусственное дыхание рот в рот раненому конюху, стал спасать девушку, но после первой же попытки получил хлесткую пощечину. Модест покраснел и выбросил термос с пивом в разбитое окно.

...Входя в плотные слои атмосферы, термос взорвался. Его осколками была снесена рубка линкора «Хелм». Терпение шефа иностранной разведки лопнуло. «Огонь», — вскричал он, узнав об очередной диверсии русских. «Модест Илларионович Железкин мог стать виновником большого политического скандала», — вспоминал позднее Сигизмундов, беседуя с туземцем.

И ЧЕТВЕРТАЯ

...Вертолет продолжал гореть. Железкин с внучкой профессора задыхались в дыму. Вдруг стало прохладно и дым начал исчезать — это очередной ракетой оторвало заднюю часть вертолета. Модест попытался ее удержать за веревку, но веревка была прочной, и Железкин, удерживаемый девушкой за ноги, повис в воздухе, слегка раскачиваясь.

До Южного, а тем более Северного, Конго дотянуть не удалось. Еле державшийся у поверхности вертолет задел крылом пролетающий ИЛ-62 и вошел в штопор. Летчик Петя выбросился с парашютом, как и пассажиры. На удивление окружающих, парашюты не раскрылись, и они упали в засохшее болото, состоящее из песка и верблюжьей колючки. Модест и Рая, так звали девушку, стали искать летчика, но не нашли.

— Он, наверное, утонул в болоте, — высказал предположение Модест.

Рая улыбнулась и сказала, что ей надо торопиться.

Смеркалось. Модест и Рая шли уже давно, потлил им в глаза. Впереди показалась хижина туземцев. Спутники перешли на быстрый бег и ворвались в хижину, надеясь увидеть там Сигизмундова. В хижине никого не было, но, судя по обстановке, в доме кто-то жил. На столе стояла начатая бутылка вина, а на стене висел портрет Л. И. Брежнева на фоне буровой вышки в Баку. Железкин налил стакан и выпил.

— Вино из сока манго, оборотов 8—9.

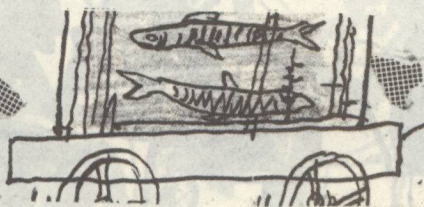
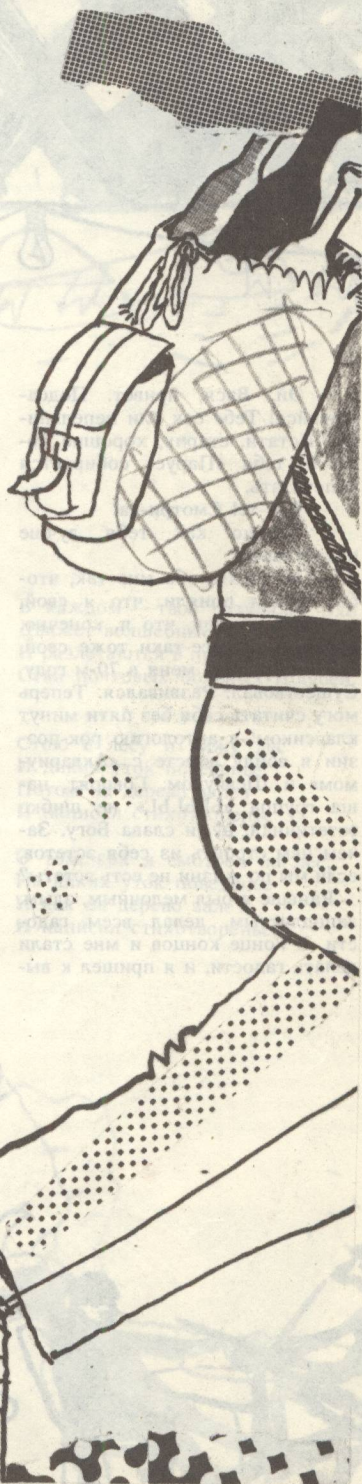
— Налейте-ка и мне стаканчик.

Модест, как истинный джентльмен, налил Рае и себе. Раиса предложила тост за успешную демократизацию общества.

— Нет, градусов двадцать, — после второго стакана сказал Железкин, глядя на Раю косыми глазами.

Рая встала, подошла к выключателю и выключила свет. Но свет, вопреки ожиданиям, не выключался. После некоторого размышления Модест решил, что свет идет от лампы под потолком.

Но потолок был высоко. Тем более, что от легкого опьянения друзья решили все-таки определить, на кого похож портрет на стене...

— Эй, Вася, привет. Подсаживайся! Тебе сок или пепельницу? Кстати, старик, хорошие новости: тебя «Парус» собирается напечатать.

— Вот-те! Смотри-ка!

— Только как тебя лучше представить?

— Написать обо мне так, чтобы дураки поняли, что я свой, и умные поняли, что я, конечно, дурачусь, но все-таки тоже свой.

Мама родила меня в 70-м году. Существовал. Развивался. Теперь могу считать себя без пяти минут классиком: в антологию рок-поэзии я войду вместе с «Аквариумом» и Шевчуком. Говорят, наша группа «Б.И.Б!» не шибко эстетичная, ну, и слава Богу. Зачем нам строить из себя эстетов, если мы по жизни не есть эстеты?

Раньше я был мелочным, злым, заподлистым, делал всем гадости. В конце концов и мне стали делать гадости, и я пришел к вы-

воду, что делать гадости — не лучшее из того, что может быть. Поэтому я стал спекулянтом, но бизнес не заинтересовал меня. И я ударился в романтику. Поехал в мореходное училище. Там я сразу не сошелся характером со всеми и от горькой жизни начал писать стихотворения. Я занимался тем, что рифмовал строчки. Первое произведение в стихотворной форме, которое я написал сознательно, вложив в него душу, было: «Я бубу тебя в губу, Ты бубу меня в губу, Я так больше не могу, Я хочу бубу в бубу»...

А теперь пишу абсолютно не чернушные, абсолютно добрые стихи, которые если и заставляют во что-то верить, так только в то, что жить — хорошо, и жить стоит,

потому что жить — хорошо...

— Развелось вас, поэтов... А. Кушнер, например, как-то обронил на выступлении: «Писать стихи по определенным правилам должен уметь любой образованный человек. Но лишь интеллигентный не называет себя при этом поэтом».

— Ну, а почему бы не назвать меня поэтом? Или музыкантом, или артистом?

— А может, ты сам себя представишь, что-то я совсем в тебе запутался...

— Попробую!

Когда человека бьют по ноге, или когда от него баба уходит, или когда у него насморк, он говорит: «Б. И. Б!»

— Вот так, хотя бы...

Спрашивал Шугалея
Малый редколлега
Джимми-Лентяй

ШАНТАН

А. Вертинскому

Ваши пальцы пахнут ладаном,
Извините, так и надо вам.

Я буду гулять по проспекту
с тобой,
Я стану приличным, как надо.
Куплю я валторну тебе и гобой,
Мы вместе станцуем ламбаду.

Я буду смеяться и громко шутить,
И пальцем во рту ковыряться
Не буду, и брошу я алкоголь пить,
И брошу при людях сморкаться.

И звезды нам будут мигать
в небесах,
И пьянки нам будет не надо,
И буду я рыться в твоих волосах,
И будет играть нам ламбада.

Капли падают неслышно,
Ты стояла у причала,
Хари-рама, хари-кришна,
Все сначала, все сначала.

Фонарей пустых убралство,
Ты стояла и смотрела,
Как в безмерное пространство
Улетает твое тело.

Кажется мне, что я видела руки,
Кажется мне, будто скрипнул
засов,
Это прозрачные вечности звуки
Сплошь состоят из различных
кусков.

В каждом — твое разудалое эхо
Движет волшебные звенья цепей,
И разлетаются в приступах смеха
Стаи почтовых больных голубей.

Стою в лесу и вижу лес
И диких уток поведенье.
Потом на дерево залез
И написал стихотворенье

О том, как я смотрел на лес,
На диких уток поведенье
И как на дерево залез,
И написал стихотворенье.

Я. Я; Я! Я, Лазарев Александр, начинаю выжимать из своего революционного сознания информацию для новой экспериментальной рубрики «НИШТЯКЪ». Это разговор о бытии через завершенность эстетики панк, завершенность всезаполняющую (как известно, в N-м году к власти пришли воинствующие панки). Это же советы о том, как существовать весело и без лишних неприятностей.

НИШТЯКЪ будет делиться на две части. Первая — монолог о жизни нашей козливой и нравоучение в духе бреда панка, возмнившего себя Анной Ахматовой; вторая часть — это кулинарные рецепты для тех, кому нечего делать или нечего есть, но в любом случае для людей с фантазией.

Речь пойдет о том, как жить красиво. И главное в этом не деньги, а умение устраивать свой быт, смелость экспериментатора и чувство юмора. Нищенская жизнь — это спорт, в спорте же важна философия, особенно в боевых его видах. Философский фундамент НИШТЯКА — это суррогат, на нем строится все. На суррогате строится вся наша действительность, суррогат — порождение дефицита. Если есть спрос и нет предложения, в ход идут суррогаты. Нет водки — одеколон, нет туалетной бумаги — «Справочник для поступающих в ПТУ». Нет нормальных учебников — учебу подменяет выполнение «приказов по школе», нет действующих законов — инструкции вышестоящих инстанций, нет идеалов — плакатные типы с квадратными подбородками, серпами, молотами и автоматами.

Итак, НИШТЯКЪ!

Вообще, я бы даже яичницу посоветовал подавать с обрамлением, достойным омаров. Все должно быть привлекательным. Не сложно разлить молочный коктейль по красивым бокалам и добавить 25 г водки,

НиштякЪ

дайте мне приколоться!*

БОГАТСТВО — ЭТО НЕ ДЕНЬГИ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ!..

но как меняется вкус! Даже без денег нужно уметь жить красиво. Жить, считая, что каждый прокомпостированный талон прибавит 1 руб. 95 коп. чистой прибыли (в городах, где штрафы доходят до трех рублей); эта сумма еще внушительней); существовать, умиляясь, что, сходя улицу на зеленый свет, ты избегаешь смерти и заново рождаешься! Радоваться самому себе и быть богатым в себе! Богатство — это не деньги, а образ жизни!

Кухня Ништяка

БУТЕРБРОД «ХИЦКОК»
 В ломте черного хлеба по периметру вырезать углубление, влить туда яйцо (или только желток), посыпать перцем и накрыть тонким ломтиком плавящего сыра, а сверху положить ломть белого хлеба. Обжарить в духовке до готовности.

КОКТЕЙЛЬ «САЛЬЕРИ»
 50 г. молока, 1 мороженое, 2 яйца, столовая ложка сливочного масла, 200 г. «Фанты» или «Пепси-колы», чайная ложка жевка растворимого кофе. Все взбить в миксере. Особо нахочивые могут использовать вместо миксера электродрель, сделать миксер из электродрели или моторчика на 4,5 вольт. (Продолжение следует)

* Прикол (мол. сленг) — нечто не вполне серьезное

1040 Могла бы написать о себе много: об увлечениях от филологии до кулинарных рецептов, о взглядах на жизнь и т. д. Но я хочу найти людей, которые не тратят свое время попусту. Хочу туда, где есть Дело. Где работа хорошо организована, где все на современном уровне. Пусть это будет что угодно: тайга, север, Украина, студенческий городок. Хочется действительно работать, а не просто деньги получать. О себе: студентка «педа», филолог.
Елена, 20 лет, Новосибирская область

1041 «Где вы, Джульетты!», «Где вы, Ромео!» Друзья, ну зачем вам Джульетты! Джульетта создана, чтобы любить. А кто вам, скажите, стирать и готовить будет! Зачем вам Ромео! Разве нужен вам вечный воздыхатель у ног, когда будет не хватать «десятки до полочки»? Он ведь даже защитит вас не сможет. Ромео умеет драться только на шпагах в честном бою. В честном! Однажды и я встретила своего Ромео. Счастлива, что поняла все то, о чем написала, раньше, чем мы стали неразлучными влюбленными. Я услыла, чтобы сделаться девушкой конца XX столетия. И сделалась, внешне, правда. Чтобы никто ничего не заметил, стала колючей, как еж. А теперь подумайте — ну кому я нужна! Ромео к «колючке» не подойдет, а современный парень только пальцем у виска покрутит, узнав меня поближе...

Анна, 18 лет, г. Ленинград

1042 Привет, сэры, синьоры, джентльмены, господа, леди, синьориты, дамы. Я ищу друга. О себе предлагаю судить так: студент, политолог, философ, неформал. Ношу цепь с кольцом любимой на шее и

колокольчик на руке. Еще я бородатый. Это мой внешний вид. Теперь мое intro: ленив, по тесту натура шизоидная (но еще не шизофреник). Религиозен, немного рок-музыкант. Играю панк и хард. Главное занятие: жизнь и мечта об очень внезапной смерти. Жив пока еще благодаря двум вещам: своей девушке и музыке, особенно Баху! Друзей нет, так что в письмах нуждаюсь, даже очень.

Алька, 17 лет, Тюменская область

1043 Часто бывают такие моменты, когда кажется, что я совсем не нужна в этом мире. Это дают мне понять окружающие. Я инвалид детства II группы, но могу делать все, что делают обыкновенные девчонки. Мне смотрят вслед, показывают пальцами, охают: «Какая симпатичная, а калека». После таких слов у меня совсем пропадает желание жить...

Оксана, 17 лет, Свердловская область

1044 В шестом классе получила прозвище «зашуганки» или «пришибленной». Это из-за моей стеснительности — даже у доски отвечать не могла. Друзей и подруг у меня не было вообще. А когда повзрослела, нашла выход из ситуации. Начала много выпендриваться, старалась внушить одноклассникам, что я не пай-ребенок, имею влиятельных знакомых на районе. Научилась курить и пить. И вдруг ко мне все стали относиться более уважительно. Появились подруги, начала нравиться парням. Но внутренне я осталась такой же — стеснительной и неуверенной в себе. Маскирую это грубостью, вызывающим внешним видом. Хочется научиться быть раскованной, а не только делать вид такой...

Наталья, 16 лет, г. Улан-Удэ

ИНТЕР-ПЕРЕПИСКА

Адресами зарубежных ребят предлагают поделиться:

...Николаева Татьяна. Имеет адреса из Германии, НРБ, ЧСФР, США. В обмен просит выслать два международных конверта за каждый адрес.

Ее адрес: 214009, г. Смоленск, ул. Урожайная, д. 5, кв. 15.

...Светлана К. Адреса ребят из ПНР и НРБ. Пишите по адресу: 450103, г. Уфа, ул. Колгуевско-го, д. 42.

...Игорь. Предлагает адреса своих знакомых в Германии, Финляндии. Взамен хочет получить адреса ребят из других стран мира.

334212: г. Ялта, ул. Клавы Цеткин, д. 21, кв. 16.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Ищу единомышленников для создания заочного клуба аферистов. Аферисты всех союзных республик, соединитесь!

Костенков Стас, 111116, г. Москва, ул. Энергетическая, д. 14, кв. 3

Те, у кого фамилия Ленин, — напишите!

Ленин Денис, 183027, г. Мурманск, ул. Куйбышева, д. 14, кв. 3

Народ! Собираю анекдоты про Штирлица. Помогите!

Галиева Татьяна, КБАССР, г. Нальчик, пр. Ленина, д. 48-а, кв. 2

Я, Курганов Игорь, будущая знаменитость, высылаю свою фотографию с автографом и пожеланиями всего за 1 рубль. Тем, кто уже знаменит или уверен в «знаменитом будущем», предлагаю обмен фоток с автографами.

Курганов Игорь, 634045, г. Томск, ул. Ф. Лыткина, д. 18

Ищу друзей-соратников для выпуска комиксов. И еще — помогите достать персидского кота!

Алексей, 665780, г. Усть-Кут, ул. Л. Толстого, д. 53, кв. 70

Лондонский Международный фанклуб группы

«Eurythmics» организует туристический обмен советских и зарубежных любителей рок- и поп-музыки. Акция получила название «Стена рухнула». Требования к желающим принять участие: знание любого европейского иностранного языка, увлечение рок- и поп-музыкой, хорошие жилищные условия [для приема ребят из-за рубежа]. Просим подробно сообщить о себе:

возраст, хобби, семейное положение и т. д.

Пишите по адресу: 220047, г. Минск, а/я 321.

Пока нас десять человек — любителей кино и музыки Индии. Располагаем черно-белыми и цветными фотографиями, кассетами, дисками, изучаем хинди. Клуб ведет переписку со многими киноклубами Индии. Имеем большое количество адресов индийской молодежи. Надеюсь, что скоро наш клуб увеличится.

Наталья Исинская, 354000, г. Сочи, а/я 34

Коллекционирую газеты и журналы со всего Союза. Но в последнее время возникли сложности с получением газет из России, Прибалтики. Может, поможет кто!

Елена Сафонова, 326611, Херсонская область, Генический р-н, с. Счастливецво, ул. Морская, д. 22

Предлагаю организовать клуб «Кому за сто семей» [это я про рост]. Обещаю перезнакомить всех, кто напишет.

Станислав, 15 лет, Московская область, г. Химки, ул. Маяковского, д. 14, кв. 24

ИНТЕР-ПЕРЕПИСКА

Хеге Флоден Лингаасвейн, 10, 0491, Осло, 4 Норвегия

Hege Floden Lyngaasveien, 10, 0491, Oslo, 4 Norway

ГДР, Граупа, Бадштрассе, 2 КИД

DDR Graupa Badstraße, 2 Kid

Болгария, 1762 г. София, кв. «Суходол», ул. «Овго поле». 72 ОУ «Христо Ботев» КИД

ЧССР район Сеница 90873, Вельке Леваре, основная школа, КИД

На некоторые письма, приходящие в «Ищу друга», хочется тут же ответить, но тогда некогда было бы заниматься самой рубрикой. И вот в один прекрасный день у нас родилась идея «блиц-ответов». Коллектив отвечающих назвал себя «МЫРЯ», т. е. «Мы — Малая Редколлегия». Приглашаем всех на нашу спор-площадку перекинуться мнениями. Будем учиться разговаривать, слушать, спорить.

«Я НЕПРЕМЕННО СОЙДУ С УМА...»

«Как вы полагаете, за что можно любить человечество? Странный вопрос — скажете вы. Да так ли!

Жить не стоит. Право, было бы совсем неплохо, если бы все это осознали. Гармония Вселенной... Вообразите себе... Люди только портят всю эту красоту своим существованием. Своим пошлым, порочным, грязным существованием. Конечно, можно еще взять во внимание, что Сахаров своим существованием не портил гармонии и жизни другим. Даже более

Я непременно сойду с ума. Думаете, это трудно! Совсем нет. Знаете, однажды я взяла пистолет и выстрелила в правый висок. Но не умерла. Ко мне подошла какая-то женщина и сказала: «Ты выстрелила не в тот висок, надо было в левый». Это был сон.

Пройдет время. Жизнь на Земле кончится. Непременно кончится. Скажите, жить мне или не жить! Если жить, то для чего! Объясните мне, почему люди живут!..»

без подписи

Одинок человек. Читаем подобные письма и думаем — до чего же люди похожи. Все умницы, талантливы и все что-то правильно понимают. Удивительно только, почему они в жизни не встречаются? Вот так стоят рядом, прижатые толпой к одному троллейбусному стеклу, и страдают, каждый отдельно, из-за непонимания. Кажется — протяни руку и... Ах нет — все, как один, одиноки и одни.

А ВОТ ТАК!

того, он отдал миру себя, свой интеллект. Или Достоевский. Но это гении. К сожалению, не все такие. Взять, к примеру, наш класс. Интеллектов там нет. Можно поступить в престижный вуз, иметь хорошую работу, деньги и т. д. Нормально, как вы думаете! Нет, не нормально. Слишком обыкновенно. Все так живут, а я не хочу. Вторым Достоевским я не стану, и жить не стоит.

«ПЕРЕВЕРНУ ЖИЗНЬ СТРАНЫ...»

«Кто есть человек! Homo Sapiens, но вы посмотрите, что он делает на земле! Предпочтение у него отдается слабому, а не сильному; глупому, а не умному; эгоистичному, а не великодушному. Все грязны, разница только в том, кто как скрывает эту грязь.

Я это понял и теперь смотрю на людей, как на пешек в жизненной игре. Эта игра гениальна и проста, но, чтобы оказаться на доске, надо найти цель. Я ее нашел.

Я стремлюсь к власти, и если это мне удастся, то я переверну жизнь страны. Это будет страна сильных. Современных людей уже невозможно сде-

Оформление Татьяны ЦАРЕВОЙ

лать такими, но их дети смогут стать сильными не просто в физическом смысле, но и в духовном. Найду тех, кто разделяет мои взгляды, и сделаю из них ударную группу. Нытье и хныканье будут выжигаться каленым железом. В новом государстве не будет неграмотных, нищих, фанатиков, преступных организаций, неформалов и т. д. Каждый, кто не пожелает или не сможет перестроиться, будет заключен в специальные учреждения для неполноценных, а впрочем, доллой церемонии! — в концлагеря. Прислушайтесь, необходимо отбросить мораль, т. к. это не есть что-то единое и неизменяемое. Вы можете не поверить, но вот, например, у нас погибает в автокатастрофах 100 тыс. человек ежегодно. А предположим, некий человек изобрел приспособление, помогающее избежать этих аварий, но он требует за него 50 тыс. человеческих жизней.

Как! Вы не читали «Бесов» Достоевского? Позор! Вспомнилось сейчас об этом, потому что господин Верховенский (герой романа) нашел бы в лице хабаровского В. Р. верного приверженца своей политики. Заключалась она как раз в том, что мы сейчас вспомнили и цитируем вслух: «Править будем мы! Мы одни, одна десятая...» Да, пожалуйста! Все это уже было и не ново. Читайте классику, друзья! Это как раз тот случай, когда вовсе не обязательно учиться на собственных ошибках.

«НЕ ЛЮБЛЮ!»

«...Злые, жестокие и тупые. Спросите, почему я так отзываюсь о своих сверстниках! Я их ужасно не люблю. Может, я моральный урод, называйте, как хотите. Я вообще не знаю, откуда во мне появилась ненависть и откуда она в подавляющем большинстве жителей нашей великой страны. Каждую

сто прощаюсь с вами, серыми, злыми людьми, которых мне жалко. Прощай, немытая Россия! Какой ты была, такой и останешься, никакое чудо тебя не спасет».

Настя, 18 лет

Нам сразу представился взбравшийся на табуретку человек (чек), который, зло рыдая, сообщает, что Он одинок, потому как умен и умеет жарить котлеты. А все вокруг него — дураки, потому что не знают рецепта приготовления этого блюда. И он не может жить в таком сером месте, где его никто не понимает. А мы стоим в сторонке и думаем: «Ну, что — котлеты... Зато Они варят отличное варенье, а мы его любим. У каждого свои достоинства, равно как и недостатки».

МЫМРЯ

(Мы — Малая Редколлегия)

Ну что вы сделаете! Не согласитесь! Тогда вы станете невольным убийцей остальных 50 тысяч. Вот и думайте...

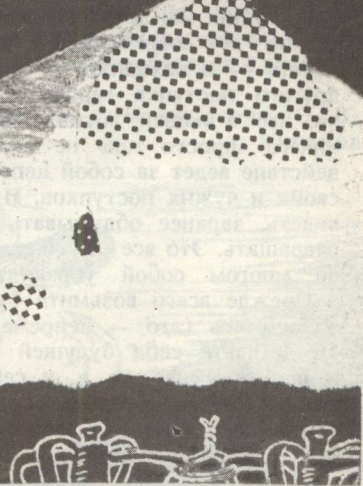
Маящая добром и счастьем призывная улыбка будущего, за которое всегда страстно боролась, сейчас оборачивается гримасой зла. Настоящее время ставит человека в безысходное, отчаянно-мучительное положение. И так может продолжаться долго, пока кто-нибудь не перерубит этот узел решительным ударом.

Подпись не ставлю, понимайте это настолько, насколько хватит фантазии у каждого».

В. Р.,
г. Хабаровск

минуту я чувствую эту ненависть, ею пропитан воздух, земля, все! И я ею заражена. Я не люблю свою страну. Я боюсь здесь жить, здесь действительно страшно. Раньше я тоже пыталась что-то делать, пыталась «изменить действительность», слыла среди друзей «вечным борцом за справедливость», пока до меня не дошла одна вещь: ничего уже нельзя переделать. Общество у нас безнадежно большое.

Скоро эта страна станет для меня чужой и все, что связано с ней, уйдет в прошлое. Я про-

ЗАПИСКИ МАДЕМУАЗЕЛЬ ПОРТОС

Говорят, чужой опыт не учит. А еще говорят, на чужих ошибках учиться дешевле, чем на своих собственных. Так, наверное, думают многие наши читатели: в почте рубрики все больше писем про то, как кому-то из вас удалось себя примирить с... собой, выйти из душевного тупика, понять наконец-то необъяснимый поступок друга, примириться с родителями. Да мало ли в нашей жизни непростых ситуаций!

Сам собой napрoсилcя вывод: перевести «Самсоздат» на самообслуживание. Ну, а уж если в том возникает необходимость, ваши рекомендации-исповеди прокомментирует наш психолог.

Я росла малоподвижной, замкнутой, закомплексованной девочкой без друзей. Все в себе не устраивало: нос, фигура, состояние кожи лица и т. д., и т. п. Я стеснялась спросить у кого-нибудь: «Который час?» и с учительницей музыки разговаривала шепотом. Сейчас мне 22. Вступаю в мир взрослых, в котором, если честно, очень многое не по мне. Дорожу своей наивностью и авантюризмом. Любимым писателем всегда был и остается Александр Грин — совершенный романтик. Сейчас у меня много хороших знакомых, есть друзья. Не пью, не курю и могу быть «своим парнем» в компании, если этого захочу.

Может, ждете, что расскажу, как тренировала волю? Поделюсь рецептом чудодия? Признаюсь, что перенесла пластическую операцию? Увы, нет! Внешне я та же. Но! Научилась отвечать себе на поставленные вопросы. Впрочем, сначала нужно было научиться их себе задавать.

К этому подтолкнули занятия в театральной студии: мы детально разбирали классические и современные пьесы, учились искать — и находили! — мотивы того или другого поступка героев. Скоро я поняла, что в нашей жизни, как и в пьесах, ничего «просто так» не случается. Любое действие ведет за собой цепочку различных своих и чужих поступков. Их можно предвидеть, заранее обдумывать и даже предотвращать. Это все означает, что мы можем во многом собой управлять! Поучимся?

Прежде всего возьмите бумагу и ручку. Уединитесь (это — неременное условие). Представьте себя будущей знаменитостью и берите у нее (т. е. у себя!) интервью. Ваши ответы — откровенная исповедь перед самим собой. Но при этом имеется в виду, что со временем интервью будет опубликовано. Значит, запрограммирована завышенная самооценка — как раз то, что и требо-

валось. Дотянуться до соответствия ей — теперь уже ваша задача.

Но если хоть одна интонация в ваших ответах «царапается», чем-то вас не устраивает — перепишите заново: пока еще все можно исправить...

Согласовать ваши задачи и цели с этой жизнью, часто слишком несправедливой, с миром взрослых, конечно же, очень трудно. Важно — не испугаться, не отступить. Сама я всегда надеюсь на космический закон о том, что все подобное притягивается, а чуждое взаимоотталкивается. Я притягиваю хороших людей так же, как и они меня. Стараюсь у них чему-нибудь научиться. И не поддерживаю отношений с теми, кто мне чужд.

Очень многим в себе я, конечно, обязана книгам. Из перечисленных каждая сама по себе производила в душе моей революцию и помогала найти ответы там, где еще оставались неясности. Рекомендую: Ричард Бах, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (журнал «Иностранная литература» № 12 за 1974 г.) и «Иллюзии или приключения Мессии, который мессией быть не хотел» (журнал «Наука и религия» №№ 1—3 за 1989 г.) Еще Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья», Герман Гессе, «Степной волк», Владимир Леви, «Нестандартный ребенок»...

Переходим к проблеме комплексов. Опять лист бумаги и ручка. И — наедине с собой (вообще исповедь на бумаге — удивительно дисциплинирующая вещь. Ведите дневники, господа!). А пока пишите слева — чем вы в себе недовольны, а справа — как от этого можно избавиться. Как я, например, избавлялась от комплекса неполноценности по поводу собственной фигуры? Вспомнила, что рассказал один уважаемый мной человек: «Если кому-то долго говорить, что он дурак, он дураком и станет. А я попробовал превратить себя в счастливого человека. Повторял себе это постоянно. Старался найти ежедневно хоть маленькие подтверждения этому. Убеждал в этом других... Улыбался себе с утра в зеркале. И... мне действительно стало больше везти в жизни». Думаете, у него сейчас нет никаких проблем? Больше, чем у нас с вами вместе! Но он постоянно весел и бодр, а это не так уж мало для счастья!

Что есть закомплексованность, как на наше убеждение в том, что люди нас видят не такими, как нам хочется? Либо наплойте на мнение окружающих, либо убедите их, что у вас все нормально. Это совсем не сложно — улыбайтесь почаще!

Но вернемся к моей фигуре. Сначала я на себя посмотрела «чужими глазами», как бы со стороны, и отнеслась к себе, как к незнакомой полновакой носатой тихоне, но юмористке и умнице. Оказалось, я к ней очень благожелательно настроена... Собственно говоря, люди гораздо добрее к окружающим, чем мы это себе представляем. А недоброжелатели — просто люди

другой породы. Встретились с таким — отойдите подальше, и все тут...

Затем я представила, как очень красивая девушка на улице облизывает мороженое с пальцев. Это ведь так противно со стороны, но ей почему-то все улыбается. И не потому, что она красивая, — непосредственность подкупает! Значит, не надо бояться быть непосредственной. Это идет всем.

Прежде, чем читать дальше, сформулируйте для себя, что такое, по-вашему, друг. Я не стесняюсь приставать с этим вопросом к разным людям. Вот возможные варианты ответов: а) человек, который во всем мне равен и понимает меня, как себя; б) человек, которому можно довериться и надеяться на его помощь; в) человек, с которым всегда интересно, плюс общение даже без слов...

Друг — это не родитель, от которого ты зависишь. Дружба — добровольный союз. Другу ты поверяешь секреты или не поверяешь, но он — твой моральный тыл, пристань, где тебя всегда ждут, где тебе рады и не требуют большего, чем ты можешь дать. Помоему, друг должен еще и морально расти вместе с тобой.

Не исключено, что моя версия дружбы будет еще уточняться. Я ведь расту, меняюсь, приходят новые вопросы. Их все больше и больше...

У меня сейчас трое друзей:

Д'Артаньян, Атос, Арамис. Я, естественно: Франсуа дю Валлон де Брасье де Пьерфон, а короче — Портос. Наш союз случился давно, когда нам было по 16 лет. Мы заболели мушкетерами. И вот до сих пор великолепная четверка вместе. Много передраг было на пути нашей дружбы, но мы держались. И вот в этом году... Наша крепкая конструкция («Нас четверо, и мы — кулак, попробуй, разожми!») вдруг закрипела и покачнулась. Оказалось, что мы совершенно разные люди. У нас разные интересы, и, что самое странное, — разные взгляды! Атос оказалась материалистом, Д'Артаньян собралась замуж, ей явно не до вопросов к миру. Мы мучались по углам оттого, что теряем друг друга и все меньше становится точек соприкосновения. Но вот я не спала ночь и нашла все наши ошибки. Вернее, свои ошибки, т. к. прежде всего нужно начать с себя. Я поняла, что 4 чело-

века не могут постоянно думать, как один. Взгляды со временем меняются, а я слишком категорична к их взглядам на жизнь и хочу, чтобы они были такими же, как и мои. А нужно принимать друзей такими, какие они есть на самом деле. И быть снисходительной к их слабостям, прощать промахи (с кем не бывает!), и не заставлять оправдывать мои надежды. И мы постепенно вернулись к прежнему единству. Жаль, если кто-то не сможет расти со мной, но я попробую подтянуть. «Друзей не ищут, их творят. И ими, сотворенными, гордятся».

Теперь о любви. Больная тема всех молодых людей. И не только молодых. Хочется сразу: сильно, ярко, взаимно, романтично... А на деле все гораздо прозаичней. У меня этот процесс довольно странен. Я влюбилась впервые в два года. И с тех пор влюбляюсь постоянно. Одновременно в 2—3-х. Без состояния влюбленности мне очень-очень тяжело. Но обратите внимание на одну особенность: никто не знает о моих чувствах.

Любовь подтолкнула меня, и я стала писать стихи, рисовать. Пусть мои творенья неуклюжи и нелепы, но я и не претендую ни на что. Себя поэтом не считаю, а просто записываю все, что придет в голову. Человек должен выплескивать свои чувства в творчество, а не давить их в себе.

Знаю, что такое настоящая любовь. И что время не лечит. Даже очень долгое время. Я люблю. Я счастлива. Но об этом даже писать не буду.

Вот так и катится моя жизнь. Вопросы — вопросы — вопросы...

Учусь помогать людям. Помню девиз А. Грина: «Руку первым должен протягивать дающий, а не просящий». И еще есть мечта: полюбить всех людей! Но это очень нереальная вещь. Пока я знаю только одного человека, любившего всех без исключения — Иисуса. Верю в Бога, который есть в каждом из нас. Только мы боимся выпустить его на волю. Боимся стать богами. Вот еще один мучительный вопрос: почему люди не хотят самосовершенствоваться, не хотят стать богами? Ответ я ищу. Буду счастлива, если помогла кому-нибудь разобраться в каких-то вопросах.

С уважением ко всем читателям, Э. В., г. Кишинев

ВМЕСТО БРАЧНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ

Настоящий парень, мужчина. Ну какая девчонка не мечтает о нем — самом-самом! А кругом все какие-то мелковатые, дохлые, суетливые... — не на ком глазу зацепиться, отдохнуть, некому, ну просто совершенно некому подарить свою такую большую-большую Любовь. Закроешь глаза и проваливаешься в розовые сны. И тут-то появляется он — настоящий. Все в нем на сотку. Покрасуется темной ноченькой в девичьих сонных грезах, а к утречку и растворится дымком дефицитной сигареты.

Выживаю из всяческого хлама пузырек полусохшей гуаша, вырезаю неслабый кусок картона сердечком и вывожу на нем дрожащей (от волнения) рукой:

Теперь остается повесить этот шедевр декоративного искусства на свою трепетную грудь и разгуливать с ним по людным проспектам и по закоулкам: авось, отзовется.

Какой такой настоящий, это каждый знает. Или хотя бы догадается. Само собой: сильный, смелый, добрый, умный, высокий, красивый, трудолюбивый, не шпана и не трепач, не наркот и не хамло. Короче, такой, что — ах! Его увидишь и лишаешься (временно) речи, и сердце долбит ребра, как после сеанса аэробики.

Ну, ладно, пусть не очень красивый, пусть даже маленький и в «очках на босу ногу», пусть без фирмы и без хаты с фонтаном. Но чтобы он мог взять твои страхи, слезы, горести и обиды на свои даже не очень широкие плечи, чтобы согрел дыханием... Размечталась! Бывают такие! Ну где-то же они есть! Иначе тогда остается просто лечь и умереть. Умирать жутко неохота в свои цветущие годы и потому гораздо разумнее приняться за активные поиски его — настоящего.

Благослови Боже на нелегкий труд!

Есть же такие профессии, что самые-самые мужские. Там и мужество, и риск, все такое... Вот там и поищем.

Солидное заведение — банк. Шуточки, хохмочки — в сторону. Инкассация — это тебе не цирк-ревью. Воздух буквально стынет от серьезности и ответственности. Примеряю бронжилет — боже, как он портит фигуру! Автомат — почему коротенький, в кино не такие! Ах, прикладика нет, дайте приклад, пожалуйста! Мама родная, такой тяжеленный пистолет, кто бы подумал, это же ужасно неудобно! Беру двумя руками, еле нажимаю курок — ложись! Гранату не дали... Но и без нее ощутила специфику на себе, посидела чутко в шкурке инкассатора. Хватит. Не женская это работа. Мужская.

Инкассатор Ленечка Володька (Володька — фамилия такая уменьшительно-ласкательная) хорош собой безмерно: рост метр девяносто, плечи — не обнять, волосы светлые, взгляд прямой. Годы цветущие, сквозь юношескую кожу здоровьем брызжет.

— Леня, как дошел ты до жизни такой, инкассаторской!

Говорит, что мечтал с пеленок. Ну, не с пеленок, так класса с шестого. Видел: подъезжают к магазину шустрые ребята, забирают большие деньги, а криминала нет — интересно. Само собой, сначала тянуло в десант и морскую пе-

хоту, офицером, потом в МВИЗРУ медкомиссию прошел. Но как-то бац — дошло, что это ж всю жизнь под чьим-то чутким руководством ходить. Не тут-то было — передумал. Потом армия, ВВС, аэродромная служба.

— Леня, мы настоящих мужчин ищем...

— Без службы в армии — что за мужчина!

— Так там же «деды»!

— Дедами, что в жизни, что в армии рано или поздно все становятся. «Деды» порядок держат. Ну, заставят тебя лишней раз пол вымыть, не переломишься. Полезно даже для здоровья. Будешь «дедом», и ты погоняешь салажат для порядка. Армия хоть от маминной юбки оторвет, приучит к самостоятельности. Сейчас вот прижали старичков, а что вышло! Не армия, а бардак.

Конечно, ему, мощаге, хорошо, а как же хиленькие, что ни росточком, ни характером не вышли! Не среди них же искать настоящих мужчин...

После армии Ленечка пришел в инкассаторы: работа чистая, пока стрельба не начнется. Зарплата, правда, была тогда 120 рэ, но холостяку хватало. Да и на виду вроде. Ответственность неслабая — тоже хорошо, а то разбосачишься, чего доброго. Медкомиссию прошел и три месяца места ждал. Матери не говорил, боялся, ведь из соседнего подъезда Валера-инкассатор в автокатастрофе погиб, а слухи, конечно, ходили, что напали на него. Бате сказал. Батя, конечно, мужик, сразу ответил, что и на стройке кирпичом убить может, риск везде есть. Тут и место дали. Надел бы Ленечка казенную одежду, да на складе его размеров не оказалось, потому «одеваю что хочу». Естественно, малиновые брючата не подойдут, неяркое надо что-нибудь, и — вперед, на мины, собираешь выручку с торговых точек. Еще деньги старые собрать, в спецвагоне в Москву

отвезти и там их на новые поменять. Да мало ли что...

Чтобы форму инкассаторы не теряли, каждый месяц стрельбы — за 10 секунд три мишени надо продырявить. Конечно, настоящие мужчины у нас есть. Многие ребята — каратисты, культуристы. Но есть — не выдерживают, увольняются: «Море денег, ну так и тянет украсть...» Тут надо особый нерв иметь.

— А ты миллион видел!

— Ха! Миллион! Удивила. Между прочим, если сотенными, так небольшой такой паке-тик получится.

— А нападают!

— В Минске пока — тьфу, тьфу, тьфу. В Москве недавно налетели. Погибли водитель и милиционер, но дело быстро раскрыли. Сама знаешь, по госпотерям у нас органы четко работают, это ж не личную хату ограбили.

— Ну так как же насчет настоящих мужчин!

— Да вот женщины говорят, перевелись такие. Обидно, досадно, но ладно. Понимаешь, теперь все критерии с ног на уши поставлены: настоящий, значит, должен обеспечить семью «от» и «до», а как все достал — не важно. Ты вот все на качества жмешь. Смелость, доброта — обязательно. За себя чтоб мог постоять и за других. Ну, порядочность — само собой. Мужчина должен отве-

чать за свои поступки и слова: сказал — сделал (исключая уголовщину, конечно). Опорой семьи должен быть. Я себя мужчиной считаю, потому как пережить соблазн свистнуть денежки — это, я тебе скажу, нелегко. В жизни ведь приходится крутиться: и одеться надо, и покормиться, а зарплата по теперешним временам — три сотни с хвостиком — не ахти. А убуют — семья две тысячи получит — и все. За границей, между прочим, семье пожизненно пенсию платить будут. Ведь каждый день живой мишенью ходишь. Кстати — по инструкции, если угроза ценностям или мне, — стреляю без предупреждения.

Вообще этот Ленечка — он меня убил. Заявил, что все мужчины — настоящие. Вот тебе и раз. Говорит, что девушки просто этого не замечают или не хотят замечать. Что от них, то есть от нас, зависит, быть мужчине или... Что женский пол должен подымать его в собственных и в чужих глазах: «А вот мой Леня...» И все такое прочее. А если тюкать, ты, мол, тюфяк, мямля, «баба», то мужик и сопьется, и к наркотам прибьется. А пьющий, курящий и гуляющий — это не настоящий. Потом Ленечка вдруг малость озлился, глаза стали холодные и какие-то большие:

— Какой я, к черту, мужчина, если я не могу семье крышу дать, если живем без бу-

дущего, где взять 35 тысяч для покупки дома, где! Да я готов работать как вол, но бесполезно: за два года выбил участок дом строить, а потом «Горизонт» — бац — и закруглил это дело. И все, опять беспросвет. Молодость проходит, а я еще ничего не добился. Хотя если жена не ушла, значит, во мне что-то есть...

— Квартира, зарплата... Какой-то ты совсем не духовный.

— Духовность начинается с хлеба насущного. Хочу глянуть на придурка, который пойдет на концерт, если у него в холодильнике мышь от голода посилась! Вот когда у меня все будет, тогда и о духовном подумаю. В общем получается, если в нашем государстве не переступить закон, настоящим мужчиной быть невозможно. Безысходность какая-то: работай — не работай, один черт. Настоящий мужчина у нас — это Добывала Доставалович, да еще одет с иголочки.

— Это ты так думаешь!

— Это девочки о таких мечтают.

Тоже мне, знаток девичьей психологии. Еще он считает, что от рождения — все мужчины, и это среда потом из них лепит рохлей или суперменов. Вот попал дохленький мальчик в компанию настоящих мужиков, его там как бы био-

токама накачивают. Мускулы — это не главное.

— Мужчина должен иметь стержень, корень, что ли, тогда его жизнь не согнет, голу-бушка.

— А страшно в твоей шкуре быть!

— Дело привычки. Убьют — нового возьмут, делов-то. Вот пару нападений если на инкасаторов будет (стучит по дереву) — побегут отсюда многие. С рынком преступность вырастет, факт, жить станет «веселей». На фронте, видимо, легче, а тут не знаешь, когда и откуда громилы навалятся. Сумку вырвут — тюрьма меня ждет. Вот так.

Однажды я случайно оказалась в кабинете заведующей магазином. Вдруг заходит красавец: весь из себя, крестик на шее, взгляд донжуанистый. Трали-вали, ляси-васи, хи-хи, ха-ха, вроде как потрепаться зашел. Но пока я держала открытым рот, он растаял, как дух святой. Процесс инкассации свершился. Откуда зашел, куда вышел, сколько вынес!

Это я случайно инкасатора в деле видела. А так они корреспондентов с собой не берут. Даже из «Паруса».

Никому их работу видеть не положено, очень уж они скромные, инкасаторы.

Так настоящий Ленечка или не очень! Высокий — раз, сильный — два, смелый — три, дом хочет строить (трудолюбивый) — четыре, любящий и верный — пять (с плюсом), много на себя берет — шесть. Вот с духовностью, на мой взгляд, — сложнее, но чтоб со всех сторон удалец — такое бывает в сказке. В жизни все не гладко, да и что же за настоящий мужчина без резерва для совершенства! Я на глазок прикинула — подойдет Ленечка для нашей рубрики, и еще как.

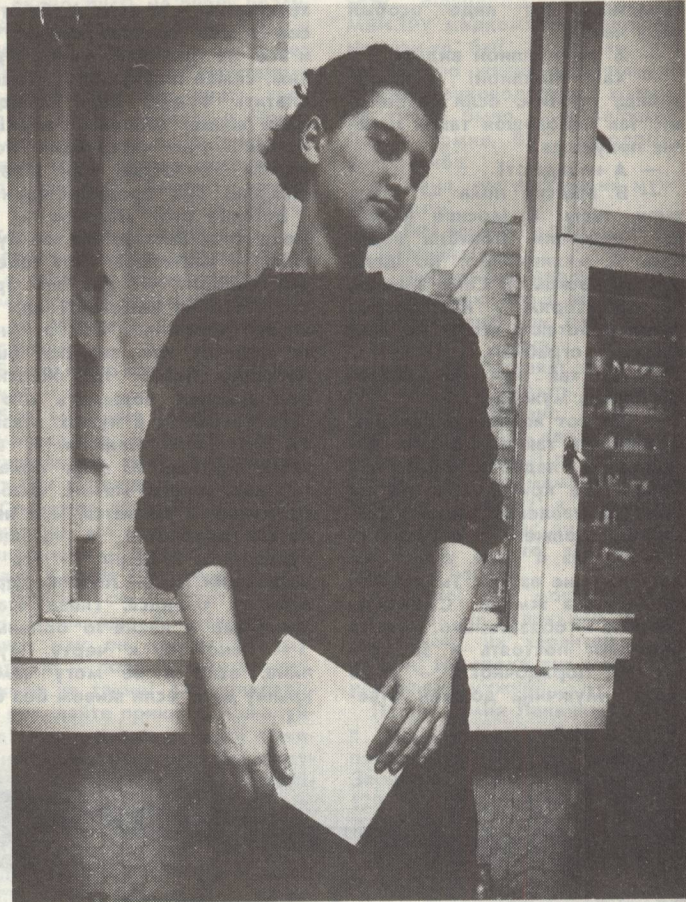
Вот и первый адресок вместо брачного объявления — банк. Там, если пошарить, — можно, вероятно, и еще найти.

Написала и подумала — ну почему, почему такая несправедливость: как только найдешь настоящего мужчину или нечто похожее на него, он вдруг резко оказывается женат! За что, Господи!

НИНА ПРОКОПЧИК

час приема по вечным вопросам

ТРЕНАЖЕР ДЛЯ ПОЗВОНОЧНИКА

...Пишу вам и плачу от обиды, несправедливости, непонимания. Что-то сломалось во мне. Позвоночник души (если можно так выразиться). Люди! Что вы делаете? Вы губите человека!

Я впервые пошла на работу — на летнюю практику, которую нам должны были оплатить. Во мне все пело и радовалось: я взрослая! Можно было пойти расписывать стены, но я выбрала — санитаркой в больницу. Это нужнее! И вот что случилось. Все шесть часов подряд я драила, скребла, чистила, бегала с поручениями, мыла. И что же? Видела вокруг одни только презрительные лица, слышала

одни лишь упреки: «Тебе деньги за это платят, так что давай, поворачивайся...» Да я всю эту работу без денег бы делала с удовольствием. Но свободно, понимающе, свободно, с любовью! И чтобы не бросали на меня косых взглядов, как на дурочку. А так...

Вечером прибежала домой, к маме под крылышко, к самому, как считается, дорогому человеку. Но вместо защиты натякаюсь на холодную стенку непонимания: «Нет уж, милочка, раз решила — нужно работать. А как мы с папой ежедневно не устает за восемь часов?»

Да не физически я устаю,

а морально. Нет, она не поймет этого! Объясняя, что мне хочется подходить к обязанностям творчески, я человек с абстрактным мышлением. А она мне: «Трусиха, как первая трудность — так и бежать сразу!» Эти слова-оплеухи сбили меня с ног. До сих пор жожу, как с клеймом, хоть всегда старалась жить под девизом: «Ты хочешь, ты можешь, ты сделаешь».

Сейчас не хочется думать о будущем, даже о завтрашнем дне. Неужели это я ожидала работу с радостью? Все в черном свете. Найги бы какие-нибудь таблетки! Хоть я точно знаю, что не отравлюсь — не на кого оставить моего пуделька и попу-гайчиков (они тогда умрут вместе со мной). Мне сейчас горько и тошно. Только мне надо меня убеждать, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих...

Нина, 16 лет,
Московская область

Переведем этот всплеск эмоций на сухой и серьезный язык, чтобы понять точнее. Неприятную, но самую благодарную роль больничной нянечки девушка выбрала для себя самостоятельно, но не навсегда — на каникулярный месяц. Представила, как все будет в восторге от ее самопожертвования, ждала и жаждала оценки поступку. Оценили всего лишь качество работы. Благородный порыв и вовсе свели на нет: «Тебе же за это платят...» Мало того, в глазах окружающих ясно читалось: раз ты пошла в санитарки — ни на что больше не способна! Даже если вокруг Нины никто этого и не имел в виду, мы же знаем: так, в принципе, думают. Вот странно: собираясь посвятить свою жизнь помощи больным людям, говорят обычно о профессиях врача, фельдшера, медсестры, в крайнем случае — лаборанта. Как будто бы лечебное учреждение в состоянии обойтись без рук, глаз, души нянечек и сиделок... Их труд, разумеется, не ежедневный праздник, а то естественное, без чего в жизни не обойтись, — работа ради денег. И чем выше качество любой работы, тем выше она должна оплачиваться. Таков реальный ход вещей!

Но все это, мне кажется, лишь верхний, внешний, прямолинейный ход рассуждений по поводу Нининых трудностей. Письмо — глубже! Смотрите: девушка все-таки понимает, что спасовала, отступила от чего-то в себе, была не права. Отсюда боль за свое разочарование (хоть

она винит в нем пока только других). Отсюда с размаху придуманный выход: таблетки. Для того только, чтобы завтра не встречать никого из тех, кто, как ей кажется, был свидетелем ее позора, провала. Главное — не возвращаться назад! А потом она делает выводы, подготовится к трудностям или встретит других людей, понимающих, внимательных, расположенных к ней...

Это — тупиковый путь. Потому что и в следующий раз ситуация повторится. Не в больнице, так в магазине, на фабрике, в детском саду — куда бы она ни пришла «приносить пользу»...

У меня был такой звонок по телефону доверия: после училища Олю распределили в столовую на ставку, которую раньше сотрудницы делили между собой. За одно это новую работницу приняли не только без церемоний, но и прямо в штучки: неуме-ха, много о себе воображает и т. п. Девушка, естественно, ни за что не хотела возвращаться в коллектив.

Мы проговорили весь вечер. Вначале Оля повторяла последнюю Нинину фразу, что вариант «дело рук самих утопающих» ей как-то не подходит. И мы начали о другом!

О том, что свет в конце тоннеля может блеснуть не за первым, а за седьмым и даже за пятнадцатым поворотом. Что любой нормальный человек должен не бояться проверить себя в самых различных ролях и на самых разных работах (Максим Горький сменил, например, 37 профессий!). Что любой рутинный и механический труд можно выполнять виртуозно, а учиться виртуозности никому не зазорно. Чем проще профессия — тем скорее в ней можно стать самостоятельным и независимым (попробуйте без меня обойтись, если я в своем деле профессионал высшей пробы!). И про маму Ольгину мы говорили: ее на работе ценят за доброжелательность, за то, что никогда никому не отказалась помочь. А вот отца ценят за твердость. Если в чем отказал — это уже железно, а если пообещал — стопроцентно сделает! И про людей слегка порассуждали: они разные, у каждого дела, проблемы, настроения, беды. Такова жизнь! И про злость на себя вспомнили, если уж что-то никак не получается. И долго решали, как лучше в таком случае поступить: совсем ничего не делать (само собой образуется) или начать все то же, только с другой стороны...

Про многое мы говорили. Да, и про деньги тоже. Это теперь

одна из засушенных проблем.

Оля позвонила повторно спустя почти месяц. Порадовала.

Назавтра она, оказывается, пришла на работу с букетом ромашек и поставила его просто так — для всех. Самой крикливой и злой поварихе помогла поднести каштанию. Благодарности не дождалась, но не расстроилась. Стала понемногу расспрашивать всех других, как и что у них принято делать, хоть убеждена была, что и сама все знает. Оттаяли девушки... Через неделю Оленьке все сочувствовали и старались что-то подсказать по работе. Смирились. Приняли.

— Я тогда ночью прямо-таки приказала себе: «Не ныть!» Хорошо продумала, что я реально в своей работе могу, а к чему надо присмотреться. Решила: не оценят они меня, ну и не надо. Буду лучше их! Замечу, кому нужна помощь, — сама помогу. Пусть знают! Слышала, что люди всегда любят кого-то учить, — вот пусть меня и учат, меня не убудет... А потом и сама удивилась: так быстро меняюсь!

А я позавидовала: Ольга — стихийный психолог! Как точно она включила простые, но очень важные механизмы вхождения в коллектив. Значит, стоит только хорошенько понаблюдать за другими и за собой...

Знаете, я почему-то уверена, что и у Нины сегодня все уже хорошо!

КРИСТИНА,

дежурная на телефоне доверия
в г. Кохтла-Ярве (ЭССР)
Звоните: 0-08

Записала
Тамара САХАЩИК

P. S.

Телефон доверия в «ПАРУСЕ», как вы помните, ждет ваших звонков по понедельникам (кроме праздничных дней) с 17.00 до 20.00. В последнее время телефоны доверия для подростков появились и в других регионах страны. Если вам ближе, звоните в МОСКВУ: 122-32-77, 303-13-33, 301-01-96, 924-85-08 — круглосуточно; в ЛЕНИНГРАД: 118-40-41 — круглосуточно; в КИШИНЕВ: 47-60-40 с 15.00 до 22.00 ежедневно; в ОДЕССУ: 22-67-46 или 24-71-20 с 19.00 до 9.00.

Ну, а на письма с «острыми» вопросами готов вам ответить редакционный психолог-консультант.

ЖИТИЕ ПУТЕВОГО ОБХОДЧИКА

— Мы с Федором пришли!

Не помню, был ли в конце этой фразы вызывающий восклицательный знак, но точно помню свое недоумение:

— А где же Федор!

Вместо объяснений Володя Боженов положил на стол слегка помятую рукопись. Разглаживая страницы, мы отыскиали там вечно страждущую фигуру путевого обходчика.

— Обходчик путей — это хорошо...

— Да, в некотором роде все мы ходим по путям, — автор новелл явно ожидал очередного вежливого отказа.

Оказалось, до «Паруса» боженовские новеллы вкусили приятного делового аромата в редакциях других изданий, где суровое предписание «Рукописи не возвращаются!» по сути дела ставит крест на всех надеждах начинающих авторов. В «Парусе» тоже решили «не возвращать», а... печатать. Это как сигнал: талантливым и дерзким дебютантам, имеющим оригинальный взгляд на мир, у нас — зеленый свет. Отвергнутые гении да придут к нам!

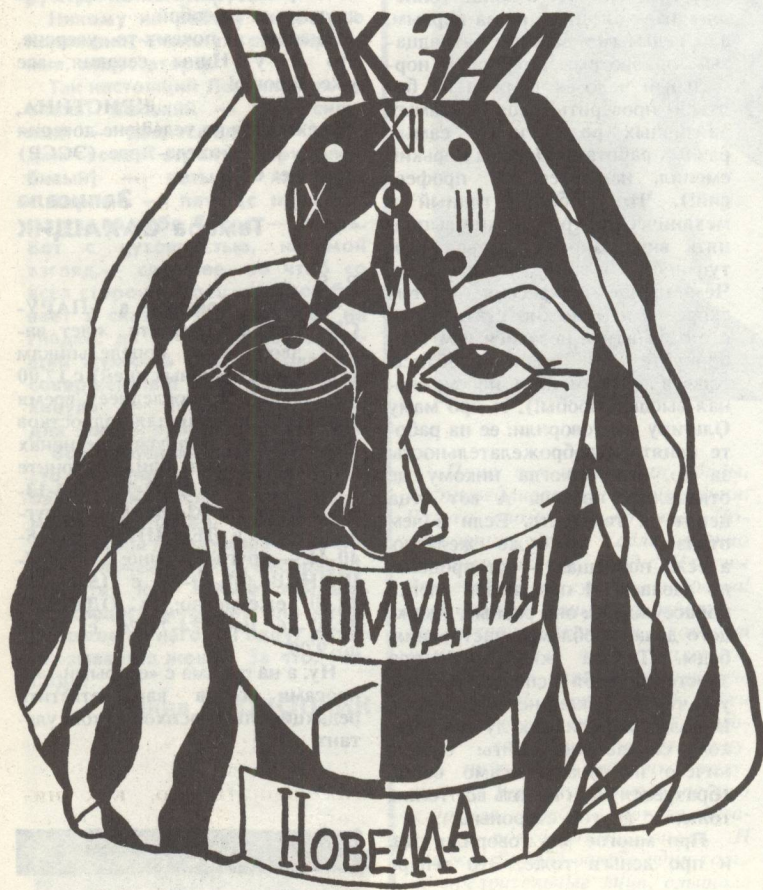
Между тем, первооткрывателю новой гостеприимной рубрики — В. Боженову — уже немало лет — аж 24. Окончив Минский радиотех, он пытался конструировать сложные электронно-вычислительные аппараты. Безуспешно. Затем подрабатывал сторожем, строителем, журналистом... Намечался длинный путь «в люди». Пока пронизательный друг Федор не посоветовал описать все как есть. И вот получилось то, что получилось. Владимир Боженов и редакция надеются на сочувствие к обходчику мирских путей.

В. ПЛЮСКОВ

рукописи не возвращаются

Владимир БОЖЕНОВ

ХРОНОМЕТРИЯ.

Проснулся я неприятно рано. И не потому, что дальше стало совсем никак, не потому. Просто в глубине своего расслабленного сознания, среди разрозненных сюрреалистических образов, я обнаружил нечто слегка позабытое в процессе сладкого пятнадцатичасового забытья.

«Необходимо устраивать жизнь», — вспомнилось мне, и я нервно захлопал мутными глазами.

Жизнеустройство всегда казалось мне некоторым подобием мелиорации. Берешь лопату в руки, роешь траншею, отводишь что-нибудь в сторону, не важно, в какую. Отведешь — сам отходишь на безопасное расстояние и наблюдаешь с затаенной надеждой за тем, что получилось.

Землеустройство — это где-то рядом.

«Необходимо устраивать жизнь», — подумал я, когда проснулся неприятно рано.

Что дальше?
НУЖНО ИСКАТЬ РАБОТУ.

Однажды, в столь же неприятно ранний час, я нерасчетливо раскрыл шуршащие висячие шторы. Слабый свет унылого утреннего солнца беззвучно упал на мятые, как штаны, рукописи. С теплым живым недоумением я смотрел на множественные глупые листы, терзаясь тупым вопросом: «Что это? Это РАБОТА?» И случайно, по понятной заспанной завернутости, мне отчетливо представилось: «А что же еще? Конечно, РАБОТА!»

Господи, до чего же я удивился тогда. Как это было не похоже на то, что называют РАБОТОЙ!
НЕ ПОХОЖЕ.

То, что было — было не похоже на то, чего не было. Не было очень многого, а то, что было, ни на что не походило. Была, например, зубная щетка, но назвать ее так мог только человек с несдержанно-буйным воображением, т. е. я. И я ее так назвал, войдя в ванную с претензией умыться.

ПАСТА БЫЛА.

Специально для той части прогрессивной общественности, которой надоел негативизм оценок, утверждаю: **ЗУБНАЯ ПАСТА БЫЛА.**

И я ее выдавил.

НЕ ВПОЛНЕ ЛЮБЛЮ ЧИСТИТЬ ЗУБЫ.

В детстве это занятие являлось строго принудительным, как, впрочем, и многие другие, исключая из общего перечня футбол, драки и пожары. Отрочество опустим, юность, в известном смысле, тоже не привнесла ничего нового, а вот молодость...

Как раз в это проклятое время я и не полюбил чистить свои любимые зубы. Поясняю: очень просто, по Павлову. Условный рефлекс. По Сеченову — доминанта.

Обычно, восстав ото сна после напряженной пятидесятитрех (четырёх-, пяти- и т. д.)-часовой вечеринки, я первым делом бежал мыться, в злобном и тщетном желании восстановить былой моральный облик и невинность. Картинку, отпечатанную на моем тонком лице, можно было определить, как нечто среднее между впечатлением от сумасшедшего дома и дома публичного. Голова разламывалась совершенно изнутри, а во рту неизменно присутствовало ощущение жженой ваты, смоченной ацетоном, аммиаком и бензольной селитрой.

Я хватал дрожащей левой рукой щетку, долго и старательно возился ею в жевательной полости, а потом забирался под мокрую свистящую струю, пытаясь смыть со своей родной нежной кожи следы чьих-то абсолютно чужих липких губ и остального.

ДА ПРОСТИТСЯ МНЕ И НЕ ОСУДИТСЯ!

После купания я выпивал бутылку прохладительного поправочного пива и постепенно становилось несколько не так, чтобы совсем уж нехорошо.

Но начиналось-то все всякий раз с одного — с зубов, т. е. с процесса их очищения. Вот с чего началось! Потому-то даже сейчас, в состоянии относительного нравственного равновесия, это занятие вызывает внутри моего непримирившегося организма тяжкие воспоминания о днях былых, прошедших в гари, угаре и прочих непотребных излишествах.

Вот о чем думал я, выдавливая пасту, которая **БЫЛА.**

«Была-не была», — подбрасывал я мелкую монетку, решая после умывания — пообедать ли сейчас или отложить до вечера. Обедом я называю собственно ужин, а завтракать прекратил уже не вче-

ра, определив это мероприятие, как не оправданное ничем пижонство.

Вопрос решился сам собой, а точнее — отсутствием того, чем можно было бы пообедать.

«Не хлебом единым...» — утешился я и стал наряжаться к выходу. Сейчас же обнаружилась некоторая сложность.

ПОХОЖЕ, ЧТО ВЧЕРА Я ВО ЧТО-ТО СЕЛ.

Мои единственные джинсы, помнящие многое из того, о чем я уже давно позабыл (или пока только стараюсь), имели на одном достаточно интересном и выразительном месте пятно неизвестного никому происхождения.

«Во что? — напряженно припоминал я. — Во что я сел?»

Как будто это теперь что-то решало.

Настроение было безнадежно испорчено. Впереди замаячила продолжительная стирка и не менее продолжительная сушка. А ведь в то же время передо мной неизбежно стояла необходимость жизнеустройства, которая никак не сопрягалась со всем остальным.

«В чем же теперь искать работу? — страдал я. — В таких штанах?»

Какая, в сущности, мелочь, но как не вовремя и обидно.

ВСЕ, ЧТО НИ ПРОИСХОДИТ, СЛУЧАЕТСЯ НЕ ВО ВРЕМЯ И ОБИДНО.

И тут я проявил завидную со стороны твердость характера.

«Разве может иметь сколь-либо серьезное значение пятно на моих штанах в сравнении с грандиозными свершениями, происходящими ежеминутно на необъятных просторах родной страны социализма? — подумал я и ответил решительно, как никогда: — Нет, не может».

Убедив себя таким довольно хитрым образом, я

мягко хлопнул дверью и выбежал на улицу, стремясь поскорее осуществить ся.

Пейзаж вокруг определялся ироническими словами из давней пионерской песни: «До чего же хорошо кругом!» В свежей луже лежал кусочек неба. Я всесторонне и внимательно рассмотрел его, так и не установив достоверно: небо под ногами — хорошо это или не очень.

Радостное солнышко пряталось за высокими домами. Я бестолково вертел не вполне полной головой, осознавая при этом различные мысли, до тех пор, пока одна из них не уперлась в основную.

НУЖНО ИСКАТЬ РАБОТУ.

И тут я решил, что «не хлебом единым» — это не совсем то.

— Как раз наоборот, — сказал я встречному псу с глупыми длинными ушами, висящими, как вымпел. — То есть не то, чтобы совсем уж наоборот, но все же несколько не так.

Пес вдумчиво обнюхал мой правый ботинок и промолчал.

— Литература — это как раз и есть то самое «не хлебом», — пояснил я ушастому. — И что мы имеем в результате?

Пес попытался обнюхать меня целиком.

— Ничего не имеем, — ответил я, отстраняясь.

И я понял, что слегка

ошибался, соотнося себя со всем оставшимся человечеством так, как соотносилось. Человечество нуждалось в хлебе. В едином или нет, не знаю, но нуждалось, а потому и плевало так легко и непринужденно на меня и мою РАБОТУ.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПЛЕВАЛО НА МОЮ РАБОТУ.

— Понял? — строго спросил я ушастого.

Тот ничего не ответил и убежал куда-то по своим простым собачьим делам.

— Ладно, — согласился я. — Нужно нести людям самое необходимое.

И РЕШИЛ СТАТЬ ГРУЗЧИКОМ В БУЛОЧНОЙ.

В булочной меня встретила заведующая. Под ее началом трудились три человека, чем она была безнадменно горда.

— Желаю нести, — сообщил я ей с порога.

Она посмотрела на меня длительно и странно, звянула чем-то в кармане и спросила:

— А кто ты есть такой по жизни?

Ой, как я боюсь таких вопросов! Что тут ответить?

— Вовка, — сказал я честно.

— Ну-ну, — как-то по-своему оценила ответ заведующая. — Что-то не похож.

— На Вовку не похож? — обиделся я.

— На грузчика.

ЧТО-ТО НЕ ПОХОЖ.

Как часто приходилось сталкиваться мне лицом к лицу с этой концептуальной формулировкой во время своих безуспешных попыток трудоустроиться дворником, литконсультантом, видеоинженером, аудиотехником, плиточником-облицовщиком, корреспондентом по письмам, почтальоном по тем же письмам, швейцаром, оформителем салонов и еще черт знает кем.

НА КОГО ЖЕ Я ПОХОЖ, ПРОСТИТЕ?

— На Вовку, — ответила заведующая и вернула мне зеленую, как тоска, трудовую книжку.

Нести себя и собой не получилось. Человечество плевало на меня так изощренно и ловко, что становилось несколько даже скучновато. Особого счастья от того, что я похож только на себя и ни на кого больше, почему-то не происходило.

— Как, скажите, жить в своем народе? — риторически спросил я.

Ответа не последовало. В той же последовательности, в которой вышел из дому, я вернулся туда же.

В глубоком уютном кресле меня ждала приятная неожиданность мужского пола. Она пила последний из оставшегося кофе, курила и сорила пеплом прямо в блюдец.

— Федор! — поздоровался я. — Пепельница в двух шагах.

— В том-то и дело, что в двух, — сказал путевой обходчик Федор, — друг и гражданин, — закладывая стройные ноги на журнальный столик. — Далековато.

Я демонстративно придвинул пепельницу поближе.

Федор смерил меня проницательным взглядом и поинтересовался:

— Что произошло?

Я длительно задумался, упав для удобства прохождения процесса на диван. Путевой обходчик терпеливо молчал.

— Не знаю, как жить, — ответил я после значительной паузы.

— Никто не знает, — стремительно утешил меня Федор.

— Не в этом дело, — оправдывался я. — Не знаю, как жить в родном народе.

— Оно, конечно, понятно... — четко сформулиро-

вал Федор, стряхивая пепел на ковер.

— Федор! — закричал я.— Пепельница же!..

Путевой обходчик пожал литеми плечами и воткнул окурок в блюдо.

— Будь проще,— потребовал он.

— При чем тут это? — возмутился я, не осознавая по глупости, что как раз очень даже при чем.

— Будь проще, и люди к тебе потянутся,— ласково пояснил путевой обходчик.— А люди — это где-то уже народ. Доступно?

— Вполне,— ответил я, ощущая, как долгожданый мир нисходит на мою измученную темную душу. МИРУ — МИР!

Солнце затрепетало в прозрачных гардинах аналогией пойманной золотой рыбки. Я ослабил рубашку сразу на две пуговицы и облегченно выматерился.

— Ну как? — спросил Федор.

— Легче,— признался я.

В качестве первого шага на тернистом пути опрождения я решил присоединиться к движению неприсоединения и двигаться дальше строго самостоятельно.

— Буду сам себе Вовка,— наметил я туманную перспективу.— Посреди родного народа.

Федор скептически хмыкнул. Он понимал, насколько морально тяжело, а физически — просто опасно — быть Вовкой прямо посреди народа.

— Посмотрим,— уклончиво заметил он и затаился.

ЖДАТЬ ДОЛГО НЕ ПРИШЛОСЬ.

— Смотрите,— сказала соседка, которая жила глубоко внизу, и сунула мне в лицо мокрую воющую тряпку.

— Что? — не понял я.

— Заливаете,— объяснила она, и уверенно направилась в ванную, где я совсем недавно безо всякой

любви чистил зубы.

В ванной оказалось непонятно сухо.

— До каких пор? — возмутилась соседка.

По установившемуся добром обычаю, распространенному среди соседок, она была беременна и всяма раздражена.

— В который раз злостно заливаете? — спросила она, и пообещала грозно, как Иван.— Заявлю!

— Такая может,— взволнованно подтвердил Федор, когда соседка уныло побрела рожать.

— Что делать? — занервничал я.

Путевой обходчик хлопнул меня по спине:

— Будь проще.

Звук получился неважный: короткий и плоский, как сломанная рейсшина.

Я вновь упал на продавленный диван.

ДОГАДКА: СОСЕДКА ОШИБЛАСЬ ДВЕРЬЮ.

Вторым номером был водопроводчик Жмулев, появившийся внезапно и без вызова.

— Где? — коротко спросил он.

— Там,— безразлично и неопределенно махнул рукой Федор.

— Ясно, — догадался Жмулев и отключил воду.

Потом он потребовал за совершение таинства три рубля, сославшись на модное слово хозрасчет.

— Ты хозяин?— уточнил он.

— Он,— ответил за меня Федор.

— Рассчитывайся давай!

Я рассчитался и упал. Путевой обходчик задумчиво сорил в цветочный горшок.

— Зачем он воду перекрыл? — волновался я.

— Работа у него такая,— пояснил Федор.

— Так ведь не текло же?

— Текло, не текло — какая разница! Будь проще,— напомнил Федор.

Я стиснул свежевычищенные зубы и согласился.

ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ.

Затем пришел прапорщик из военкомата и, сбивчиво извиняясь, стал упрашивать меня съездить на сборы, объясняя это тем, что за долгое время гражданской жизни мое умение убивать вполне могло несколько подпортиться, и неплохо было бы его подновить.

Я принципиально отказался, а прапорщик сообщил, что его теперь расстреляют и, предупредив, что будет ждать вечно, лег на коврики перед дверью.

ФЕДОР истерически рассмеялся. Он был потомственным пацифистом и даже «Войну и мир» читал выборочно.

ЛУЧШЕ ЗАНИМАТЬСЯ ЧЕМ УГОДНО, ЧЕМ ВОЙНОЙ.

Я хотел было вынести прапорщику подушку, но Федор остановил меня ненавязчивым напоминанием:

— Проще будь.

И я был.

За это время меня посетили:

агент соцстраха,

бывшая жена без страха, но с упреком,

Кирилл в поисках Мишеля,

его жена Аглая в поисках Кирилла,

Мишель с претензией стрельнуть рубль,

дядя Ваня — стрелок ВОХР, в прошлом ворошиловский,— с тетей Маней

и смутными требованиями непонятно по поводу чего,

неизвестно чей друг Сема, тридцати пяти лет, безо

всякого повода, но очень настойчиво,

друг и сослуживец Федора — Семен Егорович со своими производственными проблемами,

племянник Семена Егоровича — простуженный

Иван, без проблем, но с жалобами на то, что совсем

не запомнил своего родства,

родственники простужен-

ного Ивана проездом из Новозыбкова,

и еще великое множество самых разнообразных людей.

— Ну вот,— удовлетворенно отметил Федор.— Потянулись.

ПОТЯНУЛИСЬ.

И все бы вроде ничего, но радости опять не было.

В какой-то момент мне стало казаться, что я являюсь:

Красным Крестом совместно с таким же Полумесяцем,

почетным генералом Армии спасения,

президентом концерна «Резвые самаритяне»,

резидентом КГБ в Южно-Африканской Республике,

руководителем кружка «Юный толстовец»,

главой общества «Женщины Европы — за непорочное зачатие»,

министром в Совете,

советником по особо особым делам,

полномочным представителем всех видимых и невидимых общественных движений за милосердие, всепрощение,

социальную справедливость, свободу,

равенство и братство.

НО РАДОСТИ НЕ БЫЛО.

После нескольких бурных часов, проведенных за такими играми, я вышел покурить на ближайший открытый воздух, а именно: на балкон. Зрелище, неожиданно открывшееся моему утомленному взору, можно было сравнить по силе воздействия только с ударом коленом в пах.

Бесконечная череда людей, дышащих друг другу в затылок, похожая чем-то на вино-водочную очередь, но продолжительней и скромней, вилась головоломным серпантинном сквозь весь двор, выходила на улицу и терялась где-то в голубоватой дымке социалистического строительства.

Люди стояли, твердея на глазах от решимости

покончить раз и навсегда с тем, с чем хотели покончить, и разом обрести новое. В каждом из них что-то лежало, и они пришли с этим ко мне. Отступить было некуда. Я впервые понял, что за мной — Москва.

Мне никогда не удастся объяснить, что я почувствовал в тот зловещий и торжественный миг.

— Граждане! — дико закричал я.— Я так не умею. Я не могу принимать решение по каждому отдельно взятому вопросу и пытаюсь на них ответить. Больше ничего не могу! Простите, Бога ради!

Люди скорбно молчали.

— Родные, простите! — рыдал я.— Мне жизни не хватит на всех на вас. Читайте мою книгу «Вокзал целомудрия». Там я поднимаю вопросы и пытаюсь на них ответить. Больше ничего не могу! Простите, Бога ради!

АЗ ЕСМЬ ЧЕРВЬ.

Я совсем было собрался подробно обдумать эту угрюмую мысль, как внезапно, в своей подлобь обычной манере, появилась она.

Тонкий нимб легкого распухания и серьезной неврастении сиял над ее изящной бездумной головкой. Упругие волны благоуханий, источаемые новой серией «Шинель № 95», плыли, мерно покачиваясь в вышине, навезая отчего-то (наверное, из любви к парадоксам) воспоминания о выгребных ямах. Умело задрапированная в тончайшие шелка вперемешку с поддельными мехами, она являла собой идеал рекламы для концерна по переработке нефтепродуктов.

Я сломя голову бросился к ней, но, не рассчитав разбега, провалился тот же час в кошмарную бездну голубого сияния. Ее хорошо нарисованные глаза были настолько глубоки, что по-

рой казалось, будто в них нет не только дна, но и вообще ничего.

Так, впрочем, оно и было.

— Понятно,— сразу оценила ситуацию она.— Оправдываешься?

Я молчал, а левая щека моя подергивалась.

— Комплексуешь?

Пауза. Щека дергалась.

— Увиливаешь?

Еще одна пауза.

— В этом ты весь, как на ладони,— твердо определила она.— Подлец.

БОЖЕ МОЙ, ЭТО БЫЛА ТА САМАЯ ЖЕНЩИНА...

— Мерзавец! — пафосно произнесла она и хлопнула меня по потерянному выражению лица так эффектно и ловко, как не смогла бы ни одна другая.

Народ безмолвствовал.

Следующим движением она обернулась ко мне гибкой спиной и нормально ушла, пообещав никогда не возвращаться.

ГУД БАЙ, АМЕРИКА!

О-о!

Я вновь вышел на балкон и вялым жестом, отдаленно напомиавшим взмах крыла стратегического бомбардировщика Б-2, распустил свой народ. Народ тут же, на месте, проклял меня и спокойно разошелся по местам занятий.

Я же возвратился в помещение и с головой забрался в платяной шкаф, в котором было темно и душно, как в жизни. Отыскав в пыльной темноте выходной подарочный пиджак, презентованный мне к торжественной дате торжественной защиты диплома (теперь уже сложно припомнить кто, кого и от чего защищал), я надел его, присовокупив к последнему пасхальные брюки, приблизительно подходившие по цвету и считавшиеся потом почти родными.

Обстоятельства требовали того, чтобы я напился. Желания особого не наблюдалось, но обстоятель-

ства требовали, и я смирился.

Смирившись, я столкнулся на выходе с давешним водопроводчиком Жмулевым, который вернулся, чтобы открыть новое течение вод.

— Ты, Жмулев, видимо первооткрыватель? — рассеянно и слабо заинтересовался я.

Он слегка растерялся по причине моего поразительного костюма, но ответил:

— Я-то Жмулев, а вот ты кто таков?

Внутренне засомневавшись, я произнес неожиданно жалобно, как маленький голодный щенок:

— Вовка, наверное...

— Напрасно, — высказался Жмулев.

— Что напрасно?

— Вырядился напрасно, — пояснил водопроводчик. — Потому как спецобслуживание. Всеобщее, равное и тайное.

— Напрасно они так, — загоревал я.

— Они всегда все напрасно.

Я трогательно удивился: — Да ты диссидент, Жмулев?

— Я — водопроводчик, — сдержанно ответил он. — А у тебя уши разные: одно правое, другое — левое. Это ты — диссидент.

— Вот еще! — обиделся я. — Себе дороже.

— Себе дороже — это если брать у таксистов. А ты к двум часам в очередь становись и покупай по государственной, — резонно заметил Жмулев.

— Да я не о том!

— Ты всегда не о том, — сказал пронизательный водопроводчик и ушел, бросив на прощание, — будь!

В РАЗНЫХ УШАХ ЗАЗВЕНЕЛО ОДИНАКОВО МЕЛКО И БУДНИЧНО: ПРОЩЕ! ПРОЩЕ! ПРОЩЕ!

Путевой обходчик Федор, таившийся в дальней комнате, вышел на звон, мягко ступая нетвердыми

ногами социального элемента.

— Вот слышал, — заявил он, — да не знаю откуда.

Я смотрел сквозь него вдумчиво-пустыми глазами, пытаюсь осознать смысл водопроводческих откровений.

— А где Жмулев? — странно озабочился обходчик.

— Приказал БЫТЬ.

Федор удовлетворенно крикнул, потом хрюкнул и предложил:

— По чашке кофе в этой связи?

Я забывчиво согласился и поплелся на кухню. Но кофе-то уже не было! И плевать мне на ту часть прогрессивной общественности, которой надоел негативизм оценок, я утверждаю: КОФЕ НЕ БЫЛО.

— Как же быть? — растерялся я, подразумевая под этим все в общем.

ПУНКТИРОМ ПРОСКВОЗИЛО ЗЛОВРЕДНОЕ: ПРОЩЕ!

— Как нам быть?

Путевой обходчик заглянул через плечо в глупую пустую баночку и сказал:

— А без разницы. КАК БЫ НИ БЫТЬ, ЛИШЬ БЫ НЕ БЫТЬ.

— Не быть кем? — переспросил я.

— Свиной, — ответил Федор, понимая под этим все в общем.

Я с удовольствием согласился.

И он с удовольствием согласился.

И мы пили чай с малиновым вареньем.

И мы слушали ностальгический «П. Флойд».

И мы курили табачные сигареты.

И мы говорили о разном.

И нам было весьма приятно оттого, что мы — только Федор и Вовка, и больше ничего.

А счастливые часов не наблюдают.

ХРОНОМЕТРИЯ.

Поздним вечером, когда сумерки подошли к состоянию забытой кофейной гущи, мне захотелось немножко погадать.

«Чет? Нечет?» — интересовался я, подбрасывая медную монетку.

Но теория вероятностей неожиданно сбоила: монета встала на ребро.

«Ну так как? — издевался я над мирозданием. — Быть проще? Или быть собой? Может быть, совсем не быть?»

Последний случай я решил не рассматривать, как явно метафизический и скучный. В двух других же содержалась видимая неопределенность: быть собой — каким собой? быть проще — насколько проще? Незаданность условий сводила на нет все логические построения.

Я натужно мыслил, следовательно — существовал, а на пустом столе передо мной торчала уместной подсказкой мятая монета с выщербленным краем.

БЫТЬ СОБОЙ? БЫТЬ ПРОЩЕ!

И я догадался. Всегда имеется вероятность третьего варианта, почти невозможного. Но если уж БЫТЬ, то ставить стоит только на него —

БЫТЬ ЛУЧШЕ.

Рисунок Елены КОШЕЛЕНКО

Буквально несколько публикаций: «Как солдат солдату», «Исповедь старика» и т. д. вызвали дружный залп по рубрике. Рикошетом досталось и вашему покорному слуге, старшине Фасту. Его, т. е. меня, объявили потатчиком «реформаторам» и «маленьким сынкам», одни из которых хотят сделать из армии богадельню, другие — филиал санатория.

«Холоднокровней, парни, щетильней, ребята», как говаривал один известный хохмач. Обвинения свои отправьте по адресу: Любая, 8, ключ под тазиком. Наша рубрика достаточно плюралистична и доказывала это не единожды. Вспомните, разве не я еще в заявке на нее говорил: сколько людей, столько и мнений, а истина обычно лежит посередине. Но, чтобы вы еще раз в этом убедились, уступаю трибуну представителям той категории читающей публики, которую положение дел в Вооруженных Силах устраивает, а причины армейских проблем они видят за пределами КПП. Кстати, во многом с ними согласен. Итак, слово «новой волне» — суворовцу, младшему сержанту запаса и бывшему офицеру.

СЕРГЕЙ КОРГАН:

Пишет вам «фанатик военной службы», как бы назвали меня только за то, что я суворовец. Сейчас армию ругают многие, и те, кто служит, и те, кто служил, и те, кто знает о ней с чужих слов. Что ж, армия большая — плюнешь, не промахнешься.

По-моему, все это началось с первоперестроечных публикаций в прессе, а именно — робких заметок об армейских проблемах. Тогда многих заинтриговала новизна темы. Напечатали, огляделись — цензура то молчит, и словно клапан открылся: «писателей» потянуло испытать мужество и храбрость Моськи. Сначала осторожно «полаяли», потом захотелось острых ощущений и начали «кусать». «Слон»-то — связан.

Согласен, в армии есть недостатки. Но если государство, общество, Вооруженные Силы вошли в кризисное состояние, то в этом виновата, на мой непросвещенный взгляд, система. Согласно законам диалектики, весь мир находится в постоянном развитии, движении. Если развития не будет, то возникает застой. Армия у нас, по всему видно, застоялась и перестраивается зашкаливающими темпами. Например, сколько понадобилось времени,

чтобы понять преимущество ботинок-сапог на шнуровке перед обычными «кирзачами» или нынешних отложных рубашек перед гимнастерками. Да и сейчас еще экипировка солдат самого отсталого государства Африки — удобнее и практич-

лизиции Вооруженных Сил, то переход к профессиональной армии в данной ситуации, я думаю, возможен и даже нужен. Только нельзя по американскому образцу министром обороны назначать гражданское лицо. Таковы мои убеждения.

Фото Ивана БОРИСОВА

служить бы рад...

«ХОЛОДНОКРОВНЕЙ, ПАРНИ, ЩЕТИЛЬНЕЙ, РЕБЯТА...»

нее. Так что же, военные виноваты? А может, и наша легкая промышленность тут руки приложила? Наштамповали обмундирования, все армии мира одеть хватит. Между тем, чисто военная промышленность дала солдату, пожалуй, самый лучший в мире автомат, технику, которой позавидуют многие.

Что же касается профессиона-

Позволю себе прокомментировать некоторые мысли Сергея. Мне кажется, зря он наваливается на легкую промышленность. Она получает заказ и его выполняет. Ей все равно, что шить — гимнастерки или телогрейки. А какую форму носить — решают, в первую очередь, сами военные.

Что ж до того, каким быть

министру обороны — вопрос спорный. Уж не помню, кто сказал: «Война настолько серьезная штука, что ее не стоит доверять генералам». В этих словах большая доля истины. Нет, нет — командовать дивизиями и армиями должны все же генералы. А вот возглавлять высшие военные ведомства следует гражданским политикам. У них меньше желания сразу хвататься за оружие при возникновении конфликтных ситуаций. Кстати, военные министерства в развитых странах возглавляют именно гражданские лица. Но вернемся к проблемам более прозаическим.

В. ШЛЫЦКОВ, МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ЗАПАСА:

Прочитал в одном из номеров «Паруса» повесть Закира Дакенова «Вышка». В ней говорится о неуставных отношениях. Все, что пишут на сей счет, — дешевка. Я, например, за неуставщину, но без садистских издевок. Я за жесткую дисциплину на первом году службы. Сменюсь, когда читаю о том, что из какой-то воинской части сбежал от «дедовщины» солдат. Могу точно сказать — сбежал маленький сынок, ничего не желающий делать и не умеющий за себя постоять.

Я службу свою начинал в сержантской школе в Подмосковье. Первые полгода был в учебной роте, где сержанты — цари и боги. Их боялись пуще офицеров. Все было: и поздние отбои, и внезапные ночные подъемы, туалеты по-большому три минуты, по-маленькому — полторы, бани с раздеванием и мытьем за пятнадцать минут, подметание луж в дождь... Невзлюбили мы сержантов поначалу. Помню, говорили меж собой: «Вернусь домой, куплю кролика, назову сержантом Белозоровым и забью его». Но теперь я не жалею, что прошел через сержантский строй. В дальнейшем мне эта закалка здорово помогла и сейчас помогает. А были и такие, что не выдерживали. Это типичные рохли и размазни. Как, например, Виктор Ч. из Новороссийска. Он ел объедки на задворках кухни, воровал, ходил грязный, как свинья, и постоянно «стучал» родителям, что его обижают, заставляют вставать за тридцать секунд, отжиматься по двадцать раз в несколько подходов, что товарищи на него плюют. А на какое еще отношение он мог рассчитывать!

Были и такие, что по-большому и по-маленькому «ходили» в

постель. И не от болезни, а потому как надеялись ввести в заблуждение врачей и комиссовать. Вот этих типов и «лечили» старослужащие, иначе с ними просто сладу не было бы. «Деды» требовали от нас только исполнительской дисциплины да уважения к старшим по призыву и по званию. Не знаешь устав — будешь учить всю ночь. Выучил — Расскажи и ложись спать. Уйдешь в «самоход» или выпьешь — быть тебе битым. Не дай бог, на посту или на тумбе дневального заснул — хана. Физо хромает! Вместо увольнения в город — спортплощадка. Беспорядок в кубрике — уборщик на неделю и полы драить каждый день с мылом и щеткой. И никаких «твоя моя не понимай».

В армии нет уставов на каждого, а есть единый на всех, и он требует железной дисциплины, иначе будет не армия, а бардак. Поэтому нужно держать спрос с солдат на уровне. Особенно с призывников.

А что до офицеров, на которых последнее время бочки все чаще катят, то своих батареинных мы уважали. Особенно комбата Реуцкого. Благодаря ему наша батарея была как одна по-настоящему дружная семья.

В. Н. РЕДЕДЬКО, БЫВШИЙ ОФИЦЕР:

Во многих публикациях о пороках армейского быта авторы их, вольно или невольно, подводят к мысли, что во всех Вооруженных Силах процветает издевательство. Естественно, это пугает ребят, готовящихся к срочной службе. Не буду долго распространяться на сей счет, скажу одно — в подразделениях, где решаются сложные и важные задачи по обеспечению обороноспособности страны и успешное их решение зависит от каждого воина, складываются товарищеские, доброжелательные отношения между солдатами различных призывов. Взять хотя бы пограничников, подводников, десантников...

Но нет идеальных коллективов. Между людьми, особенно если их много собирается в одном месте, всегда возникают какие-то трения. Будь то на «гражданке» или в армии. Всех ведь не проверишь на психологическую совместимость.

Ребятам, которые идут служить, выскажу несколько пожеланий. Не бойтесь армейских трудностей, лучше готовьте себя к ним. Физически развитые, волевые, привычные к тру-

ду парни способны не только не допустить оскорбления в отношении себя, но внести высоко нравственные отношения в коллектив.

Служил в одном из подразделений нашей части солдат. За трудолюбие и усердие имел все виды поощрений. Когда увольнялся в запас, командиры искренне его благодарили за честно исполненный долг. А гораздо позже случайно узнали еще об одном его качестве. Оказывается, в отсутствие офицеров любая попытка затеять в подразделении что-нибудь не положенное по уставу пресекалась этим парнем. Это стало известно со слов солдата, угдившего на скамью подсудимых за неоднократные самовольные отлучки. На открытом заседании военного трибунала перед чтением приговора он сказал в последнем слове:

«В ходе дознания и следствия по моему делу я понял свою вину и понесу за нее соответствующее наказание. Но хочу извиниться за грубые слова, которыми я обзывал младшего сержанта Н., когда он, заступая дежурным по роте, каждый раз предупреждал меня: «Уйдешь в «самоход» — доложу командиру роты». И я, ругаясь, ложился спать. Жаль, что только он один меня останавливал...»

Вполне допускаю, что к моим словам многие отнесутся с недоверием. Мол, вот еще выискался «моралитик». Сам офицерил, получил пенсию и теперь нравоучает. Поэтому я обращаюсь через журнал к воинам частей и подразделений, где существует истинный армейский порядок: напишите «Парусу», кем и как этот порядок поддерживается. Этим вы дадите понять идущим в армию ребятам, что не все так мрачно в их будущей службе, рассеете негативные впечатления от потока информации о беспорядках в армии.

Собственно, возразить Владимиру Николаевичу мне нечего. Остается лишь присоединиться к его призыву. А то, на самом деле, сделали из Вооруженных Сил некий жупел, и ну стращать-размахивать. Могу сказать одно — реформы в армии давно назрели и они готовятся. Так что — терпение. А пока суть да дело, служить придется в такой армии, какая есть на сегодняшний день. Служить и не хлопотать!

Старшина ФАСТ

Маринке пять лет. Забавная девчонка, и руки-ноги, к счастью, нормальные. Не как у двух ее сестреноч, старшей и младшей, — кисти и ступни не развились. Они вчетвером с мамой обитают в нашей Общегаге на третьем этаже, надо мной. А папа их обитает в местах не столь отдаленных... Так вот, Маришка стоит в коридоре возле моей двери и ковыряет стену гвоздем. А я работаю. С нервами у меня в последнее время что-то не совсем в порядке. В этой Общегаге тросы вместо нервов нужны. Мне страшно не хочется открывать дверь — в комнату сразу хлынут ароматы нашей хронически забитой канализации. Комната — моя крепость, и психологическая тоже. Но Маришка, чтоб ее, упорно буравит стену. Встаю, поворачиваю ключ, отстегиваю шпингалет — белоголовый ребенок, дитя российской трущобы конца второго тысячелетия — на соответствующем фоне. Сильное зрелище.

— Мариша, не надо ковырять стену. Мне этот звук мешает, да и стены портить нехорошо, и так у нас... Иди, займись чем-нибудь...

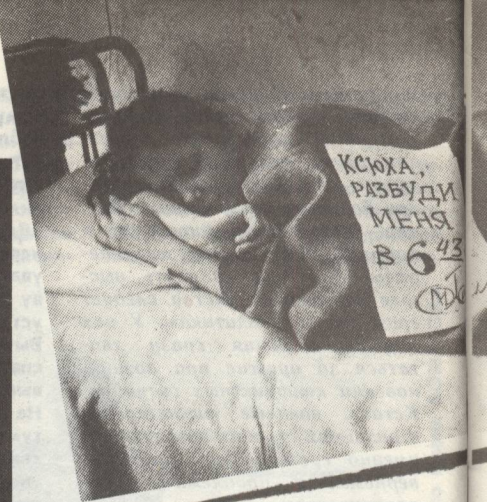
Маришка тарашится и молчит. Закрываю дверь — замок, шпингалет, сажусь за свои черновики. Шкряб, шкряб, шкряб...

— Мариша! Ну я же тебя присола!

Тарашится и молчит. Закрываю дверь. Статью надо завтра утром сдать. Шкряб, шкряб... Вот чертова девчонка!

Соседка резко распахивает дверь и окатывает Маришку ушом отборной матерщины. Тишина. Шлеп-шлеп-шлеп — Маришка удаляется.

С соседкой, Надеждой, мы живем в дружбе и взаимопомощи. Она — очень хорошая женщина. Добрая, работающая, заботливая мать. Назло всем невгодам, в комнатке ее — чистота и уют, на кухне — полноценный обед и ужин. А что до Маришки —

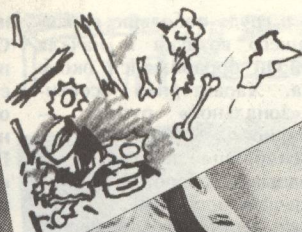
так и собственную дочку Надюша нередко утюжит тою же словесностью. Что делать — воздух аварийной трехэтажной Общегаги пропитан матерщиной так же, как духом канализации. Наши молодые пригожие женщины-матери матерятся даже без злости, по привычке, перемежая нормальную речь этим унылым однообразием.

— А я, знаешь, какая культурная была, — Люба сидит в моей комнате на табурете, бесильно сгорбившись, свесив руки, одна из которых забинтована («Мой мне вчера по пьянке...»), — я, упаси бог, хоть слово грубое... Как же — секретарь-машинистка, интеллигенция! И одевалась прилично... А здесь...

У Любы прекрасное, безмерно измученное лицо. У нее тусклый, поминутно стекленеющий взгляд и мешки под глазами — большими, серыми, от природы лучистыми. Любе нет тридцати, но у нее гипертония. Приступы этой гипертонии сразу называются на всей Общегаге, так как Люба работает у нас техничкой.

— Опять весь туалет загадили, сволочи такие, — сообщает она вдруг, странно дернувшись

ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ

всем телом,— отмывала... Когда это кончится, господи?! Слушай... ты не знаешь, куда это можно уехать, а? В деревню какую-нибудь глухую... Ну не очень глухую — чтоб детский садик был... Я никакой работы не боюсь... Я и своего бы уговорила...

Опыт сельхозкорреспондента выручает меня, я знаю совхозы, где нужны рабочие руки, где есть жилье. Объясняю, как дышать... И явственно чувствую — никуда Любаша от наших отхожих мест не денется.

Под дверью этого самого места мы с ней и познакомились. По идее, в нашем корпусе открыто шесть туалетов, но работало сначала два, а потом и вовсе один, и не на нашем этаже, а на первом, в том конце, где обитает беспокойное Любашино семейство. Так вот, представьте себе, Люба взяла и закрыла его на замок. И мы оказались в положении, сами понимаете, критическом...

Когда я прибыла на место происшествия, там уже вовсю kloкотал скандал. «У вас туалет есть на этаже, а мне здесь своих хватает», — упорно твердила Люба. Наша команда раскалялась, кто-то уже собирался выламывать замок, что, конечно, объяснимо... Но я нашла к Любви

подход, и она показала мне, где ключ от святой святых.

Что же касается умывалок — они прекратили свое существование разом на всех этажах. По причине прогнивших труб, сорванных барашков и отсутствия напора.

О боже, есть ли предел унижению? О чем пишу — о тюрьме, о сумасшедшем доме? Да нет же — о буднях рядового рабочего общежития.

Но вернемся к Марише и ее сестренкам. Младшей, Оксанке, два года. Лене же, старшей — скоро в школу.

— Вот папка открытку пришлет, что мне семь лет исполнилось, и я в школу пойду. Папка у нас в армии служит. В Москве. На корабле.

Видимо, перепутались в голове два последних маминых варианта.

— Ничего, Елена, выше голову! Ложку держишь, пуговицы на себе и на сестричках застегиваешь — стало быть, и карандаш держать научишься. Главное — не робей!

Скажи это кому-нибудь другому. Ленка робеть и не думала. Она бандитка и атаманша. Верховодит всей общажной детворой. «Побежали смотреть, там дядя

Коля пьяный на полу спит!» И вся компания топчет смотреть на дядю Колю.

— Лена, Леночка, неужели тебе его не жалко?

Не о дяде Коле речь. Сочувствие дяде Коле требует «вторичного», т. е. сознательно воспитанного гуманизма. Я же в данном случае взываю к первичной, биологической жалости.

Кошек у нас прорва. Кошачий ад. Хуже всего — новорожденные котята, слепые. Кто-то из детей, видать, растащил гнездо по этажам. Валяются повсюду, голые, беспомощные, орут благим матом. Надо их собирать и топить. А я не могу их топить, мне плохо делается.

Этот же котенок — большой уже, рыжий, пушистый, в самом очаровательном возрасте. Ленка и ее гвардия развлекались — хватали чудное животное за задние лапки и били головой об асфальт.

— Ну, Лена!.. Ну, Денис! Неужели совсем-совсем не жалко?

— Не, — совершенно искренне отвечает Елена. Глазенки смеются. У Дениски тоже.

Проклятушая наивность! Моя попытка поговорить с Людмилой

(мамой Лены, Маришки и Оксани) о том, что старшая девочка, мол, жестокой растет, провадилась. «Не до котят мне!» — отрубилась эта усталая женщина, и я ушла с комом собственной вины в горле.

Котенок скончался в моей комнате — на мягкой подстилке, в страшных мучениях. Не успела я вернуться с его похорон (в бурьяне под нашими окнами), как в мою комнату ворвалась Женька.

Женька — гроза Общага. Это крупная тридцатилетняя женщина с черной копной коротко обранных волос и темно-желтым лицом. От нее всегда исходят мутные волны перегара.

— Выручай, подруга, — Евгения твердо уселась на табурет, заслонив от меня мою же дверь, — сто рублей мне срочно нужны. До двадцатого.

С таким же успехом она могла бы сказать — до сорокового. — Женя, у меня ста рублей нет.

— Нет ста — давай восемьдесят... Спаси! — взвизгивает она. — Ребенка моего от голодной смерти спаси, если меня не жалко! Не уйду, слышишь? Не уйду из твоей комнаты, пока денег не дашь!

По ее желтым, с тенями разной давности синяков, щекам катятся слезы. Вот ситуация! Через полчаса я должна быть у работников наробраза. Между тем, рэкетирша моя — на грани истерики. Начнется истерика — минут на сорок. И не внушишь ничего, и из комнаты не вытолкаешь. Женька уходит, комкая в дрожащих пальцах тридцатку. То ли ребенком своим оперируя, то ли «приличной женщиной» на время становясь (она, как многие бывалые, — неплохая актриса), но «настригла» Евгения по Общаге еще сотни полторы. Затем, как Хлестаков, растворилась за пределами уезда.

Вернулась неожиданно-негаданно — через три месяца. В тот же вечер тетя Маша пригласила меня на оперативное совещание Женькиных кредиторов. Я отказалась, что меня и спасло. Через полчаса после «оперативки» седая тетя Маша спасалась бегством. За ней гналась Женька, издававшая нечеловеческий звук — непрерывный, страшной высоты, ввинчивающийся в потолок. И Женя, и тетя Маша — женщины слишком объемные для наших коридоров, плюс к тому, обе были в шлепанцах, так что зрелище страшное... Тетя Маша успела захлопнуть дверь своей комнатки. Женька глухо стукнулась всем телом об эту дверь,

набрала в грудь побольше ядовитого нашего воздуха и начала концерт. Он продолжался около получаса. Характерная особенность «зональной» ругани — высокопарность. Физиологическая похабщина перемежается старомодными оборотами типа «бессердечная злодейка».

Мои же деньги ко мне вернулись! Правда, не все — двадцатка, но и то хорошо. Женя ведь неглупый человек. Она видит, что я не пишу на нее заявлений в милицию и не грожу «отправить туда, где была». Хотя ее трагическая любовь — вышеупомянутый дядя Коля, мой сосед через стенку, — и перипетии их романа часто не дают мне спать по ночам.

А вот тетя Даша умерла. От инсульта. На шестьдесят четвертом году жизни. Гроб вынести из комнаты было нельзя, — коридор слишком узок.

Общага не предназначена для похорон. Она не приспособлена и для детей. И для подростков. Когда-то ее строили как «общезитие гостиничного типа». Потом оказалось, что не подрастали малость там, наверху. Не понадобился «гостиничный тип». И заселили общежитие доверчивыми бедолагами, поверившими в «жилплощадь в течение года». А также теми, кого наши центробежные силы выбросили за предел нормальной жизни.

Но так жить нельзя!!!

Моя гражданская позиция выражается в борьбе за капитальный ремонт Общага.

Поздним вечером я лазаю по темным корпусам, шарахаясь от собак, живущих почему-то здесь же, в коридорах и под лестницами. Собираю подписи под душераздирающим письмом в горсовет. Акция оставляет неизгладимое впечатление. Дверь открывает человек, у которого все трясется мелкой дрожью — руки, плечи, голова. «Че такое?.. Я ничего не знаю... я на группее... на группе я!» А старушки? Первая бабушка так ничего и не поняла: «Чавось? Не слышу, дочка, не слышу, совсем глухая тетя стала!» Вторая поспешно сообщила: «В двадцатой самогон ворюют, вот те хрест, варють!» Третья оказалась выдающейся оптимисткой: «А чего я буду подписывать, мне, того и гляди, уже квартиру дадут». Стоял июль, но она куталась в ветхое зимнее пальто.

У каждой ли из них есть подруга — чтоб от нее вынести гроб?

Письмо, разумеется, кануло в

небытие. Незаконнорожденная Общага не входит ни в чьи планы. Ее не раз уже переводили с баланса на баланс. Покидая очередной кабинет, я лихорадочно размышляю: что поможет? Палаточный городок на площадке? Несанкционированный митинг под лозунгом «Мы тоже люди»? Голодовка? Смех, да и только.

Но жить в Общаге полезно. Я многое здесь поняла. Это не Америку открыть, конечно, но — я поняла, что такое Административно-Командная Система.

Тщетно искать в глазах чиновника хоть тень ответственности перед нами и перед нами вины. Ответственность и вина в Системе могут быть — только перед вышестоящими.

Впрочем, о чем я! Всем давно ясно, Систему надо ломать. А кто будет ее ломать? Общежитие не будет ее ломать, вот в чем штука.

Отношение к демократическим процедурам у общежителя — чисто утилитарное. «Валя! Ты на выборы ходила? Что там дают?» — «Да ничего. Куры были, кончились». — «Ну и не пойду тогда. Делов полно».

Выборы в горсовет Общага срывала трижды. В первый раз баллотировались, соперничая, умные ребята, из тех, кто действительно способен что-то изменить. В четвертый раз — красную урну понесли по этажам. Торжественно, как в былые времена иконы. Депутата выбрали. Но никто его после выборов в Общаге не видел.

Если система выборов у нас плохая — мы можем ее изменить. Ну и что? Общежитие голосовать все равно не пойдет.

Общага — это люди, которые не хотят ничего менять. А вернее — не верят в возможность что-либо изменить.

Общага — это живая часть общества, это зона социального бедствия, концентрат неблагополучия — нашего неблагополучия.

Разве нельзя и всех нас довести до такого же гражданского столбняка? Можно, вполне можно. И желающие найдутся.

А прямо через дорогу от Общага — церковь. Я безбожница. Но прихожу туда часто.

Прихожу, чтобы еще и еще услышать — образ божий несет в себе каждый из нас.

Марина БИРЮКОВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВДОГОНКУ

Девчонкой вместе с семьей я пять лет жила в Общаге; в нашем коридоре собралось 15 жильцов, в соседнем — 21, от грудничков до парализованных старух. Все было так, как написала Марина. Перед автором очерка у меня есть одно преимущество: я знаю, как сложились судьбы детей моей Общаги.

А сложились они по-разному. Катя окончила музучилище, вышла замуж, у нее хорошие дети. Вера спилась. А была дворовой королевой, классно била пацанов. Один парень из второго подъезда (имя не могу вспомнить) после трех «отсидок» вернулся инвалидом: почки отбиты. А из третьего один «дохляк» таким крепким мужиком стал, шофером на дальних рейсах... Многие потерялись, а если с кем встречаемся — холодно киваем друг другу, как будто стыдно за детство. Оно действительно такое, что лучше не думать. И тем не менее это были лучшие годы... Как могла ощущаться ущербность, если все жили в гигантской Общаге? И до сих пор живем... Но я не хочу искать виноватых, чтобы учинить суд. Потому что боюсь — вдруг виноватой окажусь сама или близкие мне люди, или все мы, наше коллективистское «обобщественное» сознание, которое просыпается, чтобы возмутиться какой-то мелочью, чепуховиной, и не в состоянии перейти на другой уровень...

Жизнь сложилась по-разному, а в общем, так, как мы хотели. Катя хотела стать музыкантшей, а Вера — остаться королевой. Катя хотела выйти замуж за хорошего человека, а Вера — за такого, чтоб завидовали. Вера ориентировалась только на наш заплеваный великокопеечный двор...

И чем больше я думаю о нас, тем сильнее верую: нет роковой предначертанности судеб, фатализма Общаги. Нормальный человек, если он видит, что нечто вязкое его засасывает, сделает все, не противоречащее морали, чтобы изменить свое положение к лучшему. Но вполне возможно, что кому-то из нас жить в тужубе и проще, и легче, и... спокойнее.

С. ШИДЛОВСКАЯ,
редактор отдела

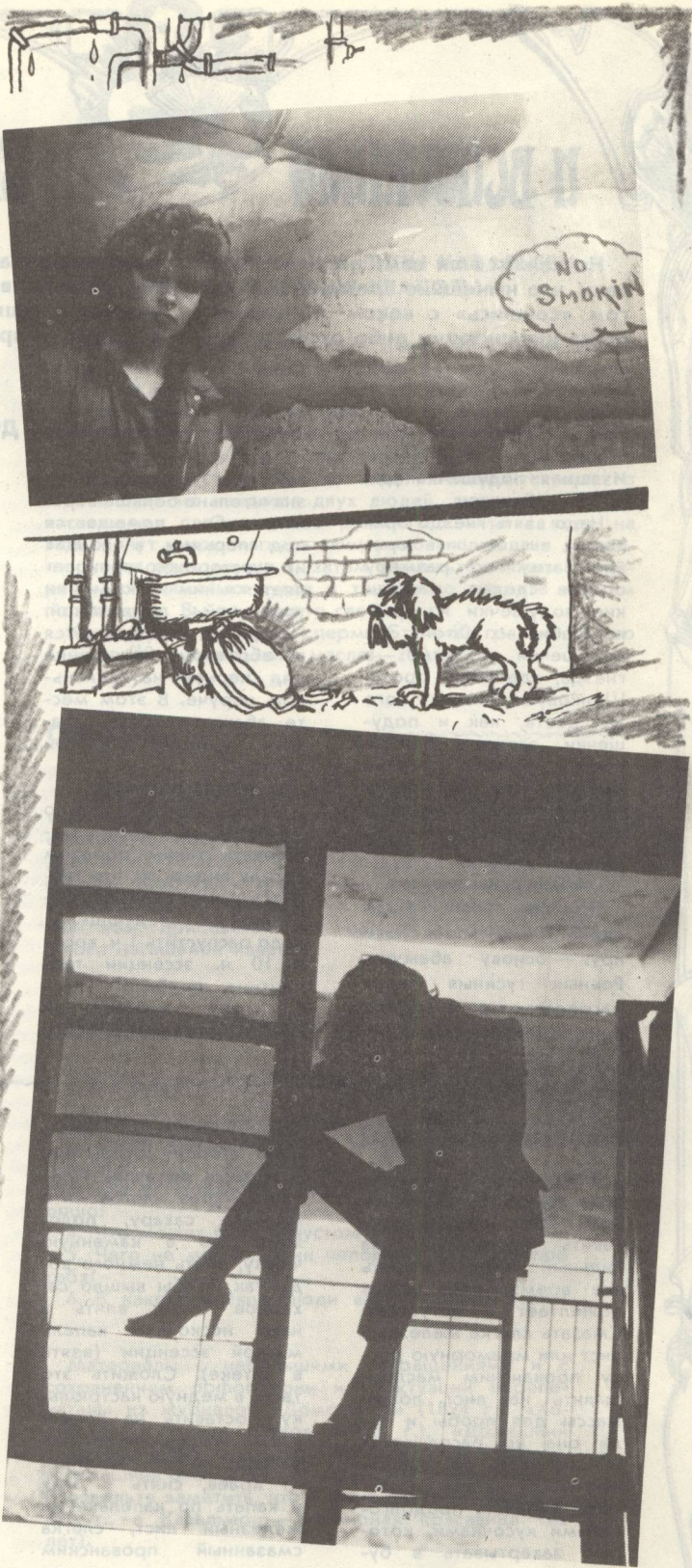

Фото Елены АДАМЧИК и Владимира ПАНАДЫ

Сформировано Андреем АРМУШКИНА

И ВСПОМИНАЯ

СТАРИНУ ...

Не кажется ли вам, дорогие читатели, что нынешние времена во многом «сошлись» с веком минувшим: блага цивилизации либо отсутствуют,

либо недостижимы по цене! Поэтому мы решили вспомнить старину, поучиться у наших бабушек и дедушек, а может, и прадедушек.

ДОСУГ ДАМ И ГОСПОД

Изящная подушечка для булавок

Надо взять гнездо орехов и вычелушить орехи. Затем по размеру орехов сделать маленькие подушечки из шелка, набив их ватой. Эти подушечки клеить в гнезда, где были орехи. Шелковую ленточку того же цвета, как и подушечки, завязать бантом вокруг стебля гнезда орехов. Эту подушечку можно повесить на елку как украшение и подарок.

Абажур из перьев

Прежде всего надо сделать из проволоки круг — основу абажура. Ровные гусиные перья располагаются верхом вниз. Сделайте еще дру-

гой круг из проволоки, значительно больше верхнего. Он помещается под перьями в концах их и осторожно прикрепляется к ним нитками или тоненькой проволокой. Наверху располагается в обратном положении ряд перьев на маленьком обруче. В этом месте абажур перехватывается цветной атласной лентой.

Матовая стекла

Чтобы сделать стекло матовым и воспрепятствовать таким образом соседу видеть то, что творится у нас, следует прибегнуть к следующему: надо распушить 1 ч. воску в 10 ч. эссенции терпентина, прибавить туда 1 ч. лаку и проваренной олифы. Этой смесью по-

кривают стекло. Если угодно получить стекло синяго цвета, надо прибавить к смеси немного ультрамарина или просто синьки, которую употребляют для белья.

Коробочка для перьев

Возьмите пробку от шампанской бутылки и разрежьте ее поперек в том месте, где начинается ее шляпка. Выдолбите острым ножом углубление; стенки выровняйте и выгладьте стеклянной или наждачной бумагой. Можете сделать углубление и в шляпке. Скрепите маленькую металлическую петелькой обе части пробки, прибавив осторожно петельку маленькими гвоздиками.

СОВЕТЫ ИЗ БОНБОН'ЕРКИ

Домашние конфеты

Тянучки. На 1 фунт сахару налить 3 стакана самых густых сливок, поставить кастрюльку на сильный огонь, мешать все время, пока масса пожелтеет и погустеет. Смазать слегка железный лист или мраморную доску прованским маслом. Вылить на лист ложку массы для пробы и если она не расплывется и загустеет, то вылить всю массу и, дав ей застыть, нарезать продолговатыми кусочками, которые завертывать в бу-

мажки, оставляя верхнюю сторону открытою.

Мятные лепешки. Просеять через частое сито мелкого сахару, положить его в каменную чашку, влить немного воды так, чтобы вышло сахарное тесто; влить в него несколько капель мятной эссенции (взять в аптеке). Сложить это тесто в медную кастрюльку, поставить на легкий огонь, мешая слегка. Как только начнет закипать от краев, снять с огня и капать по капельке на железный лист, слегка смазанный прованским

маслом. Каждая капля, остывши, образует из себя лепешечку. Через 2 часа снять лепешечки на бумагу и подсушить в легком духу.

Сметанное суфле с черносливом. Названное суфле готовится следующим образом: следует разварить полфунта чернослива, протереть его, смешать с полстаканом мелкого сахару, 1 стаканом сметаны, 5-ю яичными желтками, 1-й чайной чашкой муки, 5-ю взбитыми белками и запечь. Подавать к столу со сливками.

И ВСПОМИНАЯ

СТАРИНУ ...

ДОБРАГО ЗДРАВИА

Веснушки

Разрезать лимон на две равные части, вырезать мякоть, вывернуть корку каждой половины и положить на ночь в прохладное место. Утром взбить желток яйца и разлить его в обе половины лимона. Эфирное масло лимона, соединяясь с яичным желтком, образует прекрасное средство, уничтожающее веснушки и желтые пятна на лице.

Средство от бородавок

Средство это — свежее кислое яблоко, например, антоновка. Отрезком такого яблока тщательно натирают бородавки 4 раза на день, повторяя эту операцию, аккуратно изо дня в день, в течение 7—10 дней: бородавки становятся все более и более коричневыми, уменьшаются в размерах и совершенно пропадают. Каждый раз, при натирании, следует брать свежий кусок яблока.

Блезнь горла

1) Принимать утром и вечером по столовой ложке прованского масла, настоянного на белых лилиях (проявленных белых лепестках) и по временам полоскать горло раствором соды.

2) Следует прикладывать к больному горлу горячий творог и глотать вареная в молоке винные ягоды.

3) Обыкновенным домашним уксусом, разведенным — 2 ложки на стакан прокипяченной воды, полоскать горло от 4 до 6 раз в сутки.

4) Смешать 1 фунт пчелиного меда и 1/2 фунта прованского масла и принимать как можно чаще по чайной ложке этой смеси.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ЛИНЫ КАВАЛЬЕРИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ КРАСОТЫ

Следите за тем, чтобы веки никогда не были воспалены, иначе у вас начнут выпадать ресницы. Если брови растут не везде одинаково густо, мазать их ланолином. Ланолин вообще способствует росту волос. В дорогу я всегда беру с собой банку ланолина и чищу им голову.

Постарайтесь, чтобы у вас всегда были руки теплые; носите муфту с октября по апрель. Поверьте мне, из ста человек не найдется двух людей, знающих, как понастоящему следует мыть руки. Положите в воду на пять минут кусок мягкого глицеринового мыла и держите руки в воде минут 5, затем намажьте чистым глицерином с примесью духов и тщательно вытрите мягким полотенцем. Вы не узнаете своих рук.

Кольд-крем для рук: спермацету — 60 грамм, белаго воску — 30, миндального масла — 200.

ОБИХОД

Чтобы склеить разбитую фарфоровую или фаянсовую посуду, следует взять молодого сыру или творогу, стереть его в однообразный плотный ком, прибавить немного негашеной извести

и один сырой яичный белок и, стерев хорошенько все вместе, — склеивать. Готовить заранее эту замазку нельзя, т. к. высохшая она не годится, а сохнет скоро.

ПОТЕШНЫЙ УГОЛОК

Загадки

1. Никто не может сказать, кто я, кроме меня.
2. Какое животное имеет четыре ноги и четыре руки?
3. Кто остается без хлеба, когда дела идут хорошо?
4. Что может быть в пустом кармане?
5. Чего не мог ни один человек рассказать про себя?
6. В каком месяце люди едят меньше всего?

Материалы с небольшими сокращениями и с сохранением орфографии и пунктуации перепечатаны из журналов «Домострой» (1894 г.), «Хозяйство и домоводство» (1903 г.), «Домашний советчик» (1906 г.), «Дело и потеха» (1908, 1916 гг.), «Домашний очаг» (1907 г.), «Дамский мир» (1912 г.). (Позвольте заметить, что 1 фунт равен, в среднем, 400 г., а Кавальери — всемирная красавица тех лет).

ТАЙНА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

В прошлом номере мы начали публикацию отрывков из книги известного югославского врача-сексолога Богдана Текавича о проблемах сексуального воспитания подростков. О злостности таких проблем говорят и многочисленные письма в «Парус»: ни родители, ни тем более учителя совершенно не говорят с молодежью о тайнах сексуальных переживаний.

Эта статья — об особенностях полового инстинкта юношей.

О половом инстинкте мы уже говорили, частично коснувшись различий между полами*. Мы уже отметили, что у юноши половой инстинкт пробуждается раньше, чем у девушки, что секс интересует его больше, чем ее, и что его восприятие чувственности отличается от ее восприятия.

В тот период, когда весь организм бурно растет и развивается, когда мальчик, перестав быть ребенком, вступает в ранний юношеский возраст, начинает пробуждаться и его половой инстинкт, который в один прекрасный момент стремительно достигает апогея. Юноши по-разному сталкиваются с этим новым для себя явлением. Лазая по деревьям, раскачиваясь на шесте, катаясь верхом на лошади или на велосипеде, взбираясь вверх по канату или предаваясь мечтам в постели, они вдруг ощущают до сих пор неизведанное, необычное приятное возбуждение. При этом половой орган увеличивается и твердеет. В результате непроизвольного раздражения юноша испытывает половое возбуждение, и наступает эрекция полового члена. Конечно, и раньше, в предпубертатном** возрасте, случалось, что его половой член возбуждался, но тогда ему это, скорее, не нравилось, мешало, а приятных ощущений, как сейчас, он не испытывал. Теперь же, столкнувшись с новым для себя явлением — половым возбуждением, он удивлен и смущен. Многие неосведомленные под-

ростки стесняются этого, переживают потрясение, страх: «Что со мной происходит?»

Сколько раз он раньше ходил по парку, не обращая никакого внимания на скульптуры обнаженных женщин, теперь же его влечет туда неведомая сила. Еще совсем недавно он не мог понять старшего брата, воодушевленного фильмом, в котором на секунду мелькнула женщина с обнаженной грудью, еще вчера он спокойно слушал грохочущую ритмичную музыку, а сегодня весь превратился в слух, потрясенный ее ритмом. Еще недавно его не интересовали журналы с фотографиями полураздетых женщин, а теперь он с любопытством их листает и читает. Если раньше он редко дотрагивался до своих половых органов, то теперь делает это часто.

Все эти раздражители, почти не воздействующие на чувственность девушки, захватывают юношу со всей силой пробуждающегося полового инстинкта. Чувственная реакция юноши на произвольные или непроизвольные раздражители концентрируется в определенном центре головного мозга и, словно по телефонному проводу, передается по спинному мозгу в центр, расположенный в нижнем отделе позвоночника, — центр эрекции. Он, в свою очередь, посылает сигналы сосудам, находящимся в непосредственной близости от половых органов. В ткани полового члена находится множество пещеристых тел, которые, получив сигнал, наполняются кровью, причем особые клапаны в сосудах препятствуют оттоку крови. Половой член увеличивается — наступает эрекция.

* Продолжение. Начало см. «Парус», № 1, 1991 г.

** Возраст полового созревания.

14-летний юноша бывает очень удивлен, проснувшись утром и обнаружив на простыне небольшие подсохшие пятна непонятного происхождения. Возможно, он свяжет их с приятными сновидениями, содержание которых помнит весьма смутно. Что же произошло? Юноше впервые приснился эротический сон, о котором мы уже рассказывали в связи с девушкой. У юноши во время эротического сна произошло семяизвержение, или поллюция (лат. pollutio). Под влиянием приснившихся сцен, которые в данном случае заменяют чувственные раздражители, срабатывает механизм, вызывающий семяизвержение. Уже в самом начале возбуждения половые железы выделяют большое количество сока — составной части семенной жидкости. Одновременно из яичек, и главным образом из семенных пузырьков, извергается множество сперматозоидов. У одних юношей поллюции бывают чаще (1—2 раза в неделю), у других — реже (раз в месяц). Случаи, когда их не бывает совсем, довольно редки. Все зависит от степени полового возбуждения юноши днем и от того, насколько крепко он спит.

Мальчику нужно знать о возможном появлении поллюций прежде, чем они застанут его врасплох. Человеку свойственно пугаться того, чему он не может дать объяснения, поэтому многие юноши испытывают необоснованный страх перед этим явлением. Поллюция — совершенно естественная вещь, произвольная разрядка пробуждающегося полового инстинкта.

Эротические сновидения и поллюции — предвестники полового созревания юноши. А вскоре он столкнется еще с одним новым для себя ощущением, которое смутит его еще больше, чем поллюция, — желая того или нет, он может начать заниматься половым самоудовлетворением.

Если у девушки участки кожи, раздражение которых вызывает половое возбуждение, могут располагаться в различных местах тела, то у юноши они концентрируются прежде всего в области половых органов. Это служит одной из причин того, что практически нет ни одного юноши, который бы рано или поздно не начал заниматься самоудовлетворением.

Юноши по-разному сталкиваются с возможностью полового самоудовлетворения. В большинстве случаев они узнают об этом случайно, проснувшись после эротического сна и обнаружив, что руками держатся за половые органы, или касаясь их во время мытья. Многим о мастурбации*** рассказывают сверстники или старшие братья. Другие узнают об этом из книг или, подсмотрев, как этим занимается кто-то другой, повторяют за ним.

Во всяком случае, они быстро обнаруживают, что при раздражении головки полового члена, когда крайняя плоть сдвигается рукой вверх — вниз, наступает половая разрядка — оргазм.

Является ли самоудовлетворение естественным явлением и не вредит ли оно организму?

Еще недавно даже врачи, не говоря уже обо всех остальных, приписывали половому самоудовлетворению множество вредных последствий, вплоть до заболеваний. Теперь же ни один серьезный ученый не придерживается такого мнения.

Половое самоудовлетворение — закономерное явление в юношеском возрасте. Ни одно из проведенных исследований не обнаружило каких-либо катастрофических последствий, но все они подтвердили тот факт, что добрая половина юношей, занимающихся мастурбацией, испытывают страх перед последствиями, о которых говорят все вокруг. В результате у них возникает чувство вины. Чувство вины вызывает невроз: юноша запускает учебу, теряет аппетит, плохо спит.

Чем более здоровый образ жизни ведет юноша, чем больше времени отдает учебе и спорту, чем больше энергии тратит на различные виды деятельности, тем меньше его потребность в половом самоудовлетворении. Чем меньше он подвержен внешним половым раздражениям, чем меньше думает о сексе, тем больше половой инстинкт будет в нем спокойно дремать. Нужно иметь в виду, что все чрезмерное не только не имеет смысла, но и наносит вред даже взрослому человеку, не говоря уже

о молодом, переживающем самый расцвет физического, психического и эмоционального развития. Это относится и к самоудовлетворению.

Тот, кто внимательно читал и предыдущую статью, невольно задается вопросом: почему самоудовлетворением занимаются почти все юноши и лишь немногие из девушек? Ответов на этот вопрос несколько. Мы уже говорили, что в результате неправильного воспитания и господства в течение многих столетий ошибочных взглядов на половой инстинкт женщины, он оказался скрытым глубоко в ее подсознании и потому пробуждается медленно и с большим трудом. Кроме того, женские половые органы менее доступны как случайному, так и намеренному раздражению, чем мужские. Юноша уже осознает свой половой инстинкт, связывая его удовлетворение с половыми органами, в то время как у девушки возбудимые участки кожи могут располагаться в различных местах тела. Наконец, половое влечение у юноши достигает апогея, как мы уже говорили, к концу юношеского возраста, у девушки же оно пробуждается медленно, и пик его расцвета приходится на возраст около 30 лет.

Если у вас возникнут вопросы — пишите, спрашивайте, не стесняйтесь. А какие тайны из мира сексуальных чувств хотели бы вы открыть для себя! В культурно-техническом Центре «Парус» опытные психологи и сексологи дадут вам квалифицированную консультацию или толковый житейский совет. Следите за рекламой «Паруса».

Д-р СЧАСТНЫ

*** Раздражение половых органов руками.

ТЫСЯЧА! ДВЕ!! ПЯТЬ!!! КТО БОЛЬШЕ!

Год назад мы объявили конкурс. Почти пять сотен «деловых надежд» рискнули посостязаться на поприще бизнеса. Те, кто еще и рискнул заняться реальным делом, стали победителями первого тура. Напомним: предпринимательская идея «стоила» 10 баллов, инновация (идея нового товара или услуг) — 20 баллов, реализация своей идеи повышала дивиденды до 100 баллов. Судя по почте, примерно один из семи участников пришел на конкурс с реальным делом. Результат великолепный, если учесть устойчивый синдром враждебности общества к предприимчивым, с коммерческой жилкой людям. Мы поздравляем вас! Ведь вы совершили то, что пока не удалось поколению отцов: от слов перешли к делу.

А сейчас список тех, кто продолжит конкурс.
ЗАХАРЧЕНКО Ирина, МУХИНА Елена — г. Омск. [Создают кооператив «Марья-искусница»: вышивка, вязание.]

КРУГЛОВ Дмитрий, СКОКОВ Дмитрий — г. Нижний Новгород. [Изготовление и прокат картингов.]
ЖЕВЛАКОВ — г. Кулева Свердловской обл. [Кролиководство; заготовка и реализация отходов деловой древесины.]

ДОМНИЧ Саша — г. Белгород-Днестровский. [Создал музыкальный ансамбль; организует производство ТНП — товаров народного потребления.]

ГЕЙГЕР Александр — г. Экибастуз. [Производство и реализация ТНП.]

БОНДАРЕНКО Павел энд К° — г. Минск. [Шоу-бизнес.]

РЕЗЩИКОВ Сергей — г. Киржач Владимирской обл. [Издание информационного бюллетеня-дайджеста.]

ГУСАРОВ А. — г. Ленинград. [Производство ТНП; сервис.]

СОКОЛОВ Сергей — с. Дарьинская Уральской обл. [Кролиководство.]

РАССВЕТИЛОВ Дмитрий — г. Вельск Архангельской обл. [Школьный кооператив по изготовлению кухонной мебели.]

ОРЛОВА Анжелика — г. Северодвинск. [Втроем на арендных началах работают в школьной теплице.]

БЕГИЧЕВ Павел — г. Тольятти. [Музыкальная «команда».]

КИСИЛЕВ Михаил — г. Архангельск. [Кондитерское производство.]

ХВОСТОВ Алексей — г. Магнитогорск. [Шоу-бизнес, изготовление аппаратуры для дискотек.]

МЕТЛЯКОВ Денис — г. Пермь. [Кооператив аквариумистов.]

ЛИСИЦА Игорь, ЛИТВИНОВ Олег, ВЛАСЮК Игорь — с. Новососовка Приморского края. [Изготовление и реализация ТНП.]

БУСЕЛ Олег, МУРАШКО Андрей — г. п. Фаниполь Минской обл. [Выпуск символики для футбольных «фанатов».]

ЮРКОВ Дмитрий — г. Архангельск. [Производство ТНП; сервис.]

ДРОЗДОВА Галина — г. Пермь. [Школьный кооператив; сбор и реализация лекарственных трав.]

ФИЛАТОВА Марина — г. Москва. [Создала клуб по интересам «Романтика».]

СВИТОВЦЕВ Константин — г. Брянск. [Руководитель творческого коллектива «Эврика» — услуги; ТНП.]

КОЗЛОВ Алексей — г. Воронеж. [Посреднические услуги в области филателии.]

КАРАСЕВА Алеся — г. Апатиты. [Видеосалон.]

ТЕРИН Александр, ВТОРУШИН Андрей, БУЧЕНКОВ Александр — г. Березники Пермской обл. [Кооператив «Икар» по изготовлению ТНП.]

АРСЕНЬЕВ Юрий — г. Лисичанск. [Программное обеспечение для ПК.]

ЖАКУЛА Ирина — г. Долинская Кировоградской обл. [Производство ТНП.]

АНТОНОВ Сергей — г. Новочебоксарск. [Сезонные услуги на селе.]

ДАНИЛЕНКО Виталий — с. Дудчаны Херсонской обл. [Фермерское объединение по производству сельхозпродукции.]

МИХЕЙЦЕВ Алексей — г. Днепропетровск. [Сезонные сельхозработы.]

СИДОРОВИЧ Светлана — г. Вильнюс. [Производство сувениров.]

СНЕТКОВА Лиля — г. Витебск. [Производство и реализация сельхозпродуктов.]

ЛЕСНИКОВ Владислав — г. Пермь. [Аквариумное рыбоводство.]

СМИРНОВ Евгений — г. Челябинск. [Услуги населению.]

ЗМИТРОВИЧ МАКСИМ — г. Гродно. [Семейная «фирма» по производству ТНП.]

МОРГАЧЕВА Светлана — г. Оренбург. [Руководитель хозяйственного клуба любителей бега.]

КОВАЛЕВ ЕВГЕНИЙ — г. Краснодар. [Молодежное любительское объединение «Резонанс».]

ВОРОБЬЕВ Владимир и «команда» — г. Ковров. [Дискотек «Синяя птица».]

МАНДРОВ Константин, ДОЛНАКОВ Ярослав — г. Кемерово. [Фирма «Досуг».]

ПОЗДНЯКОВ Эдуард — с. Листвянка Новосибирской обл. [Коммерческое пчеловодство.]

ЗЕМФИРОВА Татьяна — г. Сергач Горьковской обл. [Агробизнес.]

313 ГРУППА ф-та журналистики Дальневосточного университета — г. Владивосток. [Независимый еженедельник «Апрель».]

КАПЕЛЬ Светлана, **ИНГЕФЕР** Елена — г. Петров Вал Волгоградской обл. (Школьный кооператив по выпуску ТНП.)

СЫРЦОВ Юрий, **ДОВЛАТШИН** Ринат — г. Усть-Каменогорск. [Творческая лаборатория «Рок-А».]
ЯКОВЛЕВА Мария — г. Новосибирск. [Семейный кооператив «Ренессанс».]

ПОПОВ Игорь — г. Северодвинск. [Кооператив при СПТУ.]

АБРАМОВА Светлана — г. Томск-1. [Кооператив «Золушка».]

ПОНАМАРЕВ Андрей — г. Тюмень. [Кролиководство.]

ПЕТРОВА Оксана — г. Златоуст. [Компьютерные услуги.]

ПЕТРОВ Ринат — г. Обь-2. [Школьный бар «Робинзон».]

ФЕДОРОВ Филипп — г. Ленинград. [Семейный кооператив.]

КОХТАЕВ Анатолий — г. Стерлитамак. [Театральная группа.]

ПОТАПОВ Михаил, **СОЛОВЕЙ** Владимир — г. Курган. [Объединение по выпуску ТНП на базе Дворца пионеров.]

ТРУХОВ Максим, **КУТУЗОВ** Роман, **ЖУКОВ** Роман, **РУСИНОВ** Сергей, **РОГОЗИН** Денис — г. Николаевск-на-Амуре. [Школьная бригада «Парус» по выпуску ТНП.]

БЕЛОГЛАЗОВ Сергей — г. Златоуст. [Торгово-закупочная деятельность.]

ХРОМИНА Евгения — г. Хабаровск. [Компьютерные услуги.]

Увы, во второй тур не прошли блистательные идеи, перспективные проекты. Что поделаться, наш конкурс — это состязание прагматиков, тех, кто умеет не только мечтать, генерировать идеи, но и воплощать их, зарабатывая деньги. И все же, уверен, проигравших нет. Давайте считать ваши дивиденды: 1) вы задумались о жизни, 2) попытались оценить себя, свои шансы, 3) заглянули в свое будущее, 4) по-хозяйски оценили настоящее... Словом, когда придет время выбора, вам будет проще: вы знаете, что почему! Это — не дежурное утешение. Свой шанс вы не упустили. У вас есть цель — добивайтесь ее!

ВТОРОЙ ТУР: ТОВАР — ЛИЦОМ

Участники второго тура — это те, кто предложил не только идеи и проекты, но уже действующие «фирмы». Сфера их деятельности, судя по заявкам, обширна — производство товаров, сервис, посреднические услуги, агробизнес. Но, как известно, деловые перспективы зависят от стабильности рынка сбыта, расширения его. Создание такого рынка — это целая наука и, пожалуй, искусство, объединяемые понятием «маркетинг». В «большом» бизнесе маркетингом занимаются психологи и экономисты, дизайнеры и социологи, этнографы и математики... Реклама, изучение спроса, экономический прогноз — все это составляющие маркетинга. Именно маркетинг делает продукцию — товаром.

Поэтому мы предлагаем всем участникам второго тура позаботиться о рынках сбыта. Вы должны показать свой Товар лицом! **ЭМБЛЕМА** «фирмы», **РЕКЛАМНЫЙ ПРОСПЕКТ** продукции и услуг, **ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА** их — вот **ЗАДАНИЯ ВТОРОГО ТУРА**.

С ЭМБЛЕМОЙ, полагаем, понятно. Это графический образ вашего дела, тот самый «лейбл», который так безбожно крадут у западных фирм доморощенные бизнесмены (тоже вариант мар-

кетинга, только пиратский). Ваш фирменный знак должен быть оригинален, отражать суть деятельности, привлекать внимание.

РЕКЛАМНЫЙ ПРОСПЕКТ — точная, яркая, лаконичная информация о «фирме» и ее продукции. Вы должны, сочетая эмоции и факты, убедить потребителя в том, что без вашего Товара ему не обойтись. Размер проспекта — 1—2 тетрадные страницы (или для пишущих машинок). Можете использовать — в сочетании — слово, цвет, графику, фото.

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ — это мнение специалистов и покупателей о вашей продукции. Такими экспертами могут быть школьные учителя, товароведы, представители государственных, кооперативных и малых предприятий, вид деятельности которых близок вашей «фирме», ее спонсоры и учредители.

Не все из вас владеют литературным слогом или художественным даром, чтобы написать рекламный текст или нарисовать эмблему. Но вы — менеджер, бизнесмен. Найдите (или наймите) тех, кто это может делать.

Максимальная оценка — 30 баллов. [Каждая из трех составляющих этого конкурса оценивается десятью баллами]. Дополнительные 20 баллов может принести «Сценарий вашей жизни» (см. «Парус» № 8 за 1990 год). Итоги первого и второго туров будут плюсованы.

Помните! Мало — найти идею. Мало — произвести продукцию. Нужно — продать ее. Маркетинг — это путь к потребителю. (Разумеется, при нынешнем дефиците и пустых прилавках маркетинг кажется излишеством. Но не зря вы зоветесь «деловыми надеждами». Именно вы сделаете страну процветающей).

И последнее, на сей раз неприятное, условие. Мы вынуждены поставить его. Желание заработать сотню баллов за реальное дело победило деловую порядочность некоторых участников конкурса. Уже на старте первого тура обнаружилась туфта: на конкурс предлагался Товар, которого не было, т. е. фуфло.

Мы решили обезопасить «Деловые надежды» от вралей. Все участники должны подтвердить реальность своего дела документально. (Увы-увы, бюрократическая справка иной раз незаменимое средство от «липы»). Поэтому позаботьтесь о подтверждающих документах. И договоримся — без обид! «Маленькая ложь рождает большое недование», — утверждает афоризм.

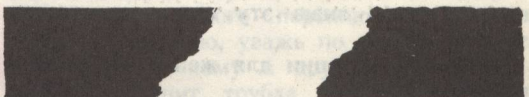
Итак, у вас в запасе месяц после получения этого номера. Шанс есть у каждого.

P. S. На конвертах ставьте пометку: «Деловые надежды-2». До встречи!

КАКИЕ ЛЮДИ!

«Деловая надежда» В. Григорьев из Днепропетровска хотя и не прошел во второй тур, но произвел неизгладимое впечатление на всех участников к конкурсу. Почти полсотни идей выбросил на «рынок» юный генератор. Предварительная проверка по «Гиннессу» показала, что это, похоже, рекорд.

В. Григорьев, по нашим данным, продолжает генерировать дальше.

ОБНАЖЕННЫЙ НЕРВ

Я защелкнул замки дипломата и уже собирался покинуть редакционный кабинет, как ожил телефон.

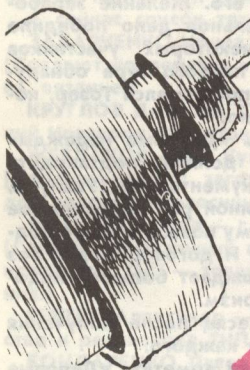
— Как дела, чем занимаешься? — спросил хорошо знакомый хрипловатый голос.

— Смазываю велосипедные колеса, — постарался подавить раздражение. Эта дама, пользуясь хорошим к ней отношением, частенько старалась усложнить мне жизнь всевозможными просьбами. Она, видимо, уловила мое настроение и потому без обычных увертюр приступила к делу:

— Племяш сел на иглу, — всверлилась в ухо новость. Но я даже бровью не повел.

— Ну и как, не беспокоит?

— Свали в канаву, нам не до смеха. Тут все на ушах стоят, — раздраженно пролаяла в ответ трубка. Я представил эту ком-

панию: двух бабок (родную и двоюродную), папашу и тетку стоящими на ушах и подумал — действительно, смешного мало. И еще подумалось, что такой парнишка, как Племяш, может и полмира на уши поставить.

— И давно он наркотиками шпигуется? — спрашиваю, еще не понимая своей роли в этом огульном ухостоянии.

— Мы бы это тоже желали знать. Ужас какой-то, как он мог? — истерично вопрошает трубка.

— А вы запустите рученьки в прошлое, может, там нашарите ключик к этому феномену? — получилось довольно ехидно, но я хорошо знаю эту семью и отвечаю за свои слова.

— Оставь нотации для жены. Ты должен помочь.

— Где он сейчас?

— В наркологическом отделении, — она говорила с натугой, словно пыталась одновременно пролезть под хвостом канарейки.

— Догадываюсь, кто его туда упек, — злорадство так и рвется из меня. — И если ты думаешь с моей помощью вытаскивать его оттуда, то я не испытываю ни малейшего желания подбирать отмычки к ребятам из отдела по борьбе с наркотиками. Это слишком серьезно.

— Никто не собирается его оттуда вытаскивать. Пусть лечат, паразита. Но ему все время звонят какие-то типы, интересуются, когда выписка. Думаю, ему нужна помощь, — в ее голосе неподдельное волнение. — Поговори с ним по-мужски. Ты для него единственный авторитет.

Поздно пить боржоми, если ливер отвалился. Все к этому и шло, думаю я про себя и пытаюсь возразить:

— Как ты себе это представляешь? Ведь я его уже несколько лет не видел.

Передо мной возникает образ Племяша — этакого длинного, непредсказуемого балбеса с внимательными беспокойными глазами. От него можно было ждать любой пакости. Но наркотики!

Заканчиваем разговор обменом дополнительной информацией и заверениями в дружбе и взаимопомощи. Сразу набираю номер Попова, начальника отдела по борьбе с наркотиками, своего однокашника по уни-

верситету, не особенно надеясь заставить его на месте в этот пятничный вечер. Удивительно, но трубка оживает:

— Алло? — таким тоном обычно посылают к чертям собачьим.

— Извини, старина, это я.

— Ну, какого лешего? — голос смягчается.

— Тебе ни о чем не говорит... — называю имя и фамилию Племяша.

Оказывается, очень даже говорит. Попов считает, что парень пока на грани, но уже готов свалиться туда, откуда не возвращаются. Племяша подловили на передаче наркотиков на какой-то хате. Есть подозрение, что он и сам умеет варить «зелень».

— Жалко паскудника, — урчит Попов. — Мы с ним пока возимся.

Племяшу предлагают поехать в Польшу, где бывшие наркоты со стажем организовали трудовой лагерь и вытаскивают из «липкого кайфа» молодняк. Но Племяш и родственникам, и радетелям заявил, что он у «пшек» ничего не забыл. Уперся, как хоерк в море. Такие дела.

Значит, парень уже на крючке. Что я, «авторитет», могу для него сделать? Размышляю — законченного наркота держат в «психушке» шестьдесят дней. Если кололся или курил эпизодически — от силы пятнадцать. Скорее всего, Племяш эпизодичник, значит, выйдет через неделю. Время подумать есть. Но не оставляет ощущение, что ввязался в безнадежное дело. Я видел наркоманов, когда работал в Средней Азии, и созерцание их похулых, пергаментных лиц с потухшими глазами не доставляло особого удовольствия.

...Была обычная молодая, интеллигентная семья. Родился пацан. Когда он перестал путаться в соплях и твердо встал на ножки, мама с папой развелись. Причем, после развода их отношения утратили интеллигентный характер и переросли в обычную злобную вражду. Мальш стал единственной причиной контакта между враждующими сторонами и видел, как эти контакты постоянно заканчивались короткими замыканиями, с выделением огромного количества отрицательной энергии. За дрызгами и обвинениями о нем частенько забывали, ко всему, мать стала прикладываться к бутылке.

Скоро последовала реакция — Племяш стал мстить взрослым. Сначала по-детски: ему ничего не стоило изломать или разбить какую-нибудь вещь из домашнего обихода, а потом угрюмо и отрешенно выслушивать яростные нотации с затрещина-

ми. Какой это приносило эффект, нетрудно догадаться.

Убегая от пьяной мамыши, Племяш перелбрался к отцу, но вскоре напрочь испортил отношения с его новой женой. С настойчивостью лома отец внушал ему житейские заповеди, но на затяжные нотации и призывы к совести он отвечал молчаливой глухой защитой. Может, не надо было так набрасываться на пацана? — задаю себе вопрос. Вероятно, было бы лучше, если бы этот сильный и, в принципе, добродушный человек постарался стать сыну другом, а не армейским старшиной.

Друзьями Племяшу стали ребята из кафе-мороженого «Пингвин». Тут по традиции тусуются хиппи, панки, иногда наускаивают гопники. В скором времени Племяш на несколько дней пропал из дому. Вернулся с выбритой по бокам головой, торчащим на макушке разноцветным гребнем и гордо заявил, что он панк. Покрасовавшись несколько дней, вновь надолго исчез, чем вызвал переполох в семейном курятнике. Потом выяснилось — мотался в город Казюкас на слет единомышленников. Не успел еще в организмах родственников как следует раствориться валидол, проглоченный накануне, как новый побег, на этот раз в Москву. Школа была напрочь забыта, Племяша манили дороги. Самая дальняя — повела в Самарканд. За каким чертом, можно лишь догадываться. Не доехал, «обломался», пришлось повернуть оглобли назад — прямо в инспекцию по делам несовершеннолетних. Там расспрашивали, как добирался. Отвечал: стопил дальнубои, что в переводе с хиппового «санскрита» означало — голосовал машины дальнего следования. На еду было... три рубля. Сбирал и сдавал бутылки, тем и жил.

Однажды у Племяша завелись деньги, целых 280 рз. На вопрос, где взял, ответил — нашел. Но буквально через несколько дней поверг в шоковое состояние бабку — набивал при ней анашой косяки и курил. Бомба взорвалась...

Помнится, он любил разговоры запросто. Что же, поговорим. Получится — не получится, но, по крайней мере, совесть моя будет чиста.

Через неделю я позвонил Племяшу на квартиру.

— Привет, узнаешь?

Томительное молчание. Потом:

— Узнаю.

— Надо бы поговорить.

— С какой это стати, — натопырился Племяш. — Что-то мной больно многие стали интересоваться, к чему бы это?

— Может, кредиторы одолели? Но я, собственно, по другому делу — хочу порасспросить тебя о путешествиях. Ты, говорят, уже Пржевальского переплюнул? Короче, зайти в редакцию, уважь по старой дружбе.

— Я ни к кому в дружбаны не набиваюсь, — чеканит трубка и, помолчав, вы-

дает: — Когда?

— Да хоть сегодня. Заметано?

Короткие гудки. Остается надеяться на «авторитет».

Он все-таки зашел. В дверь просунулась брахицефалистая голова с короткой стрижкой, следом ввалилось нечто долговязое, в затюрханной куртке, растоптанных ботинках и с жеваной холщевой сумкой в руке.

— Вот и я, не ждали? — держится нахально и развязно, а в глазах смущение.

— Садись, рассказывай, где был, что видел? — вопрос, конечно, не ахти, но я не успел овладеть ситуацией.

— В «психушке» был, наркотов видел. Ну, как?

— Понял, — говорю, — не дурак, — а сам смотрю на него и думаю: когда этот косяк обрстет мясом, получится статный и сильный мужчина. Если, конечно, не... Хотя явных признаков наркомании нет. Вот только лицо бледное и дрябловатое, словно в затхлом подвале отсиживался. И вдруг ловлю себя на мысли, что мне дьявольски интересно, чем жил эти годы Племяш.

— Так как там, в «психушке»?

— Ништяк. Дедка одного подцепил. С пятьдесят четвертого года торчит и не сдыхает. Во организм!

Похоже, Племяш злится, ишь, как щеку подернуло. Ладно, карты на стол.

— Не психуй, я действительно знаю про тебя почти все и позвонил не от фонаря. Но мне, и правда, интересно, как ты до зелья докатился, — говорю, а сам чувствую, сейчас взорвется тонной тротила и тогда грохнет дверью. А не хотелось бы, разговор получался интересный. Но мой собеседник вдруг безвольно оплывает на стуле.

— Да не наркот я! Ширился всего несколько раз. И в протоколе у ментов записано — эпи-зо-ди-чес-ки. Курил — да, было. Каюсь, каюсь...

— А теперь как?

Молчит угрюмо, каменно. Чувствую — зашкаливать начал, надо на время поменять пластинку.

— Ты, говорят, одно время хипарем заделался?

— Чего? — резко, словно от выстрела в позвоночник, распрямляется. — Это у вас в Малой редколлегии хипари задрыганные, серые души. А я — панк, клянусь остатками гребня.

Только сейчас замечаю, что поверху, вдоль черепа, волосы у него растут неровно, напоминают след от танкового трака. Но я молчу.

— Волосатых пиплов быть не должно. Их через одного надо на фонарях вешать, потому что в большинстве своем они нехорошие люди.

От подобных откровений у меня брови ползут вверх и завязываются узлом. Видя такую реакцию, Племяш спешит пояснить:

— Я эту волосатую братию знаю слишком хорошо. Они кричат о пацифизме и весь их пацифизм сводится к нежеланию постоять

за себя. Когда приходят их бить, они валятся на колени и кричат: за что вы нас бьете! Ненавижу мужиков, которые, когда их бьют по правой щеке, подставляют и левую.

— И только из-за этого они не имеют права быть на земле?

— Ну почему же, — кривая ухмылка портит лицо Племяша. — Они — стукачи и вломщики, и у них волосатые души, серые, как полевые мыши.

— Этого достаточно, чтобы вы их регулярно колотили.

— Зачем, мы их не трогаем — охота руки марать. Ими гопники занимаются время от времени.

— Как ни крути, а движение панков — это все же мода, и как всякая мода она со временем отойдет, — говорю я и выслушиваю в ответ целую лекцию.

— Ничего подобного. Панк — это состояние души, форма протеста. Но если вы имеете ввиду чуток подкрашенных, аккуратненьких чистюль в заплатках и с бренчалками, то это вторая панк-волна. Они не чистые панки. Мы их называем домашними — пофорсят, потом краску смойут, гребни причешут и в школку... У них тусовки на ГУМе. Они себя гордо называют интеллектуалами, депешниками. Депешники — это от группы «Депеш мод», команды, играющей вторую панк-волну. Хотели как-то этих новоявленных побить, уж очень мельтешат, да передумали. Мы не делаем того, чего не хотим, чтобы делали с нами...

— А знаете, почему мы в нашей советской стране живем плохо? — внезапно меняет тему разговора Племяш. — Потому, что все, кому не лень, парафинят эту власть. Волосатики среди первых. А чтобы кто-то что-то делал — фиг с два. Парафинить все могут, вот и живем хреново.

— Не вижу разницы между тобой и этими волосатиками.

— Я власть не парафиню.

— Но и не делаешь ведь ни черта. Одна забота: тусовка, музон, наркотики...

Видно по всему, я попал в точку. Племяш морщит лоб, собирается с мыслями для ответа:

— Общество должно дать человеку место работы, где он желает работать, где он принесет истинную пользу и себе, и государству. А не так, как мне на исполкоме заявили: куда мы тебя поставим, там и будешь вкалывать. А я не желаю, может, там пахать!

Ну, это уж слишком. Школу бросил, профессии никакой, и на тебе — права качать! Нет, родной, прежде, чем харчами перебирать, надо бы заслужить на это право. Я ему, естественно, не говорю этого, потому что мелькает иная мысль: устроить тестик-проверку.

— Ладно, не хочешь работать на государство — не надо. Но ведь должно же быть у человека какое-нибудь занятие: пища для мозга, музыка для души. Был бы ты дебилом, пускал слюни и мычал — другое дело.

Но ведь ты ж нормальный. Ну, к примеру, взял бы да занялся химией, новый наркотик, посильнее ЛСД, изобрел, что ли.

— Нашли дурачка! За это срок наматывают на маленький, а мне на лагерные нары страсть как не хочется,— говорит напористо, со смешком, кажется,— искренне. Значит, информация о том, что сам варит зелье,— клюква. Это уже кое-что.

— Знаешь, в нашем студенческом общезнании ребята как-то вывесили лозунг «Трудно жить, ничего не делая, но мы привыкли преодолевать трудности». У тебя как с преодолениями, борешься?

— Зря так-то. Я уже кое-что решил для себя,— чувствуется, Племяшу хочется выглядеть обстоятельным, и он смешно приосанивается на стуле.— Пойду в школу рабочей молодежи, потом попробую штурмовать институт...

— Только перво-наперво надо бы кое с чем завязать,— отрешенно, словно невзначай, бросаю я в пространство и знаю, что теперь не дам ему расслабиться.— Из-под следствия как думаешь вылезать? Ты хоть знаешь, что сидишь на крючке?

— Неужели дело завели? — спрашивает как-то испуганно.

Только жалости к нему у меня сейчас нет. Не нужна она сейчас, жалость, нужна жесткость.

— А ты как, миляга, думал? Это хаханьки? Кого на флэте с травкой застукали? Боишься нар, говоришь? Да ты же на них сам, пишишь, но лезешь. А мне тут горбатого лепишь про школу, институт. Как там на ваших тусовках говорят — фильтруй базар, фюфан тряпошный.

Поглядываю в его сторону. Сидит, подобрался весь, напряжился. Ладно, получи еще.

— Ты тут распинался за всю систему — мы не делаем того, что не хотим, чтобы делали с нами. Нестыковочка получается — плоховато ты следуешь вашему учению. Я тут, грешный, подумал, что тебе доставляет удовольствие кого-нибудь мучить. Например, близких своих. Кстати, последний твой фортель с Пицундой, когда пустили слух, что тебя прирезали, наделал шмона. Не твоя ли работа? Ась? Ты же отцу всю душу на кардан намотал, жизнь укоротил — то ли в розыск подавай, то ли на опознание едь!

— Он на опознание и не думал ехать,— Племяш ухмыляется.— Вы плохо знаете моего папочку.

— Вот что, разговор у нас открытый, и я мораль читать не собираюсь. Никто не требует от тебя перековаться, стать пай-мальчиком, изменить мировоззрение. Бог с тобой! Но если он действительно с тобой, то перестань бросать на гвозди близких людей, хотя бы по закону милосердия. Не тебе их судить, хотя, возможно, в свое время ты от них и натерпелся. Жизнь — штукавина долгая и сложная, постарайся сначала в своей

разобраться. Век с петушиным гребнем на голове не пробегаешь и всю жизнь кормить на тусовках и находить флэты для найтов не будут. Подумай. Голова человеку дается не вшей разводит.

— В принципе, я ничего такого не делал.— Племяш выглядит немного подавленным.

— Старик, а внезапное исчезновение из дома, а наркотики? Кстати, насколько я знаю, тебе предлагают поехать в трудовой лагерь, где помогут забыть травку и побрево.

— Мне менты на нервы действуют. Один хмырь пришел и сказал — пошлем в Польшу. Я ему ответил, что ничего там не забыл. Но теперь согласился...

День как-то незаметно кончился, и к оконному стеклу привалялись серо-матовые сумерки. Настроение тоже было матовое. Племяш поерзал на стуле, спросил тихо:

— Про путешествия расспрашивать будете, а то мне пора сваливать?

— Хочешь, все твои маршруты с точностью до километра покажу,— я кивнул на стену, где висела карта.— В ближайшее время никуда не собираешься махнуть?

— Амстердам мечтаю навестить. Там на каждой площади гашиш курят и никто не гоняет,— Племяш хмыкнул,— шутка, конечно.

— Пока ты отлеживался в «психушке», какие-то типы усиленно интересовались твоим здоровьем. Помочь, или сам от них отряхнешься?

Легкая тень пробежала по лицу, губы поджалась:

— А, это так, фуфло, сами отвалятся...

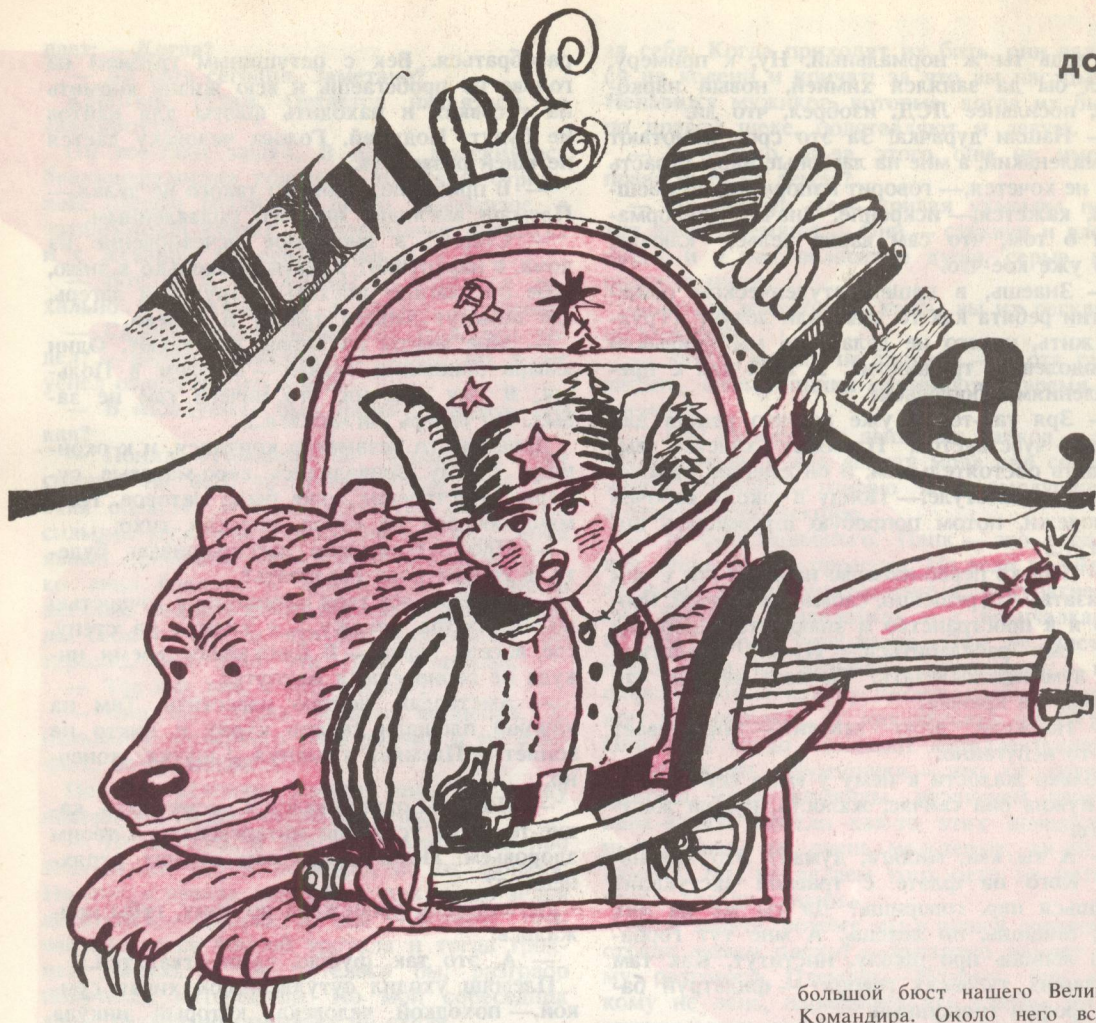
Племяш уходил сутулясь, помахивая сумкой,— походкой человека, который никуда не торопится. Из коридорного окна я смотрел ему вслед и вдруг поймал себя на мысли: а ведь он ни разу не дал обычных в таких случаях обещаний или зарок завязать. Но что-то в его словах подкупало и вселяло надежду на благополучный исход. Мне показалось, что я ошибался и парень оказался крепче, чем о нем думали. Ну и хорошо, что ошибался. И еще хорошо, что не стал, как прочие, седлать обнаженный нерв.

* * *

Прошло чуть меньше года. В трудовой лагерь Племяш так и не поехал. Отказался. Я ненавязчиво, с некоторой долей удовлетворения (как же — повлиял ведь на человека!) следил за его жизнью. Он записался в школу, подружился с девчонкой, пошел работать и... вновь очутился в «психушке». Его с друзьями-подельниками взяли «под кайфом» в глухом подъезде. Взяли с личным. В сумке оказалось сырье и инструменты для «зелья». Следовательно сказал, что Племяш все берет на себя...

Так, может, стоило все-таки оседлать обнаженный нерв? Ведь как бы не пришлось теперь накидывать узду. Впрочем, ее, кажется, уже накинули.

Владимир ХАЧИРАШВИЛИ

«Два мира — две судьбы». Помните эту рубрику из нашей периодической печати? В свое время она проченько оседлала газетные полосы. И чего только под ней не понаписали! Какие миры имеются в виду — понятно. Наш и их — западный. Причем, в нашем все было путем, а ихний — сплошной мрак. Правда, в том мире с нашим тоже не особенно цацкались — лепили чернуху и кошмарные стереотипы направо и налево. Называлось все это «холодной войной».

Но вот приоткрылись «железные занавески», через форточки-экраны телемостов люди двух миров прямее и честнее взглянули друг на друга, и стало доходить — нет двух миров и двух судеб. Есть одна — общечеловеческая.

Но стереотипы оказались живучи, как колорадские жуки. Умирают медленно. И чтобы ускорить процесс их аннигиляции, давайте вместе с сотрудниками самиздатовой газеты «Окно» расеемся вслед уходящему сте-

реотипному прошлому, захлопнем за ним дверь навсегда и распахнем пошире окна для ветра перемен.

Из советско-американской переписки тех лет

Здравствуй, американский друг Джо! Гуд монинг!

Пишет тебе Иван Сидоров из Советского Союза. Я живу в Сибири. У нас все есть. Мы живем хорошо. Мой папа работает в КГБ, а мама на ликеро-водочном заводе. Я ношу телогрейку, ватные штаны и шапку-ушанку с красной звездой.

Мой старший брат копает окопы. Он — стахановец! А сестра работает дояркой в колхозе. Недавно ее наградили почетной премией: галошами «Красный инвалид» и почти новой шинелью. Мы живем в большом бараке из красного кирпича. Внутри него стоят двухэтажные кровати, на которых лежат матрацы, набитые соломой. А посередине —

большой бюст нашего Великого Командира. Около него всегда стоит часовая с винтовкой.

Как ты встретил Новый год? Мы встречали его весело. Староста нашего барака принес ведро самогона и бочку соленых огурцов. Дежурные сдвинули столы и застелили их газетами «Правда». Дядя Петя принес балалайку, и мы начали пировать. В полночь по радио стали бить Кремлевские куранты и наступил Новый год. Мы заплакали от радости и запели Интернационал. Тут двери распахнулись, и к нам в барак вошел Дед Мороз. На самом деле это был, конечно, папин сотрудник — товарищ Водкин. Он подарил нам по бутылке водки, два больших куска мяса и красные флажки. Дед Мороз похвалил нас и сказал, что наш барак был в прошлом году самым дисциплинированным. За это нас прокатят в нашем бронепоезде, который стоит на запасном пути. Мы построились в колонну по двое и, размахивая флажками, пошли к железной дороге. По пути вдруг заплакала маленькая девочка: она разбила свою бутылку с водкой. Мы проявили пролетарскую солидарность: скину-

лись по бабушке и налили ей целый стакан. От радости она тут же его и выпила. Всем стало тепло и приятно.

Наконец мы добрались до станции и погрузились в бронепоезд. Дядя Петя был кочегаром, а товарищ Водкин — машинистом. Вдруг что-то взорвалось. Все бросились к пулеметам и начали стрелять. Думали, по врагам народа. Потом оказалось, что вышла ошибка — это был праздничный фейерверк. Правда, мы успели сжечь парочку деревень. Ничего, у нас это часто бывает.

Ну вот и все. До свидания, Джо! Приезжай к нам в Россию. Мы будем ездить на тачанке и строчить из пулемета. Да здравствует мировая революция! С пролетарским приветом,

пионер Иван Сидоров

Хелло, русский друг Иван! Здравствуй!

Пишет тебе Джо Смит. Я живу с родителями в городе Чикаго. Это богатый город. Мой папа — банкир, а мама — домохозяйка. Годовой доход нашей семьи составляет миллион долларов. Деньги мы храним в мешках под кроватью.

Моя любимая одежда — белый фрак и черная бабочка. На Новый год мне подарили красную «Феррари», потому что у моего белого «Мерседеса», на котором я ездил в школу, лопнуло правое заднее колесо и его пришлось выкинуть на помойку.

Мой старший брат — террорист. Днем он курит марихуану, а вечером берет винтовку М-16 и стреляет всяких демократов. За это ему платят большие деньги. А сестра моя работает проституткой. Все уважают нашу семью.

Мы живем в большом небоскребе. Папа сказал, что пока я могу обходиться двумя этажами. Скоро в одной из моих комнат сделают плавательный бассейн, и я смогу плавать там на своей комнатной яхте и заниматься катанием на досках. А пока по дому я катаюсь на мотоцикле «Ямаха».

На рождественские каникулы мы ездим на наше ранчо в прерии. Я с папой играл в ковбоев.

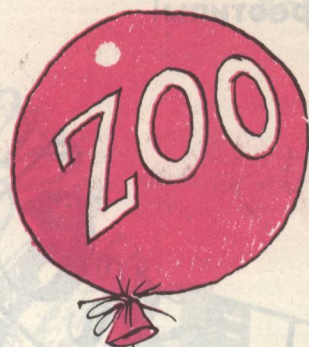
Он купил мне белую лошадь, ковбойскую шляпу и два семизарядных кольта тридцать восьмого калибра. Мы долго скакали по прериям, пока не нагнали в каньоне повозку. В ней сидел бородатый старикан, который, увидев наши кольты, нагло заявил, что он Санта-Клаус. На самом деле это был переодетый индеец Винниту. Мы сняли с него скальп и поспали обратно. По дороге я подстрелил парочку негров, которые зачем-то требовали работу. Вчера нам сказали, что у вас в России была какая-то революция. Это, наверное, очень забавное шоу, да? У нас тоже бывают забавные шоу — стрельба по бегущему человеку, «одинокий волк» и другие.

До свидания, Иван. Приезжай с любовью из России. Будем охотиться на негров.

С буржуйским приветом,
твой друг Джо Смит

БОЛЬШОГО ТЕННИСА

Идея заочных теннисных уроков родилась из ваших писем. «Подскажите», «научите», «объясните правила» — в ответ на эти призывы нужно было что-то придумать. Поскольку крупных специалистов, участников турниров «Большого шлема» в редакции не оказалось, обратились к знатокам. На просьбу провести теннисный ликбез отозвался мастер спорта Борис СЫТКОВ.

Прежде чем приступить к занятиям, очевидно, следует кратко сказать о самом предмете изучения.

Начнем с истории. 1873 год. Майор британской кавалерии Уолтер Клоптон Уангфилд публикует правила новой игры, а в следующем году получает патент на свое изобретение. Он же был первым, кто основал массовое производство теннисного инвентаря и оборудования. Вскоре теннис получил в Англии всеобщее признание. Но официально датой рождения современного большого тенниса считается все же 1875 г., когда английский клуб любителей крикета округа Мерилибор опубликовал значительно усовершенствованные правила.

Но это совсем не значит, что до изобретения Уангфилда о теннисе никто и слыхом не слышал. Маленький мяч и ракетка были известны еще в Древнем Риме и Древней Греции. У знаменитого поэта той эпохи Овидия можно прочесть такие строки:

О, как отскакивают легкие мячи
Легко и плавно от большой ракетки...

А не удивителен ли тот факт, что еще в XVI столетии в Париже насчитывалось более 1800 площадок для игры в корт-теннис?! Наверняка и сегодня не многие города могут похвастаться наличием такого количества спортивных сооружений.

Современная летопись официальных теннисных соревнований ведет свое начало со зна-

менитого Уимблдонского турнира, одним из организаторов и учредителей которого стал редактор английского журнала «Филдж» Уолш. С тех пор вот уже более 100 лет на кортах Уимблдона разворачиваются жаркие баталии за высшую награду — серебряный красавец-кубок.

У нас в стране первый чемпионат и международная встреча прошли в 1924 году. Первыми советскими теннисистами, завоевавшими мировое признание, стали москвичка Ольга Морозова и тбилисец Александр Метревели. В последнее время для многих начинающих мастеров, для тысяч девчонок и мальчишек настоящими кумирами являются москвич А. Чесноков, калининградец А. Волков, минчанка Н. Зверева и другие «звезды», которые, как сегодня и мы с вами, в свое время начинали с «азов».

Итак, необходимо приступить к занятиям. Начнем с инвентаря и спортивной формы. Уроки мы не сможем начать без мяча и ракетки. Особенно важно правильно подобрать ракетку — она должна быть легкой и удобной. Для ребят 13 лет и старше вес обычно не превышает 13—13,5 унций (1 унция равна 29,8 грамма). Ручку ракетки следует подбирать по руке, чтобы свободно и без напряжения производить удары по мячу. На первых порах форму можно использовать ту же, что и для уроков физкультуры. Если все это готово, то в следующий раз мы приступим к первому уроку.

Здравствуй, «Парус»!

Только тебе могу доверить свою историю. В самом деле, к кому же мне обратиться, если везде одни нотации и поучения. А все началось с того, что решила завести в доме щенка. Я вообще очень люблю животных, могу часами, например, возиться с котенком или гулять с собакой, люблю просто стоять и кормить голубей, балдею от удовольствия, глядя, как вертится вокруг телка корова-мама (у бабушки в деревне) или как важничает петух в куриной компании, ну и все такое прочее.

Короче, решилась на разговор с «май эрентс», хотя знала, что наверняка будут против. Но то, что я предполагала, было слишком наивно. Родители закатили ужасный скандал! Особенно мамочка, моя дорогая и единст-

венная, которую я очень люблю. Она начала упрекать меня в том, что я хочу заразить весь дом «собачьими болезнями», что мы лишимся покоя, что в квартире будет все перевернуто, и так далее в этом роде. Кроме того, заявил папа, ты нагрузишь мать еще огромной работой по готовке пищи для собаки. Мы и так с ног валимся.

В общем, опять стена.

Я обращаюсь ко всем, у кого есть дома животные. Пожалуйста, скажите моим родителям, что это не так страшно для семьи. Расскажите им, что ухаживать за любимыми животными — это удовольствие, что собака не может развалить семью и заразить всех «собачьими болезнями!» Может, ваши письма помогут мне осуществить мечту.

Вика, г. Минск, 220065,
ул. Чкалова, 9/2, кв. 141

ОТ РЕДАКЦИИ. А что, подумали мы. Ведь таких, как Вика, наверное, много. Значит, им нужна помощь, нужно всем вместе искать выход из подобных ситуаций. Напишите нам и Вике о ваших опытах по «воспитанию» животных, о том, как вы умудряетесь «мирить» их с домочадцами и как вам удается «прокормить» домашнюю фауну в наше пустоприлапочное безвременье. Очевидно, кроме всего прочего, и то, что многие из вас, особенно девушки, завидят внушительного четвероногого друга, ибо хотят спокойно гулять «под липами» и, не боясь, открывать в темноте дверь подъезда после дискотеки или кинотеатра. Так ведь?!

Одним словом, вы думайте и пишите, а мы, в журнале, ищем место для эдакого парусячьего «ZOO» («Зу-у-у») — зоопарка, то есть, в переводе с аглицкого.

ИЩУ СПОНСОР-Р-РА!

Наш музыкальный конкурс вот-вот подойдет к своему логическому завершению (см. «Парус»-90). Пока в судейской коллегии обсуждают плюсы и минусы присланных бобин, пока заключаются договоры и контракты, мы традиционно представляем членов жюри и находки.

Александр АСТРОВ должен был представлять среднюю полосу России. Но так получилось, что недавно он переехал из Куйбышева в Таллинн. Впрочем, отношение Астрова к року от этого не поменялось:

— Началось все где-то в 1982 году. Была такая группа в Куйбышеве под названием «Час пик», я в ней играл. Потом из группы ушел. Но не ушел из рока. Работал в газете, на радио, на телевидении — материалы были посвящены проблемам, связанным с рок-музыкой.

Публикации тех лет, если это был не самиздат, приходилось переводить с языка рок-н-ролла на язык добропорядочных граждан. Это наложило определенный отпечаток. В какой-то момент и между собой о рок-н-ролле мы заговорили на таком языке, а это страшная вещь. Ивлин Во сказал, что сила художника определяется степенью тех ограничений, которые он сам на себя накладывает. Так что надо начинать работать без ограничений и профессионально.

— Ты был одним из инициаторов создания рок-федерации.

— Я считаю, что федерация не умерла. Просто изменились условия, многое, о чем мы тогда говорили, стало попросту ненужным. Но она дала толчок. Среди людей, занимающихся роком, завязались контакты, серьезней и оперативней стали обмены информацией.

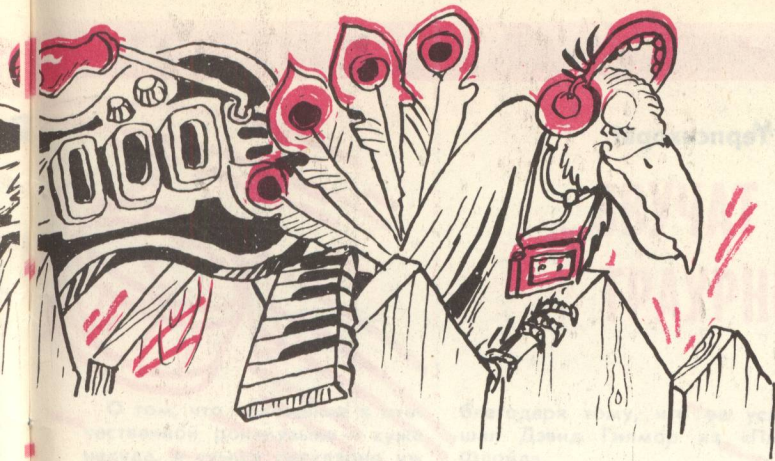
— А что случилось с газетой

федерации «За Зеленым Забором?»

— Газета начинала создаваться в таких условиях, когда сделать что-либо можно было только «на халяву». Все было закрыто так плотно, что именно «халява» была единственным способом пробиться, потому что ее уже никто не ожидал. Но ошибка в том, что халява была возведена в принцип. Из-за собственных ошибок мы, например, до сих пор не смогли получить деньги за первый номер. Сегодняшние времена потребовали более профессионального и серьезного отношения к делу. Боюсь, время кое в чем упущено безнадежно. Одна из причин, почему я оказался в Таллинне, — в том, что тогда ни в каком другом городе ничего откровенного напечатать было нельзя. Теперь везде можно печатать, что угодно. Естественно, возникает вопрос — зачем, скажем, ленинградским или московским авторам, которые могут у себя дома иметь свои издания, работать на какое-то издание, находящееся в Таллинне? Поэтому будущее «333» мне кажется довольно проблематичным. Возможно, она станет определенным посредником между Востоком и Западом?

Нет, это РИО не де-Жанейро!

Андрей БУРЛАКА среди читателей самиздатской рок-прессы, возможно, самая известная личность. Редактируемый им рок-журнал «РИО» («Рекламное-информационное обозрение») — самый регулярный из нерегулярных и один из самых старых. Создатели «РИО» поставили перед собой грандиозную задачу — раз в месяц подводить на страницах своего издания итоги рок-деятельности Ленинграда и, по возможности, всей страны во всех

ВТОРЖЕНИЕ (Славутич) Альбом «Наш дом» (1990)

8 июня группа снялась в 2-часовой телепередаче (прямой эфир) по Славутичскому 5-му каналу.

Состав: Игорь Еловских — вокал; Игорь Платонов — соло-гитара (последнее место работы — Свердловская госфилармония); Виктор Нохрин — музрук (последнее место работы — Свердловский театр музыкальной комедии); Константин Ушмаев — клавишные; Эдуард Вихарев — бас-гитара [экс-«Полигон», экс-«Тайм-Аут», студент консерватории]. Продюсер записи Эдуард Дмитриев (последнее место работы — Челябинская АЭС).

Группа «Вторжение» желает наладить творческие контакты с музыкантами других групп. Просьба обращаться по адресу: Киевская обл., г. Славутич, Вильковский квартал, д. 3, кв. 30, Сергею Бельеву (администратор). Тел.: 2-90-78 (код 04479).

АВСТРАЛИЯ (Тверь)

Группа организована в 1984 году. Первоначально носила название «Парадокс». После ряда смен в составе с 1989-го года называется «Австралия» — это олицетворение для участников ансамбля места, где все живут очень хорошо. Первый альбом группы, записанный в ноябре 1989-го, по мнению группы является поиском своего лица и представляет смесь новой волны и интеллектуального рока. Тексты и музыку пишет лидер группы Кирилл Амбарцумян, ему помогает Василий Рыжиков. На сегодняшний день в группе играют также Игорь Козлов — гитара; Василий Сидельников — бас-гитара; Денис Ден — барабаны; Владимир Ткачев — клавишные; Александр Красоткин — саксофон. Телефон для менеджмента: 154-33, Михаил Макушев.

ДОКТОР РОБЕРТ (Свердловск) Альбом «Ночные развлечения» (1990)

В начале 1989 года, после распада свердловской группы «Студия 34» гитарист Сергей Пучков записал несколько своих песен с тремя различными составами музыкантов. Поскольку все это нужно было как-то обозвать, появились альбом «Дети джунглей» и группа «Доктор Роберт». С октября 1989 года состав стабилизировался, и в апреле была записана следующая программа — «Ночные развлечения». Профессиональных музыкантов в группе нет, нет и профессиональной аппаратуры для записи. Звуки, присутствующие на магнитной ленте, получились благодаря усиленным звукоорежиссера Яши Кейлина.

Дополнительные сведения о «Докторе Роберте» можно почерпнуть на альбоме «Револьвер» ансамбля «Битлз».

проявлениях. На страницах «РИО» рецензируются теле- и радиопередачи, ведется полная хронология ленинградских рок-концертов, выездов местных рокеров на гастроли в другие города (а теперь и страны), прочих важных событий. Плюс к этому — рецензии, обзоры, в итоге получается толстенный, в 100—150 страниц, ежемесячный сборник. Учитывая, что изготавливался он все годы почти вручную и на средства самих авторов, становится ясно, что, вполне поспевая за не особо бурными событиями времен застоя, сегодня «РИО», чтобы остаться актуальным, должен сильно измениться. Это, вероятно, произойдет — ведь Андрей Бурлака сменил профессию и из простого советского инженера стал редактором ленинградского отделения фирмы «Мелодия», которое, кстати, с 1-го октября 1990 года стало самостоятельной организацией:

— Мне никогда не была симпатична опозитизированная романтика сторожей. Я предпочитал нормально жить. Работал на заводе, пытаюсь совместить несовместимое, поскольку не видел других источников существования. Рок-журналистика — не тот способ зарабатывать деньги, если хочешь еще и содержать семью.

Начинал я как музыкант. Это было в начале 70-х годов, сейчас предпочитают об этом не вспоминать. Я человек честолюбивый, и когда мне стало понятно, что, к сожалению, мне не дано играть так, как играли мои тогдашние кумиры, сразу отказался от музыкальной карьеры. Этим надо заниматься всю жизнь, а у меня было слишком много разных других инте-

ресов. Так что теперь я исключительно теоретик от музыки.

«РИО» появился в 1983 году, когда я стал постоянным членом городского рок-клуба. Большинство изданий тех времен, да и сегодняшних тоже — по сути альманахи, то есть, довольно разнокалиберный набор статей, которые в данный момент оказались под рукой. Не говорю о качестве — оно может быть хорошим — нет внутренней структуры журнала. Я попытался сделать при создании «РИО» определенный концептуальный подход. С самого начала мы исходили из известных западных образцов. Желание охватить все сферы рок-культуры сделало необходимым разработать некий план, который воплотился в систему рубрик.

— Андрей, скажи, твое сегодняшнее профессиональное положение может сыграть какую-то роль для участников конкурса «Плейер «Триумф»?

— В отдельных случаях, возможно, вполне достаточно пространства на магнитной ленте. На западе эта советская практика 70-х годов сейчас получает все большее распространение, — прежде всего, благодаря оперативности. И считаю, что имеет смысл отработать практику магнитоиздата с фирменными вкладышами. Какие-то группы достаточно издавать тиражом, скажем, в 1000 экземпляров, и даже меньше. Для пластинки это нерентабельно. Но если я услышу то, что меня заинтересует, и пойму, что это интересно и более широкому кругу слушателей, то сделаю все возможное, чтобы эта группа смогла записаться на пластинку.

Напоминаем, что все рецензируемые фонограммы можно приобрести, обратившись по адресу: 220050, Минск, а/я 497, ЭПО «Триумф».

Молилась ли ты на ночь, Терпсихора!

ОСТАТОК ДНЯ Я ПРОВЕДУ В ЕГИПТЕ

Привет всем, кого с нами нет.
Вам и остальным посвящается.

Три года назад я впервые попал на концерт «Аквариума». Два года назад я два вечера подряд ужирался до белых коней с лидером ленинградского «Аукциона» Олегом Гаркушей. Год назад я перекинулся двумя словами со ставшим уже легендой Петром Николаевичем Мамоновым и создал собственную группу.

И вот теперь, сегодня, здесь я могу с полной уверенностью в правильности своего поступка присоединиться к лидеру омской «Гражданской обороны» Егору Летову и заявить: «Все мы в глубокой ж...».

Сегодня многие сходятся на том, что пришел конец «Золотому веку» русского рока. Однако был ли этот век «золотым»? Ведь все, что мы имели или имеем на сегодня, является, по моему, откровенной туфтой (за некоторым исключением, разумеется). Посредственные стихи, неинтересная музыка и огромные амбиции при этом. В первую очередь это относится к пресловутому ленинградскому «Аквариуму».

И никому не нужны сегодня бедный гумилевский жираф и ахматовские сероглазые короли. «Пива, дайте народу пива!» — скандируют музыканты, и массы вторят им.

Сегодня слово «рок» с равным успехом можно заменить словом «кич», и уверяю вас, что от этого оно только выиграет.

Великая Рок-Идея померкла на фоне Идеи Хорошего Заработка.

Вчера я спросил у школьниц: что лучше, «Фристайл» или

«Ласковый май»? Ответ был однозначным:

— «Ласковый май» — говно, «Фристайл» лучше!..

Интересно, что лучше: «Аквариум» или «ДДТ»?

Где же выход из создавшегося положения? Вариантов несколько. Один из них предлагает ленинградская группа «Дети», тубя направо и налево о необходимости впасть в детство. Увы, ребята, детьми не становятся, детьми рождаются...

Выход второй: Юрий Шевчук («ДДТ») — проповедник великой вселенской любви. Видимо, от ее избытка разогревал он публику перед еще одними человеколюбцами — московским «Ласковым маем» на концертах в Харькове.

— Братушки! — со слезами на глазах вызывает Шевчук, и братушки, исполненные самых разнообразных «чуйств», падают ниц перед своим кумиром. Юра поет, братушки плачут; братушки плачут, Юра бухается на колени и «вклеивает бусы» белорусскому национальному флагу (Минск, 1990 г.).

«Рок есть не музыка, — говорил один из моих знакомых. — Рок есть состояние души». Так упаси же господь от такого состояния.

Однако выход все-таки есть. Может быть, кому-то он покажется не более, чем очередной утопической идеей, и все же. Каждый вправе называть это так, как ему больше нравится. Для кого-то это «колледж-рок», для кого-то — «клубный рок». Мне лично ближе второе, однако суть от этого не меняется.

Трагедией стала монополия на власть некоторого количества «китов» современного советского рока. С головы до ног обеспечены они рекламой, инструментами, аппаратурой, студиями. Стоит ли после этого удивляться, что основным пока-

зателем уровня советского рока являются «Алиса», «Машина времени», «Аквариум» и им подобные. Исключение составляет разве что неординарная творческая личность Петра Николаевича Мамонова (экс-«Звук Му»). Наверное, это единственный человек, выпадающий из когорты, кою представляют теперь «светила» отечественной рок-музыки.

Следует оговориться: я не принимаю в расчет такие достаточно интересные группы, как «Бригада С», «Настя», «Аукцион». В данном случае отнести их к разряду «китов» не представляется возможным. (Говоря о таковых, я подразумеваю, в первую очередь, исполнителей, способных собрать стадион, чего о последних не скажешь).

Итак, всем молодым и не очень, начинающим и заканчивающим, безызвестным и прочим! Суть идеи «клубного рока» представляется мне в виде сети небольших залов (кафе и т. п.), совершенно не зависимых друг от друга и в то же время тесно связанных между собой информацией и деловым сотрудничеством. Единственным критерием готовности исполнителя к выступлению должно стать присутствие искусства как такового.

Насколько я знаю, в Союзе существуют такие заведения: поэтическое кабаре «Кардиограмма» (Москва), «Клуб любителей музыки «Рок-bl.bl.» (Минск)... Дело за малым: создать их там, где их еще нет, и собраться всем воедино.

Ну вот, в общем-то, и все. Сегодня после обеда я улетаю в Египет. Так что если надувает кто писать на мое имя, имейте в виду: меня здесь нет, я вышел. Все. Пока.

Василий МАВР

...ЗВУЧАТ ПРЕКРАСНО ТРАУРНЫЕ МАРШИ

О том, что положение в отечественной рок-музыке — хуже некуда, я слышу регулярно уж который год.

Артем Троицкий в прессе и на ТВ мрачно обозревает битые горшки, которые мы, по его мнению, сегодня имеем вместо цветущей и пахнущей рок-культуры. Добавьте сюда всем недовольных ведущих рубрики «Рок-барометр» в «Советской культуре»; теперь еще товарищ Мавр египетский присоединился к хору. Только что-то знакомое... Ну, конечно! Наши кинокритики. Пять лет они поют, что талантливых картин совсем не стало. Знакомое старческое дребезжание: «Вот в наши годы...»

В свои годы и «глупые» французы наперебой скупали салонные пейзажи с целующимися пастушками и плевать хотели на глубоко прогрессивных импрессионистов. В России в то же время самым читаемым был романист Боборыкин — это при жизни Достоевского и Толстого! Да что лезть в историю. Со времен Рима пипл требовал лишь хлеба и зрелищ.

Сладенькое любят везде. На Западе тоже процветают смазливые личики — «Европа», «Бон Джови», Джексоны... Слышали ли вы, чтобы западные фаны ломились на концерты Лори Андерсон или «Сьюзи энд Зе Бэнзиз», от которых торчит западная критика? Им, конечно, легче. Даже если на концерт какого-нибудь рок-«извращенца» готовы купить билеты только 50 извращенцев-слушателей — это тоже деньги. Хотя выжать доллары из попсы проще. У начинающих талантов, правда, есть еще один шанс. Отдельные разбогатевшие рокеры, часто просто случайно услышав толковых начинающих музыкантов, помогают им пробиться. Бас-гитарист «Энималз» Чендлер все свои деньги вложил в то, чтобы дать пробиться Джими Хендриксу. Кейт Буш заключила выгодный контракт

благодаря тому, что ее услышал Дэвид Гилмор из «Пинк Флойд».

Ну, и наконец, есть «раритеты», играющие некоммерческую или малокоммерческую музыку и имеющие большой коммерческий успех. Например, ирландская группа «Ю-ту». Таких совсем мало. Ну, просто единицы. А все-таки...

Что же имеем мы? То же самое, только с поправкой на экономическую разруху, оставшуюся после строительства коммунизма. Есть феномен Юрия Шевчука, который поет не попсу, но собирает стадионы. (Разве это недостаток?) Есть бас-гитарист «Машины времени» Саша Кутиков, который помог выбиться Андрею Державину и группе «Сталкер». (Ну, что ж поделаешь, что Кутикову понравился «Сталкер», а не «Гражданская оборона»). Есть и богатые менеджеры, готовые вложить крупную сумму туда, где будет быстрая отдача, т. е. в попсу.

У нас, кстати, есть и свои преимущества: относительно ненасыщенный рынок, отсутствие конкурентов, в сравнении с Западом, облегчает путь наверх. Не так уж там, наверху, и забито. Даже стремительно размножающийся почкованием «Ласковый май» не смог до сих пор удовлетворить в полной мере спрос.

Но начинающим некоммерческим музыкантам плохо и у нас, и у них. Что же остается делать? Я тоже знаю выход, и даже много. 1. Эмигрировать на Запад. 2. Пополсеть, т. е. начать играть диско-музыку. 3. Заняться попрошайничеством, т. е. поиском спонсоров. 4. Бросить музыку ваше, блин, на фиг. 5. В хорошо отутюженном фраке (рваной фуфайке, семейных трусах) выйти в ярко освещенный центр арены (сцены, эстрады) и заявить: «Ну, и дерьмо же вы все!» Очень хороший метод, его обкатали поэты-фу-

туристы еще в начале века. Но народ уже не реагирует на «дерьмо», а то и начинает выкрикивать: «Правильно!..» 6. Продолжать с маниакальным упорством долбить свои опусы, надеясь на чудо, на спонсора, на Вудстокский фестиваль, на нового Брайана Эпштейна, на то, что люди твое имя из уст в уста передавать будут, на то, что Троицкий или, в крайнем случае, Стас Намин заметят и вывезут в Англию, в Америку, в «Программу Д», во «Взгляд», в «Музыкальную почту» (или в что там от нее осталось), пригласят в студию или хотя бы одолжат 8.154 рубля, которых не хватает на синтезатор.

Но жизнь чаще прозаичней. В итоге мы имеем толлу рок-специалистов и менеджеров, только вздыхающих на «безрыбье». Также мы имеем изрядное количество действительно новых имен — молодых музыкантов, сидящих глубоко... э-э-э... в провинции и близких к отчаянию. Но мы имеем и зародившуюся рок-прессу! Более того, там и сям появляются энтузиасты, покровительствующие некоммерческим группам. Их мало, энтузиастов, потому что их и не может быть много. Но систему малых рок-клубов мы должны создать, — и тут я согласен со всеми стенающими рок-критиками, утверждающими: хорошо бы, чтобы такая система была.

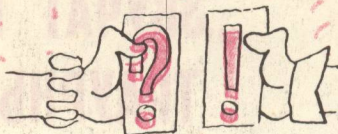
Как оптимист я уверен, что нынешнее тяжелое положение в отечественном роке в ближайшем будущем обязательно ухудшится: к язвам социализма прибавятся язвы капитализма. Но от хорошего рока мы никуда не денемся, потому что мы имеем главное — музыкантов. И, честно говоря, многих из них — известных и безывестных пока — я знаю. Ну, хотя бы благодаря конкурсу «Паруса» «Плейер «Триумф».

Юрий БУДЬКО

стоящее всего из одного знака: «!». Ответ был: «!»

Самое короткое письмо лондонская «Таймс» получила от своего читателя Р. С. Куксона

30 июня 1984 года. Выглядело оно следующим образом: «Д—р?» Это был ответ на вопрос, как правильно следует писать во множественном числе докторскую ученую степень.

Книжный гигант. Самым большим ассортиментом печатной продукции в мире обладает магазин «Фойлз», Лондон. Общая длина его полок — 48 километров. На Чаринг Кросс-Роуд он занимает дома с нумерацией 113—119. Площадь магазина — 7044 квадратных метра.

Вы заметили? Стремление удивить мир, привести в него свою неповторимую черту присуще всему живому. И даже в неживом (если оно таковым является!) присутствует элемент чудотворства: высочайшие горные вершины, умопомрачительные морские впадины, безбрежные пустыни, огромные камни-валуны, причудливой формы кристаллы, золотые самородки-уникумы и великое множество других невероятностей.

А что, если мы вместе с вами попытаемся создать в журнале свою коллекцию ЧУДОТВОРСТВ — от вещей уже известных по различным «книгам рекордов» до только что найденных где-нибудь совсем рядом (скажем, самый длинный — или самый глупый! — лозунг эпохи застоя)?!

Присылайте нам свои находки (и даже целые Собрания), на конверте делайте пометку «Коллекция рекордов».

В качестве разминки предлагаем несколько записей из знаменитой «Книги рекордов Гиннесса».

Самая короткая переписка. Предельно лаконичным оказался обмен посланиями между Виктором Гюго и издательством «Херст и Блоккет» в 1862 году. Писатель был в отпуске. Интересно, как расходитесь его книга «Отверженные», он отправил издателям послание, со-

Прибыли и убытки. Самую большую прибыль за 12 месяцев получил в 1981-1982 годах концерн «Америкэн тэлефон энд телеграф». Она составила 7647 миллионов долларов.

А рекордные убытки принесла в 1983 году аргентинская нефтяная государственная компания «Ясимьентос петролиферос» — 4 643 995 000 долларов.

Самые большие личные потери на бирже понес 8 июля 1974 года покойный председатель корпорации «Макдональдс» Рэй А. Крок — 64 901 718 долларов.

ЧИСЛОВАЯ МИСТИФИКАЦИЯ

721

Ты берешь листок бумаги, пишешь на нем жирными цифрами число 1089 так, что зрители этого не видят. Складываешь записку несколько раз и передаешь на хранение одному из присутствующих.

Затем ты просишь кого-нибудь другого написать на бумаге какое-либо трехзначное число, первая цифра которого должна быть по меньшей мере на два больше последней. Под ним он должен записать то же число в обратной последовательности, т. е. третью цифру написать на первом, а первую на последнем месте. Это число он должен вычесть из первого. Затем полученный результат записать тоже в обратной последовательности. Сложить это число с полученным раньше результатом. А теперь ты просишь того, кто хранил твою записку, прочитать написанное там число. Зрители будут поражены. Ты «предсказал» правильный результат: 1089.

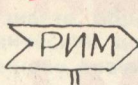
Можешь попробовать это с другими числами. Результат тот же: 1089.

ПРИМЕР:

Кто-то записывает число	513
вычитается (записанное в обратной последовательности)	—
	315
разность	+ 198
слагается с	+ 891
Сумма	1089

ТАК ЛИ ПРОСТ ВОПРОС?

1. Можно ли находиться в Риме и при этом не быть в Италии?

2. Что находится на глубине примерно 6500 км от поверхности Земли?

3. Каждый из 10 братьев имеет одну сестру. Сколько всего братьев и сестер?

4. Сколько литров воды в теле среднего по физическим данным человека?

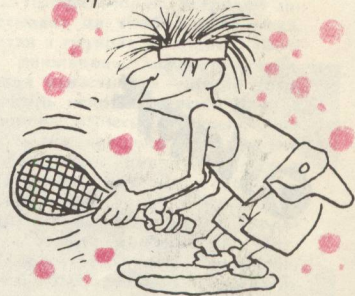
5. В какую страну нужно поехать, чтобы увидеть руины древней Трои?

6. Три человека упали в воду. Но лишь двое вынырнули с мокрыми волосами. Возможно ли это?

УИМБЛДОН
"ПАРУСА"

В чемпионате теннисистов участвуют 100 человек. Проигравший выбывает — ему остается лишь попивать бразильский кофе на скамейке для зрителей. Сколько матчей понадобится сыграть, чтобы выявить победителя?

Ответы [можно вместе с новыми загадочными вопросами] присылать с пометкой на конверте «Игроотека».

Парус
ЭВМ

пощадите ЭВМ!

Рискнем и переписку назвать роскошью человеческого общения. Ведь заглянешь в последний том классического собрания сочинений — действительно роскошь! Впрочем, роскошью во всех смыслах мы, читатель, с тобою не избалованы и перепиской в наш телефонный век не отягощены. А ведь хочется иногда чего-то вот эдакого...

В минувшем году стопки писем в «Ищу друга» погребли под собою ведущую этой рубрики: ни она, ни ее добровольные помощники не в состоянии были ответить каждому из желающих познакомиться по переписке. Вот мы и решили арендовать ЭВМ, поставить дело на солидную основу. Объявления о начале такой работы опубликованы в «Парусе» № 9 за 1990 г. и в № 1 за 1991 г. В культурно-технический Центр «Парус» буквально посыпались письма. Да такие, что нам стало страшно за ЭВМ. Судите сами:

«Это здорово, что вы наконец-то делом занялись и всем нам пришлете друзей! Мне бы — побольше: из Америки, Франции, Италии, Канады, Бразилии, Аргентины. Ну, можно еще из Норвегии,

Дании, Турции, Испании, Мексики. Пусть мне пишут по-русски...

«Друга по переписке я представляю себе таким: рост от 175 до 188, глаза темно-синие, жгучий брюнет, размер ботинок не менее 46-го, худощавый, веселый, сильный, заботливый, добрый. А его интересы и увлечения для меня никакого значения не имеют...»

«Пришлите мне адрес спокойной блондинки с высшим образованием. Второй адрес — манекенщицы с завивкой на длинные волосы [глаза можно зеленые]. Третий — рыжеволосой, темпераментной девушки, предпочитающей театр, четвертый...» и т. д.

Дорогие поклонники нашего Центра! Такую информацию ЭВМ не в состоянии «прокрутить» в своих электронных мозгах — она же не человек! Логически перебирая варианты подбора будущих друзей, она, конечно же, вычислит вам подходящую по возрасту любительницу театра, но за цвет ее глаз, волос и комплекцию, предупреждаем, **МАШИНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ!** А в рабочий банк данных оператор закладывает вот такие сведения о вас: фамилия, имя, адрес, пол, возраст и три самых значимых увлечения, которые

у вас с будущим другом должны совпадать.

Что это вам дает! Не так уж и мало: возможность вести разговор о чем-то интересующем обоих; надежду, что второе письмо не начнется фразой: «Не знаю, о чем тебе написать, но с нетерпением жду ответ»; уверенность в том, что уголки будущих увлечений помогут вспыхнуть большому костру настоящей дружбы.

Ну, а если почтовый контакт почему-либо не получился [не все можно заранее предугадать в знакомстве по переписке], рискните написать нам повторно: пусть вам все-таки повезет!

К сожалению, «Парус» пока еще не международное издание и адресами заграничных подростков не располагает. Но знакомство в пределах СССР — гарантируем! Для этого сообщите нам сведения о себе. Вместе с письмом пришлите квитанцию о перечислении 3—5 рублей [больше сумма — больше адресов] на расчетный счет № 609683 в Московском отделении Жилсоцбанка г. Минска, ВКЦ «Парус» и пустой конверт с вашим домашним адресом — для ответа.

**Ваш новый друг —
КТЦ «Парус»**

Парус

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Алев ГАВРОН (ответственный секретарь), Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Алексей КРИВДЕНКО, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валерий ПЛЮСКОВ (зам. главного редактора), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Светлана ШИДЛОВСКАЯ

Художественный редактор Александр КОРШАКЕВИЧ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАИЧ

Учредители: ЦК ВЛКСМ и трудовой коллектив журнала «ПАРУС»
Издатель: издательство «Польмя» Госкомитета БССР по печати
Сдано в набор 14.11.90. Подписано к печати 04.01.91. Формат 70×108 1/16. Offsetная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 8,9. Заказ 1064. Бумага книжно-журнальная. Цена 80 коп. Тираж 437 748 (1 завод: 1 — 200 000 экз.).
Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

Присланный в редакцию текстовой и графический материал не возвращается.

Рукописи более 4 авторских листов (96 машинописных страниц) не рецензируются и не рассматриваются.

ЗВОНИТЕ:

20-27-08 — отдел социально-политических проблем и международной жизни

20-22-56 — отдел молодежных инициатив; отдел культуры, морали и образования

20-24-00 — отдел писем, изучения общественного мнения

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП, ул. Коруля, 12

125-97

Парус

А

Б

Парус

А

Б